

Луи Буссенар

**Из Парижа в Бразилию
по суше**

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Жозеф Перро

Луи Буссенар

Из Парижа в Бразилию по суше

«ВЕЧЕ»

1884

Буссенар Л. А.

Из Парижа в Бразилию по суше / Л. А. Буссенар —
«ВЕЧЕ», 1884 — (Жозеф Перро)

ISBN 978-5-4444-9139-3

Казаки останавливают бешено мчащиеся сани с закутанными в три слоя меха пассажирами. Арестованных двое и они выдают себя за французских путешественников. Но не так-то прост капитан Еменов. В глазах у него сталь, а вместо пресс-папье – тяжелый револьвер. С таким шутки плохи. Тем более, когда на столе тревожное донесение, а задержанные нагло зубоскалят, заявляя, что едут в Бразилию. Это через Сибирь-то! Что ж, путь свободен – впереди каторга и смерть или бессрочное поселение в местах, где холодно даже солнцу. Каков ваш выбор, господа авантюристы? Луи Буссенар в лучшей своей форме. В очередной том «Мастеров приключений» входит один из ранних романов писателя «Из Парижа в Бразилию по суше», как всегда полный непредсказуемых поворотов сюжета и увлекательных географических подробностей.

ISBN 978-5-4444-9139-3

© Буссенар Л. А., 1884
© ВЕЧЕ, 1884

Содержание

Библиография Луи Буссенара	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	57
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	83
Глава 13	89
Глава 14	97
Глава 15	106
Глава 16	112
Глава 17	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Луи Анри Буссенар

Из Парижа в Бразилию по суше

© Балашова Т.В., перевод на русский язык, 2017

© Морозова Е.В., перевод на русский язык, 2017

© Родина Р.А., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Библиография Луи Буссенара

Книжные публикации

- Через всю Австралию. Десять миллионов Рыжего Опоссума (A travers l'Australie. Les Dix millions de l'Opossum Rouge, 1879)
- Путешествие парижанина вокруг света (Le Tour du monde d'un gamin de Paris, 1880)
- Беглецы в Гвиане (Les Robinsons de la Guyane, 1881)
- Приключения парижанина в Океании (Aventures d'un gamin de Paris a travers l'Océanie, 1882)
- Похитители бриллиантов (Les voleurs de diamants, 1883)
- Из Парижа в Бразилию по суше (De Paris au Brésil par terre, 1884)
- Приключения в стране львов (Aventures d'un gamin de Paris au pays des lions, 1885)*
- Приключения в стране тигров (Aventures d'un gamin de Paris au pays des tigres, 1885)*
- Приключения в стране бизонов (Aventures d'un gamin de Paris au pays des bisons, 1885)*
- Охотники за каучуком (Les chasseurs de caoutchouc, 1887)
- Тайны доктора Синтеза (Les secrets de monsieur Synthese, 1888)
- Необыкновенные приключения Синего человека (Aventures extraordinaires d'un homme bleu, 1889)
- Десять тысяч лет среди льдов (10 000 ans dans un bloc de glace, 1890)
- Адское ущелье (Le Défilé d'enfer, 1891)
- Канадские охотники (Chasseurs canadiens, 1891)
- Французы на Северном полюсе (Les Français au Pole Nord, 1892)
- Борьба за жизнь (Les Combattants de la vie, 1894)
- Без гроша в кармане (Sans le Sou, 1895)
- Секрет Жермены (Le secret de Germaine, 1896)
- Похождения Бамбоша (Les exploits de Bamboche, 1896)
- С красным крестом (Les exploits d'une ambulancière, 1896)
- Остров в огне (L'île en feu, 1897)
- Среди факиров (Les étrangleurs du Bengale, 1898)
- Ледяной ад (L'enfer de glace, 1900)
- Капитан Сорви-голова (Capitaine Casse-Cou, 1901)
- Приключения маленького горбуна (Les Aventures de Roule-ta-Bosse, 1902)
- Герои Малахова кургана (Le Zouave de Malakoff, 1903)
- Террор в Македонии (La terreur en Macédoine, 1904)
- Мексиканская невеста (La Fiancée mexicaine, 1905)
- Сын парижанина (Le fils du gamin de Paris, 1906)
- Архипелаг чудовищ (L'Archipel des monstres, 1907)
- Господин... Ничто! (Monsieur... Rien!, 1907)
- Бандиты из Оржера (La bande des chauffeurs ou Les brigands d'Orgeres, 1908)
- Приключения воздухоплавателей (Les Gratteurs de ciel, 1908)
- Том-укротитель (Tom le dompteur, 1909)
- Под барабанный бой (Tambour battant, 1910)
- Железная Рука (Bras-de-fer, 1911)
- Капитан Ртуть (Le Capitaine Vif-Arget, 1912)
- Новые приключения парижанина (Nouvelles Aventures d'un gamin de Paris, 1913)
- Бессребреник среди желтых дьяволов (Sans-le-sou chez les diables jaunes, 1914)

Часть первая Через Европу и Азию

Глава 1

– Стой! – повелительный голос рассек, словно хлыстом, серую мглу.

– Что там еще? – долетело из саней, мчавшихся во весь опор.

И хотя кучер не знал языка, на котором была произнесена эта фраза, интуитивно он тотчас схватил ее смысл.

– Да ничего, – ответил ямщик, продолжая нещадно гнать лошадей. – Эй, залетные!

– Стой! – повторил угрожающе тот же голос.

– А ну, смелей, голубчики! – кричал возница, надеясь проскочить мимо.

Но тут грянули выстрелы, и сквозь тяжелые хлопья падавшего снега блеснули стволы ружей. Сани едва не наткнулись на штыки стоявших полукругом людей. Перепугавшись, кучер попытался притормозить, переходя, как и все русские мужики в таких случаях, на странное тремоло¹:

– Тпру-у-у!

Вожжи, которые извозчик натянул что есть мочи, лопнули. Казалось, катастрофа неминуема, но наперерез коням бросился высокий человек, в длинном тулупе и меховой шапке, сдвинутой на лоб.

Обычно в русские сани запрягают тройку лошадей: посередине, меж оглоблями, – сильного и быстрого коренника, по обе стороны от него – лошадей помельче, но идущих тем же аллюром. Оглобли соединены высокой подковообразной дугой с подвешенным в центре колокольчиком, оглашающим своим звоном многие километры. Крепко охваченному упряжью, крепящейся к оглоблям и дуге, и вынужденному при натянутых вожжах держать морду вверх, кореннику не повернуть шею ни вправо, ни влево, тогда как пристяжные могут, обернувшись, увидеть кучера.

Внезапно появившийся незнакомец, похоже, хорошо знал поведение животных в упряжке: не колеблясь ни минуты, он железной хваткой сжал кореннику ноздри – самое чувствительное место у лошади, и тот упал на колени.

Сани, продолжая движение по инерции, подпрыгнули и перевернулись, несмотря на специальные брусья, приделанные по бокам для устойчивости. Извозчик, сидевший, как обычно, на облучке, полетел в снег.

– Ну что, ребятки?! – произнес тем же командным, но уже с примесью иронии, тоном смельчак, остановивший коней. – Вздумали улепетнуть от самого капитана Еменова?! Слишком молоды еще, ангелочки! Да-да, слишком молоды, чтобы объегорить старого сибирского волка! Ну а теперь выбирайтесь – и ко мне! Живо!

Из-под саней раздавались стоны. Ездокам непросто было выполнить приказ грозного капитана.

– Ну а вы что стоите? – бросил он солдатам. – Чем пялить глаза, разберитесь с колымагой! Вытащите бедолаг, войдите в их положение!

Солдаты, из казаков, стоявшие полукругом, тотчас накинлись на повозку: били прикладами, руша каркас, сдирали плотную внутреннюю обивку из фетра, швыряли на снежный ковер поклажу. Именно так, очевидно, поняли они приказ «разобраться с колымагой».

¹ Тремоло – быстрое повторение одного звука или чередование нескольких звуков.

Капитан Еменов бесстрастно взирал на валявшиеся в причудливом беспорядке чемоданы из мягкой кожи, тулупы, подбитые каракулем шубы, валенки, подушки, матрасы, мешки и кулечки, консервные банки, конусовидные головки сахара, колбасы, бутылки водки, коробки с печеньем и чаем, топоры, молотки, веревки и распростертые недвижно тела приехавших, выглядывавшие из-под клады, припасенной в расчете на длительное путешествие по бескрайним студеным просторам.

Мы сознательно не касаемся пола горемык, поскольку определить его в тот момент не представлялось возможным: путники были столь заботливо укутаны в меха, что стали толще по меньшей мере вдвое и напоминали, скорее всего, водолазов в скафандрах.

– Ни рукой, ни ногой не шевелят! – пробормотал офицер. – Неужто преставились?

Но тревога оказалась ложной: казаки хорошенько встряхнули злосчастных ездоков, распахнули им одежды, растерли снегом лица и руки, и бедняги, громко чихнув, возвестили о своем возвращении из небытия.

– Где мы? Что, черт возьми, происходит?! – воскликнул кто-то по-французски.

– Право, понятия не имею, – раздалось в ответ.

Увидев, что сани разломаны, вещи разбросаны, а взмысленных лошадей, мелко дрожавших от холода, держат под уздцы солдаты, первый из пострадавших возмутился:

– Опять все не так! Ну и страна! И где этот кучер? Я пожалуюсь властям! Кто здесь за главного?

– Заткнись! – оборвал его капитан Еменов, переходя на французский. Держась строго, хотя происходившее явно его забавляло, офицер обратился к солдатам: – Отведите мерзавцев на постоянный двор. За них отвечаете головой, ясно? Если в мое отсутствие попытаются бежать или заговорить с заключенными – стреляйте. И помните, за каждого убитого – награда в пять рублей.

Не обращая более внимания на подчиненных, капитан повернулся и пошел прочь. Ножны его сабли слегка позвякивали, задевая о голенище сапога.

Снег падал тяжелыми хлопьями. И без того сумрачный день стал еще темнее. Надвигалась ночь.

Не успев оправиться после падения с саней, путешественники оказались в плену. Совершенно сбитые с толку, они шли в окружении солдат и ничего не понимали, кроме того, что последствия ареста могли оказаться самыми плачевными.

Сквозь вьюгу, бившую в лицо, виднелись шесты, расставленные на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не сбиться с пути. Ужасная, изрезанная глубокими обледенелыми колеями дорога вела к однообразным бревенчатым домикам – избам, построенным в строгом соответствии с архитектурными сибирскими традициями. Утоптаный снег хранил множество следов: недавно здесь явно прошла многочисленная группа людей.

Казаки ускорили шаг, повернули направо и минут через пятнадцать, миновав овраг, вышли на площадь, по одну сторону которой виднелась разрушенная церковь, по другую – мрачного вида здание.

У путешественников от жгучего морозного воздуха захватило дыхание, хотелось немного отдохнуть. Но суровые конвоиры, помня о приказе командира, не дали им остановиться. Было ясно, что, если пленники сами не пойдут, их поволокут силой.

Едва французы со стражниками направились к зловещему строению, как на дороге появилась рота вооруженных солдат. Одетые в длиннополые шинели, они четко печатали шаг, глубоко вдавливая в снег кованые каблуки. Следом, едва держась на ногах, колонной шли бедные, измученные люди.

– Каторжники, – шепнул один из пленников своему товарищу. Тот как раз, чтобы не упасть, вцепился, ища опоры, в торцы бревен, выпиравших из придорожной избы.

Повстречавшихся арестантов московские судебные власти приговорили к каторжным работам в Забайкалье, обрекая на муки и безвременную смерть в ледяном аду, именуемом Восточной Сибирью. Серые армяки, легкая обувь, наполовину обритые головы, обмороженные лица. На ногах кандалы с цепью, прихваченной у пояса веревкой. Кое-кто из заключенных обернул железные кольца тряпьем: этим счастливицам удалось собрать милостыню, и кузнец за соответствующую мзду изготовил им оковы чуть пошире. Ножные кандалы дополнялись наручниками, соединенными столь короткой цепочкой, что держать руки можно было только спереди. Находившихся в одном ряду – от шести до восьми человек – приковали друг к другу. Стоило кому-то оступиться, как общий ритм движения нарушался и оковы впивались в кожу, покрытую язвами от постоянного соприкосновения с металлом, заставляя заключенных корчиться от жгучей боли. Жестокость, с какой этих обездоленных заковали в железо, преследовала вполне определенную цель – отвратить даже мысль о побеге.

За скорбной партией каторжан в таких же серых кафтанах, только с желтым квадратом на спине, брели ссыльные, или, как их еще называют, поселенцы, осужденные на бессрочное жительство в Сибири. Желтый лоскут – единственное, что отличало одну категорию отверженных от другой, поскольку у ссыльных – те же кандалы, так же разбитая в дороге обувь и те же муки.

По обе стороны колонны выстроились два ряда солдат. Они шли, посвистывая или напевая, и не задумываясь пристрелили бы каждого, кто отклонился бы с пути. Тем более что пять рублей, положенные за убитого при попытке к бегству, представляли собой солидное состояние, вполне достаточное, чтобы в течение месяца утолять вечно мучающую казаков жажду.

В обозе плелись отобранные у крестьян из соседних деревень низкорослые сибирские лошадки – худые, измученные, с грязной шерстью – и натужно волокли за собой повозки с жалким скарбом поселенцев, а то и с умирающим, чье источенное хворью тело подпрыгивало на каждой рытвине, приумножая страдания несчастного.

За повозками тащились жены поселенцев, согласившиеся следовать в этот горестный край. Кое-кому из них посчастливилось за особую мзду пристроиться среди клади рядом с больными, которых знобило от холода и недомогания. Большинство же шли пешком. Женщины вели за руку детей.

Бедные малыши спотыкались, падали. Тогда матери – отцы ведь не могли выйти из колонны – брали их на руки и несли то на спине, то на плечах, пока сами не валились от усталости.

Замыкала шествие еще одна группа военных. Конвоиры со свойственной российской солдатне грубостью подгоняли отстававших ударами приклада. Поднадзорные хрипели от изнеможения и, то и дело оступаясь, продолжали покорно брести по обледелым рытвинам, пока в их телах еще теплилась жизнь.

Брошенные по дороге трупы быстро укрывались снежным саваном, и было ясно, что с наступлением темноты их разорвут на куски оголодавшие волки.

Прижавшись к избе, испуганные, потрясенные чужеземцы наблюдали зловещую картину, не отваживаясь высказать вслух мучившую каждого из них мысль: «И я могу оказаться среди этих страдальцев!»

Колонна – пятьсот обреченных на муки человек – остановилась на площади, и к небесам внезапно взмыла мелодия – скорее рыдание, нежели песня: это каторжники и ссыльные затянули известную всем русским узникам «Милосердную» – своего рода моление о помощи.

Раз услышав сию душераздирающую, наподобие мизерере², жалобу, исполненную под зловещий аккомпанемент кандального звона в торжественно-возвышенной манере псалмопения, ее уже не забудешь. Простые, неоднократно повторяющиеся слова, по-детски наивно повествующие о постоянно испытываемых каторжниками муках, не могут оставить равнодушными крестьян из расположенных окрест деревень. Заслышав горькую песню, сибиряк тотчас откликается на нее всей душой, не задаваясь вопросом, за что понес узник столь жестокое наказание. Ему, всю жизнь гнувшему спину в суровом северном краю, по собственному опыту знакомы невыносимые тяготы, обрушившиеся на бедных заключенных. Одни обездоленные внимают мольбе других. И то старик инвалид, то широкоплечий рабочий, а то и полунищая вдова с низким поклоном подносят узнику скромную милостыню – медяк или кусок черного хлеба.

Солдаты, в точном соответствии с приказом, запрещавшим общение задержанных с осужденными, растолкали прикладами каторжников, с удивлением поглядывавших на странных подконвойных, и привели путешественников к дому, где их ждал офицер.

На улице уже совсем стемнело, и капитан Еменов, готовясь к встрече, осветил свою скромную обитель на полную мощь, что вообще-то не принято в этих краях. Сбросив ентовую шубу, он остался в синем мундире с золотыми пуговицами, туго подпоясанном ремнем. На ногах – сапоги со шпорами. Одетый как на парад, офицер стоял возле огромной, основательно сложенной печи, в которой потрескивали круглые сосновые поленья. Рядом на огромном столе лежали бумаги, прижатые за неимением пресс-папье тяжелым револьвером.

Солдаты, стянув с пленных шубы, подтолкнули чужеземцев в широко распахнутую дверь и, сами оставшись в прихожей, опустили ружья. Даже не кивнув в ответ на вежливое приветствие, начальник конвоя, словно полицейский, видящий людей насквозь, пронзил задержанных взглядом своих бледно-голубых глаз. Вопреки ожиданию, лица приезжих, небольшого роста, но крепко скроенных и далеко не первой молодости, излучали искренность и доверие.

Прежде всего капитан обратил внимание на их бороды – такие же, как у мужиков, с той, однако, разницей, что аккуратно ухожены: у одного – белокуро-золотистая, у другого – черная как смоль. Видно было, что оба привыкли к опрятности – первому условию комфорта. Тонкие, «аристократические» руки, элегантные, сшитые по фигуре дорожные костюмы. В общем, пленники явно были не из простонародья.

Какое-то время капитан пребывал в задумчивости. Несколько раз провел рукой по сидящим бакенбардам, касавшимся, как у всех казаков, пышных усов. Потом, картинно развернув плечи, сказал по-русски в свойственной ему грубоватой манере:

– Кто вы?

– Месье, – твердым голосом, но почтительно произнес по-французски блондин, – я имею честь сообщить вам, что ни я, ни мой друг не знаем русского. И поэтому вынуждены просить вас обращаться к нам на нашем языке, которым вы, как и многие ваши соотечественники, превосходно владеете.

– Ого, а вы хитрее, чем я думал! – воскликнул офицер. – Ну что же, буду задавать вам вопросы по-французски, хотя мне ничего не стоит научить вас правильной русской речи: достаточно лишь призвать в учителя Ивана. У него одно средство обучения – кнут, которым солдат владеет отменно!

– Кнут, сказали вы?! – побледнев от возмущения, переспросил блондин, его же товарищ, не такой смелый или более впечатлительный, растерялся.

– Да, кнут!

² Мизерере – католический псалом на латыни, начинающийся словами: *Miserere mei, Domine!* (Помилуй мя, Боже!)

– Похоже, я сплю или вижу сны наяву. Сколь бы ни были склонны к злоупотреблению властью российские служащие, ваша угроза представляется мне неуместной шуткой, если только...

– Если – что?

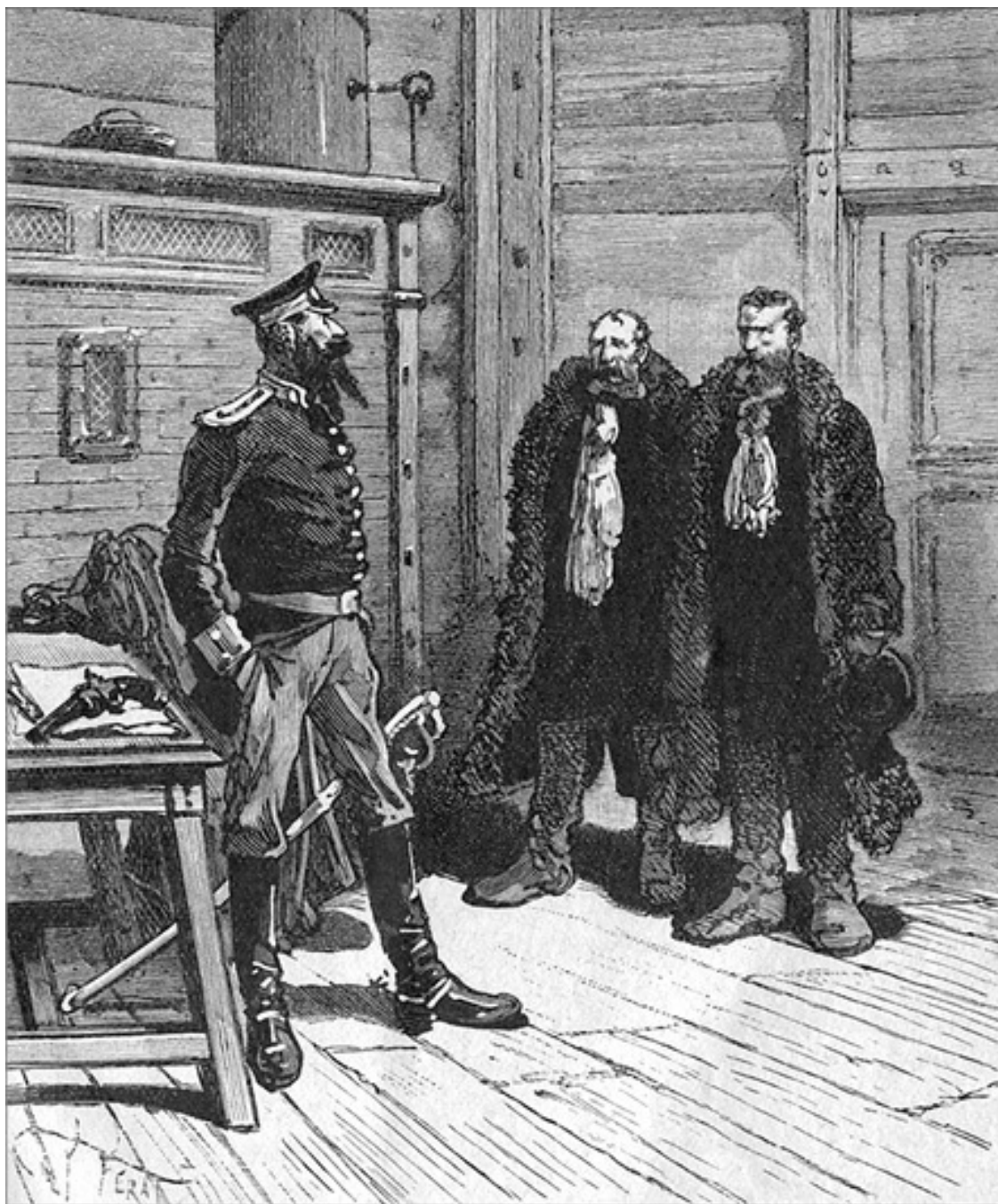
– Если только мы не стали жертвами недоразумения.

– Неплохо вошли в роль! Ни один подданный Его Императорского Величества не решился бы говорить так со мной, его скромным представителем, а посему слова ваши заставляют меня задуматься, кто же вы на самом деле. Может, действительно иностранцы, за коих выдаете себя?

– Я уже сказал и повторяю: мы – французы. В этом легко убедиться, заглянув в наши документы, которые в саквояже. Не набросься на нас ваши люди со свойственной казакам грубостью, мы бы давно уже предъявили вам паспорта.

Капитан молча вытащил из-под револьвера одну из бумаг и ровным, беспристрастным голосом принялся читать, обильно уснащая письменный текст личными комментариями:

– «Среднего роста»... Так и есть... «Оба с бородой. Блондин и брюнет. Весьма активны, особенно блондин. Исключительно хитры... В равной степени превосходно владеют несколькими иностранными языками...»

– Кто вы?

Покончив с описанием примет, офицер сказал самому себе:

– Это, конечно, они, голубчики! Интересно, надолго ли им хватит выдержки? Но вначале позабудем: ведь развлечения так редки в этом проклятом краю! – Затем он промолвил как можно мягче: – Итак, согласно вашему заявлению, вы – французы?

– Я уже сказал вам это.

– И как же вас зовут?

– Меня – Жюльен де Клене, его – Жак Арно.

– Прекрасно! И путешествуете вы ради удовольствия?

– Не совсем так. У Жака Арно дела. Я же действительно сопровождаю своего друга для собственного – и надеюсь, и для его – удовольствия.

– Неплохо у прохвоста подвешен язык! – пробурчал капитан себе в усы. – Но хорошо смеется тот, кто смеется последний! – И снова обратился к Жюльену: – Не будет ли нескромностью узнать, куда вы направляетесь?

– Что ж тут нескромного? В Бразилию!

Капитан ждал любого ответа, но только не такого. Собеседник вроде бы находился в здравом уме и твердой памяти, и разговор происходил не где-нибудь, а в сибирской избе, недалеко от города Томска, на 56° северной широты и 82° восточной долготы. Словом, капитан буквально онемел. И неудивительно: название далекой солнечной страны слишком уж контрастировало с этой пышущей жаром печью, у которой пытались, хотя и без особого успеха, отогреться трое пришедших с мороза мужчин.

– В Бра... в Бразилию?! – заикаясь, произнес офицер. – Но в Бразилию не едут...

– По суше? Конечно! Тем более что Азию от Америки отделяет Берингов пролив – пятьдесят с чем-то километров. Но мы пересечем его зимой, по льду. Мой друг не переносит морской качки, почему и занесло нас в самый центр Сибири, где нам и представилась возможность познакомиться с вами.

Все это было сказано с чарующей легкостью, свойственной парижанам, всюду чувствующим себя как дома.

Капитан, долго сдерживавший себя, взорвался:

– Хватит, негодяй! Я люблю посмеяться, но шутки мои, как у медведя, с когтями и клыками! Не выношу, когда из меня дурака делают! Нет, довольно уж! Не удался вам маскарад! Ты, так называемый Жюльен де Клене, – Алексей Богданов, студент из Риги. А ты, Жак Арно, – Николай Битжинский, студент из Москвы! И оба вы – из кружка нигилистов³, участвовали в заговоре против родимого нашего царя-батюшки! Приговоренные к пожизненной каторге, вы неделю назад бежали из Томска. Ну как, неплохо осведомлен я обо всем, касающемся вас?

На крик прибежал унтер-офицер – на всякий случай.

– Это ты, Миша? – взяв себя в руки, бросил капитан Еменов. – Забери голубчиков да отправь по этапу. Поскольку здесь у нас нет ни цепей, ни кузнеца, свяжи их покрепче по рукам и ногам, а уж в Красноярске их закуют в железо. И предупреди старосту: он головой ответит за них.

³ Нигилист – здесь: противник существующего строя, отрицающий общепринятые нормы поведения и привычный образ мыслей.

Глава 2

Не собираясь специально описывать зловещий сибирский путь по этапу, мы, со ссылкой на вполне достоверные источники, коснемся только тех данных, которые необходимы для ясности нашего повествования.

Двадцать лет тому назад осужденные на каторгу или ссылку весь путь от Москвы до места отбывания наказания проходили пешком. А это ни много ни мало – две тысячи лье до Забайкалья и две тысячи двести – до города Якутска. Вы не ошиблись, даже самое короткое расстояние – две тысячи лье, или восемь тысяч восемьсот километров, составляет едва ли не четвертую часть земного экватора! Одни партии арестантов находились в дороге два года, другие – два с половиной. Но с тех пор администрация произвела кое-какие изменения, к несчастью, скорее видимые, чем подлинно положительные. Согнанных отовсюду заключенных отправляют теперь на пароходиках вверх по Каме, одному из притоков Волги, везут из Перми до Екатеринбурга через Урал по железной дороге и затем на повозках доставляют в Тюмень, откуда начинается нескончаемо долгий речной путь на баржах – сперва по реке Тобол до города Тобольска, далее по Иртышу до Самарского – места впадения этой реки в Обь – и, наконец, вверх по Оби до Томска.

Услышав о таких переменах, некоторые могут подумать, что осужденные избавлены от дорожных мук, поскольку их доставляют на транспортных средствах поближе к месту изгнания. Какой-нибудь умник, демонстрируя неуместный оптимизм, может даже воскликнуть: «Им остается пройти лишь последнюю часть пути – уже после Томска!» На самом деле до поселений вдоль реки Кара – три тысячи восемьдесят километров, или девять месяцев пешего пути. Если же место назначения – Якутск, то пройти придется еще больше – четыре тысячи шестьсот восемьдесят километров. Воистину, бескрайние пространства России то и дело заставляют нас удивляться.

Но, по мнению администрации, и Якутск еще слишком близок от Москвы, и политических заключенных отправляют теперь в Верхоянск и Нижнеколымск – в край полярной ночи. Следовательно, к вышеприведенным четырем тысячам шестистам восьмидесяти километрам, отделяющим Томск от Якутска, надо прибавить еще две тысячи триста двадцать километров – от Якутска до Нижнеколымска. Приплюсовав к 4680 километрам 2320 километров, получим семь тысяч километров, или 1750 французских лье, что примерно совпадает с названной вначале цифрой в две тысячи лье. Для того чтобы преодолеть подобное расстояние пешком строем, требуется два года.

Разве мы неправы, отмечая, что улучшение условий доставки заключенных к месту их постоянного пребывания скорее видимое, чем истинное? Да и можно ли вообще говорить о каком бы то ни было улучшении после прочтения книги русского писателя Максимова?⁴ Три тома его сочинений, рассказывающие о поселениях в Сибири, стали надежным источником сведений, хотя он лишь приподнял завесу над реальным положением дел.

Максимов подробнейшим образом описывает ту часть пути, которую преодолевают на повозках. Он сообщает, как каторжане в один голос называют это транспортное средство машиной, словно специально придуманной, чтобы мучить людей и тягловых животных. Попадая то в одну рытвину, то в другую и словно перебирая колесами клавиши пианино, повозки громяхают то по белым, то по черным переброшенным через топкую болотистую жижу бревнам. Телеги медленно плетутся от одного арестантского барака до другого, выматывая душу из осужденных, которым, едва прикрытым лохмотьями, приходится в любую

⁴ Максимов Сергей Васильевич (1831–1901) – русский писатель, этнограф, почетный член Петербургской Академии наук, автор книги «Сибирь и каторга» (1871).

погоду просиживать неподвижно прикованными друг к другу на узкой скамейке по восемь – десять часов.

Что же касается плавучих тюрем – барж, доставляющих осужденных из Тюмени в Томск, – то они не лучше повозок. Каким бы ни был хорошим сам замысел сократить пеший путь, его реализация не дала ощутимых результатов, особенно с точки зрения гигиены: из-за невыносимой тесноты баржи становятся настоящими рассадниками заразы.

По прибытии в Томск, откуда и начинается пеший путь протяженностью в два года, каторжников и ссыльных в течение нескольких дней разбивают на отдельные группы – в зависимости от конечного пункта их назначения.

Одна из партий таких осужденных, вверенная усердному, но туповатому капитану Еменову, двадцать шестого ноября 1878 года выступила в направлении к Якутску. Этот солдат-фон, прослуживший в армии до седых волос и привыкший за долгие годы к ужасам этапирования ссыльно-каторжных, был в отвратительном настроении – худшем, чем обычно. Дело в том, что двум приговоренным к каторжным работам участникам заговора нигилистов, которых побаивался сам царь, обманув бдительность старого служаки-исправника, удалось бежать из томского острога⁵, а поиски их до сей поры ничего не дали. И перед тем как отправиться в путь, капитан Еменов получил от исправника – начальника уездной полиции – предписание принять участие в розыске государственных преступников и задерживать всякого, кто покажется подозрительным. А по дороге из Семилужного в село Ильинское Еменова нагнал примчавшийся на взмыленном коне вестовой с известием о том, что беглецы движутся тем же маршрутом, что и колонна.

Документы у задержанных были в полном порядке. При въезде в село Ишимское путешественники даже представили подорожную⁶ с печатью. Но разве не бывает так, что злоумышленник, стараясь скрыться от правосудия, заранее обзаводится всеми необходимыми документами? Пометка в паспортах этих так называемых французов действительно подтверждала их заявление о том, что они направляются к самому северному мысу восточного побережья Сибири. Но кто поверит, что французы, изнеженные существа, отважились вдруг пересечь бескрайний континент, да еще зимой! Прямо курам на смех!

Чего ждешь, тому и веришь! И после краткого допроса у начальника колонны, как казалось ему, появились достаточно веские основания для ареста подозрительных лиц, и при этом Еменова не мучили угрызения совести, если таковая еще у капитана имелаась.

Потрясенные неожиданным поворотом судьбы, не оправившиеся еще от падения, от резкой смены жары в избе и холода на улице, напуганные до смерти, путешественники сразу же были отправлены в арестантский барак. Подобные заведения тюремного типа – деревянные строения за высоким забором – располагаются по пути следования колонны приблизительно через каждые пятнадцать километров и служат для этапников местом дневного или ночного отдыха.

В Ишимском селе своеобразный придорожный острог, сооруженный более тридцати лет назад, измочаленный непогодой и повидавший на своем веку многие тысячи ссыльно-каторжных, прогнил от пола до потолка. Снег, подтаивая, сочился с крыши из всех трещин, образуя на полу зловонную лужу, в которой толклись не менее пятисот заключенных, хотя барак был рассчитан только на сто пятьдесят человек.

Распахнув дверь грубым ударом, казак увидел направившегося к нему навстречу высокого, обнаженного по пояс старика.

– Ты староста?

⁵ Острог – здесь: тюрьма; в другом значении – населенный пункт, обнесенный частоколом.

⁶ Подорожная – проездное свидетельство, дававшее ее обладателю право требовать у станционных смотрителей лошадей.

– Да.

– Капитан велел вручить тебе этих двоих. Присмотри за ними. Главное, чтоб не сбежали. Хотя капитан тебе доверяет, но велел все же сказать, что ты отвечаешь за них головой.

– Ладно.

Сильная рука втокнула задержанных в зловонное помещение, и дверь захлопнулась. На них тотчас пахнул сырой горячий воздух, густо пронизанный смрадом от массы людской – от гнойных ран и грязных лохмотьев. Голову словно стянуло обручем, в глазах помутилось, легкие отказались дышать ядовитыми миазмами, и не успели путешественники сделать и шага, как неловко взмахнули руками и, потеряв сознание, повалились на лежавшие недвижно тела ссыльнокаторжных.

Когда несчастные открыли глаза, то пришли в ужас: столь невероятной казалась представшая их взору картина. Вдоль стен по обе стороны от входа располагались нары – сбитые из сырых, осклизлых досок полати. На грубых лежаках валялись вповалку этапники. Те, кому не хватило места на убогом настиле, устроились в грязи под нарами или в проходе. Руки и ноги их были стерты в кровь. Из-за жуткой жары бедняги сбросили с себя влажную одежду, заменившую им матрас. Тяжело, со свистом, вздымалась и опускалась их грудь с резко выступавшими ребрами и иссиня-бледной кожей. Сморенные длительным переходом, одурманенные испарениями, они за редким исключением забылись тяжелым сном, так похожим на беспамятство. Тяжелое дыхание и стоны сливались воедино в зловещем агонизирующем концерте.

Свинцового цвета лица с запавшими глазами, ввалившимися щеками. Огромное скопление тощих как скелеты тел с кровоточащими ранами и железными оковами, от которых, пребывая в кошмарном сне, пытаются инстинктивно освободиться несчастные...

– Где мы?.. Кто вы? – забыв, что он в России, спросил Жак по-французски, увидев склоненное над ним симпатичное лицо старосты, смотревшего на арестанта с грустью во взоре. – Я хочу выйти! Как не поймете вы, что я умираю! Помогите кто-нибудь!

В ответ – лишь кандаальный звон и жалобные стенания.

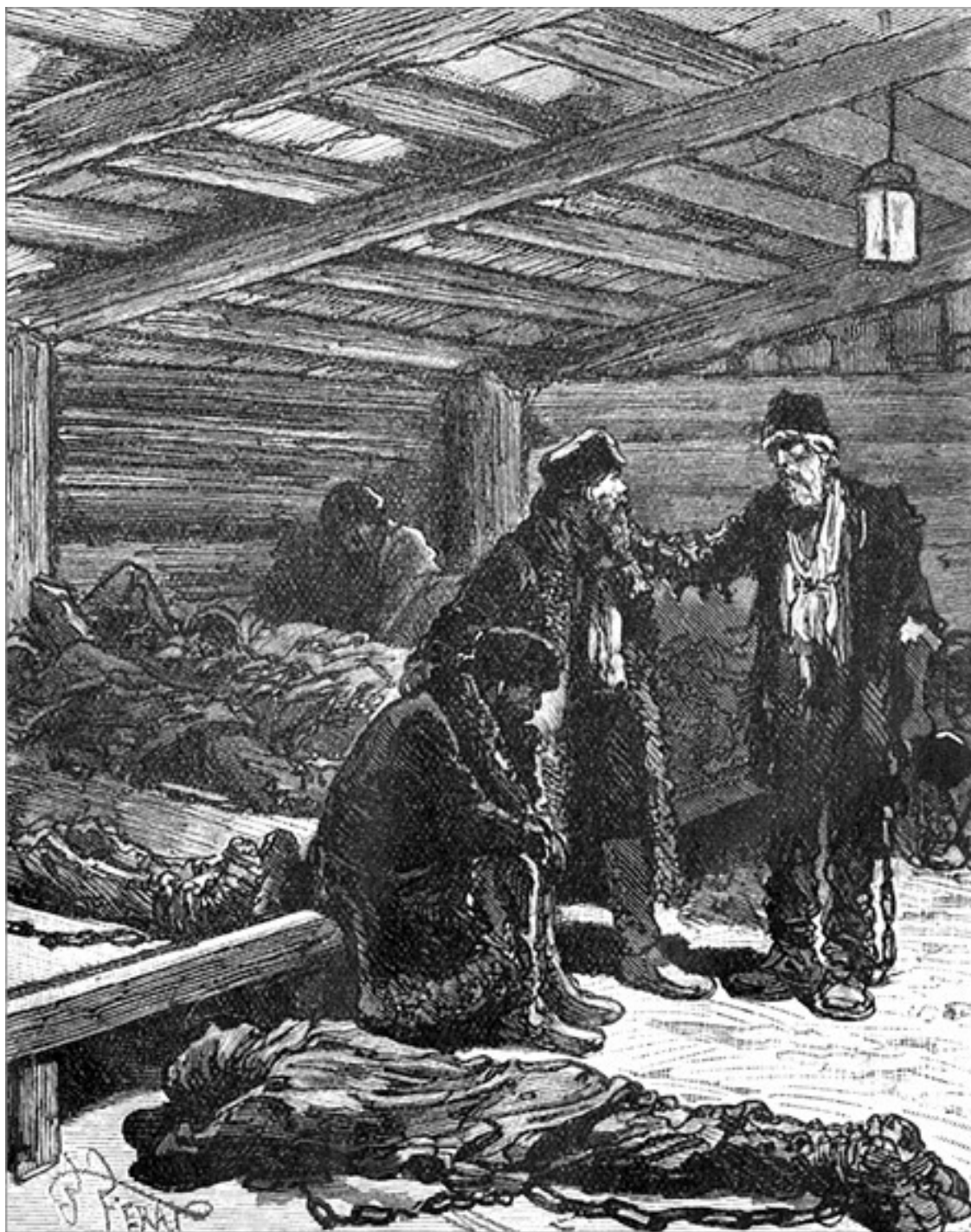
– Тише, браток, тише! – так же по-французски проговорил ласково староста. – Пожалейте тех, кого мучает боль! Пожалейте и тех тоже, что просто спят!

Жюльен – более крепкий и не столь впечатлительный, как Жак, – сумел овладеть собой и, стараясь не обращать внимания на зловоние, обратился к старику, чье аскетичное лицо выражало глубокое сострадание, с тем же вопросом, что и Жак:

– Кто вы?

– Такой же ссыльный, как и вы, дорогие мои ребятки. Впрочем, хуже, чем ссыльный: я – каторжник...

– Мы ведь с другом не русские, а французы, – произнес Жюльен, пытаясь унять дрожь в голосе. – И вдруг нас арестовывают без всяких на то оснований. Мы не знаем ни ваших порядков, ни ваших законов. И не участвовали ни в каком заговоре. Так что оказались попросту жертвами чудовищного недоразумения: офицер, приказавший бросить нас сюда, полагает, будто мы – русские студенты, члены кружка нигилистов.

– *Тише! Пожалейте тех, кого мучает боль!*

– Из томской тюрьмы сбежали два молодых человека – Богданов и Битжинский, приговоренные московским судом к каторжным работам, – сказал, собравшись с силами, Жак. – Я понял во время допроса: этот палач-офицер собирается наградить нас не только их именами, но и тем тюремным сроком, к которому приговорили этих бедняг. Поверьте нам, месье! Даем вам честное слово!

– Верю вам, ребята! – мягко произнес староста. – И глубоко огорчен этой вольной или невольной ошибкой.

– Вы сказали – вольной или невольной?

– Да, именно так. По-видимому, у него своя расценка. Понимаете, начальник колонны, получив определенное число ссыльнокаторжных, отвечает за каждого из них. Если кто-то умер в пути, то составляется протокол, в котором по всем правилам фиксируется смерть. Ну а в случае побега вина за это ложится в той или иной мере на начальника конвоя, которого непременно ждет наказание: выговор или задержка в продвижении по службе. Среди конвоиров встречаются и неплохие ребята – такие, что не стали бы прятаться от наказания. Но капитан Еменов не из них. Он попытается любыми правдами и неправдами арестовать первого встречного и заменить им сбежавшего. В данном же случае, возможно, он старается выручить исправника, раз побег совершен из Томска.

– Но это же подло! Это – преступление!

– Вы правы. Это тем более ужасно, что у работающих в рудниках нет имени – один только номер. И там, полностью обезличенные, без паспорта и прочих удостоверений, они трудятся под землей до конца дней своих.

– Это же ждет и нас?

– Да, если только кто-то не отважится пойти наперекор лиходею.

– Кто-то?

– Скажем, я.

– Вы?! – вскрикнули в один голос друзья. – Но кто же вы? Кто?

– Обычный каторжник, вот уже больше двух лет. А до этого был полковником. Позвольте представиться: Сергей Михайлов, преподаватель Петербургского военного училища.

Жюльен де Клене не мог сдержать удивления:

– Полковник Михайлов? Знаменитый ученый, одаривший когда-то меня своим вниманием? Но тогда вы должны помнить Париж и вечера, проведенные нами вместе у мадам П. Там был еще и ваш знаменитый соотечественник Тургенев. А лекции в Географическом обществе! Вы знаете меня, я – Жюльен де Клене.

– Жюльен де Клене! – произнес сквозь душившие его слезы староста. – Прославленный путешественник, исходивший Мексику, аргентинскую пампу, побывавший на неизведанных островах Океании... Бедный мальчик, вот в каком аду довелось нам встретиться! – Потом, сумев преодолеть волнение, старик проговорил: – Если, не зная еще, кто вы, решил я попытаться спасти вас от чудовищной несправедливости, то с тем большей радостью сделаю это для друзей... Ну как вы, приходите понемногу в себя? Привыкаете к этой жаре и зловонию?

– Дышать – дышу, но без особого энтузиазма, – ответил присущим парижанам шутивым тоном Жюльен и заставил себя улыбнуться.

– А я, – молвил Жак, по бледному лицу которого стекали крупные капли пота, – слышу вас с трудом и вообще еле жив.

– Вот вам водки, – предложил староста, доставая откуда-то бутылку. – Только она одна сможет помочь вам дожидаться, пока откроют двери.

– А вы?

– Не беспокойтесь, я уже научился почти не спать, мало есть и вдыхать воздух лишь время от времени. К тому же мои обязанности, пусть скромные и неоплачиваемые, требуют от меня немало внимания. Так что о себе я не успеваю думать.

– О каких обязанностях идет речь?

– Я – староста этой партии ссыльнокаторжных. Вы, наверное, не знаете этого слова и всего, что с ним связано. Так что поясню вкратце. Традиционный для России дух коллективизма сохраняется и среди заключенных. Свои деньги они складывают вместе: можно считать правилом, что ни один политический, ни один уголовник копейки не истратит на себя одного. Готовясь к дороге, они выбирают кого-нибудь из своего числа, чаще всего пожилого, и вручают ему все деньги с просьбой использовать эти средства, чтобы хоть как-то облегчить

участь заключенных. Сейчас я уточню. Стража в арестантских бараках привыкла взимать с заключенных некоторые, так сказать, поборы, и отвертеться от этого отнюдь не просто. Я не осуждаю этих людей: жизнь охранников тоже не сладкая, почти как у нас. Подумать только, им выделяют на весь год лишь четыреста кило муки и три рубля деньгами, что составляет в общей сложности семь франков пятьдесят сантимов. Поэтому они в постоянных поисках «моркови», как шутливо выразился один служака-француз. Скажем, приходит партия в придорожный острог. Заключенные промокли до мозга костей. А стражник им: «Печь не работает, ее не разжечь». Вот тут староста и вынимает из общей копилки небольшую сумму. Иногда с той же целью специально выставляют окна: «Рамы взяли на ремонт. Придется так и спать – без стекол». Староста опять платит – чтобы вставили окна. И так за все – за доски с ветошью вместо постели, за охапку сена, чтобы заткнуть щели, за тряпки, которые засовывают в железные кольца, за водку, чтобы взбодрить несчастных, совсем окоченевших от холода. Не забывает староста и про кузнеца, кующего кандалы. Кроме того, он же подбадривает слабого, утешает отчаявшегося, отпускает грехи умирающему. На определенных условиях ему удастся уговорить начальника конвоя закрыть глаза на незначительные отступления от отдельных правил, выполнение которых сделало бы путь по этапу еще тяжелее.

– На определенных условиях?

– Да. Если начальник проявляет терпимость, то заключенные через своего старосту дают ему слово не бежать в дороге. Это обещание обычно строго соблюдается вплоть до прибытия на место. Ну а там они считают себя свободными от обещания, которое каждый из них давал ради всех. Позавчера я тоже от имени всех дал капитану Еменову такое обещание... Не беспокойтесь, к вам это не относится. Я хочу, чтобы вы ушли отсюда с гордо поднятой головой, как люди, чья невиновность полностью доказана, а не бежали бы тайком, словно испугавшись законного возмездия... Становится совсем темно, скоро ночь. Постарайтесь немного поспать. Я попрошу у охранника две охапки сена, а ваши товарищи по несчастью немного потеснятся для вас. И запомните: вы можете полностью рассчитывать на меня.

Глава 3

– Боже милостивый, что случилось? Загорелся Люксембургский дворец?⁷ Мельницу Галетт⁸ окружили китайцы или во Франции восстановлена монархия? – воскликнул весело некий гражданин, повстречав неожиданно на углу знаменитых парижских Больших бульваров и улицы Фобур-Монмартр своего приятеля.

– Привет, Жюльен! Как дела, дружище?

– Это у тебя надо спрашивать, как дела! На тебе, милый Жак, лица нет!

Жак вздохнул, крепко пожал другу руку, еще раз вздохнул и ничего не ответил.

– Послушай, – продолжал Жюльен, – ты что, проценты потерял на последних облигациях? Или остался без гроша в кармане? А может, женился или заболел? Или орден получил? При виде тебя меня встревожили сразу две вещи: во-первых, ты чем-то озабочен, и, во-вторых, в эти часы – и не на работе!

– Боюсь, Жюльен, что ждет меня дорога к черту на кулички!

– Ну уж этого-то никак не случится: черт далеко, а путешествовать ты не любишь.

– Последнее-то обстоятельство и приводит меня в отчаяние: мне, вероятно, придется все же отправиться...

– Куда?

– В Бразилию.

Жюльену не удалось сохранить серьезность, и он разразился громким хохотом:

– Теперь я понимаю, почему у тебя сегодня такая кислая физиономия. Ведь это подлинное несчастье! Настоящее бедствие, лишаящее префектуру Сены примерного служащего!.. Итак, ты держишь путь в Бразилию! Бордо, Лиссабон, Дакар, Пернамбуку⁹, Рио-де-Жанейро – путешествие приятное и непродолжительное. Двадцать три дня на пароходе – совсем пустяк! – и ты уже в солнечной стране, среди тропической зелени!..

– Мне наплевать, как там – пусть будет хуже, чем даже в катакомбах... Но море, море! – плаксиво произнес Жак и умолк, не в силах продолжать.

– Послушай, ты так и не сказал, что же заставило тебя отказаться от привычного ритма жизни. Со времени нашей последней встречи прошло полгода – срок достаточно большой, чреватый многими неожиданностями для нервных парижан – правда, теперь нас называют не парижанами, а невропатами!

– До вчерашнего вечера жизнь моя была спокойна, словно вода в пруду. Но с утра я – как на углях! Я почти архимиллионер, но радости – никакой!

– Надо же! Наследство?

– Да.

– От какого-нибудь дядюшки?

– Да.

– Наверное, из Америки: только там такие серьезные дяди живут.

– Отгадал.

– Ну что ж, тем лучше! А то говорили, что они уже все перевелись. Я рад, что эта порода людей еще не вымерла, и счастлив за тебя... Да что мы стоим в этой толчее? Уже половина двенадцатого, я умираю от голода. Пойдем-ка к Маргери. Проглотим дюжину устриц, отведаем рыбки из Нормандии, полакомимся молодой куропаткой, запьем все это старым вином

⁷ Люксембургский дворец – архитектурный ансамбль в Париже.

⁸ Мельница Галетт – одна из сохранившихся старых мельниц на Монмартре, бывшем пригороде, а с 1860 года – районе Парижа.

⁹ Пернамбуку (в настоящее время – Ресифи) – портовый город в Бразилии.

«бон-дез-опис»! А за десертом ты расскажешь мне о своих треволнениях. Это тем более интересно, что начало похоже на очерк из «Журнала путешествий».

– Ладно, пошли. Тем более что на работу сегодня все равно не пойду.

– Да уж скорее всего! – заметил Жюльен, посмеиваясь.

Полчаса спустя друзья, удобно расположившись в отдельном кабинете ресторана, с удовольствием уплетали блюда, подаваемые им Адриеном, славным малым, преклонявшимся перед исследователями и, кажется, тщетно мечтавшим тоже отправиться в настоящее путешествие. Пища была, как водится, изысканной, вино – отменным.

За едой о горестях осчастливленного Жака не говорили. И только когда Адриен принес кофе, Жюльен, закулив сигару, облокотился на стол и приступил к расспросам:

– Так ты сказал, что дядюшка...

– Умирая, объявил меня единственным наследником. Со мной письмо от него, полученное с утренней почтой. Вот, смотри! – Жак достал из кармана и протянул Жюльену толстый конверт с адресом, написанным крупными печатными буквами, и с профилем Педру д'Алькантара¹⁰ на почтовых марках.

– Да это же целый трактат!..

– Прочти, здесь немало любопытного.

– И денежного!

– Ты все смеешься. Дядюшка писал не так часто.

– Но если уж писал...

– То и за час не прочитаешь.

¹⁰ Педру д'Алькантар, или Педру II (1825–1891), – император Бразилии с 1831 по 1889 год.

– Прочти, здесь немало любопытного

– А у нас есть время?

– Что касается моей работы...

– Ясно! Итак, приступаю!

Жюльен не торопясь разгладил листки, пригубил шартрез и начал вдумчивым голосом:

– «Фазенда Жаккари-Мирим, двадцать один градус тридцать минут южной широты и сорок девять градусов западной долготы от Парижского меридиана (Бразильская империя¹¹)

Двадцать первое июня 1878 г.

¹¹ Бразилия с 1822 по 1889 год называлась официально империей, с 1889 года – федеративной республикой.

Дорогой мой племянничек!

Некоторые замшелые моралисты считают, что нельзя следовать первому движению сердца: оно, мол, излишне сентиментально. Со мной же – в том, что касается вас, – получилось как раз наоборот. Первым моим побуждением было лишить вас наследства, но я заглушил это желание и решил объявить вас своим единственным наследником. Ну, хорошо я сделал, отказавшись от первого побуждения, которое явно было злобным? Не буду объяснять мотивы, которые побуждают меня так действовать. Мое решение непоколебимо, хотя я вас совсем не знаю или знаю исключительно по письмам, посылаемым хорошо воспитанным молодым человеком старику, который может обернуться для него американским дядюшкой. Я долго на вас обижался. Это началось еще с того времени, когда вы закончили пресловутый юридический факультет – еще одна глупость Старого Света! – и искали место в жизни, как обычный Жером Патюро. Ваша умница-мать, моя сестра, оказала мне честь посоветоваться со мной по этому поводу. Справедливо или нет, но на меня в семье смотрели как на смышленного человека – из-за того, что, покинув страну в двадцатилетнем возрасте в одних сабо, я сумел, как нынче говорят, сколотить кругленький капитал. Я ответил ей, что хорошо бы отправить вас на фазенду Жаккари-Мирим, где моего племянника ждал бы хороший кованный сундучок размером с канонерку и где его встретили бы с распростертыми объятиями, прижав к сердцу, которому незнакома торговля чувствами. Ваша матушка колебалась, она боялась. Ее я не буду за это бранить: мнение матери диктуется ее любовью. Вы же, дорогой племянничек, явили пример малодушия, даже страха, и это было неприятно. Вы отказались от моей помощи с отчаянной энергией труса, вынужденного что-то объяснить в свое оправдание, и в качестве последнего мотива выдвинули свой ужас перед обычным морским путешествием протяженностью в двадцать три дня.

Я поклялся забыть вас, и это мне удалось без особого труда. Тем временем вы взяли за правило регулярно писать мне, делаясь вашими проектами и тем самым позволяя мне разделять ваши надежды. Вам было двадцать пять лет, а посему предстояло, как и положено молодому человеку, воспитанному по буржуазной мерке, добиться скромной и бесполезной должности супрефекта и гордо представлять администрацию в таких городах, как Лодев или Понтиви.

Вы могли бы также, закончив изучение юриспруденции, рассчитывать на сомнительную честь добиться личного преуспевания в обществе. Например, вам не возбранялось надеяться по завершении образования на получение должности заместителя прокурора, что позволило бы работать в суде высшей инстанции города, носящего звучное имя Понтодмер или Брив-ла-Гайард. Но занимающие столь блестящие посты чинуши вынуждены нередко менять место обитания, что совершенно неприемлемо для вас, привыкшего к оседлому образу жизни. И вы предпочли галунам супрефекта и мантии заместителя прокурора место канцелярской крысы. Bravo! Поздравляю вас с этим выбором: ведь не так просто быть всегда последовательным в реализации своих принципов! Возможно, вы заняли кресло ответственного служащего или даже заместителя начальника при зарплате в три тысячи пятьсот франков. И, вероятно, сибаритствуете в просторном кабинете, затянутом зеленым репсом, – это, кажется, последний

крик моды официозной элегантности. Служащие, что пониже, вам, наверно, завидуют, коллеги уважают, а портье в ливрее низко кланяются. А что вам еще надо? Глупец!..»

– Ну, это уж слишком! – прервал чтение Жюльен, раскуривая сигару. – Впрочем, не будем придирается к словам. Твой дядюшка, видать, был истинным философом.

– Продолжай же, – произнес смиренно Жак, готовый еще и не то услышать.

– «Глупец! Ведь здесь я обеспечил бы вам жизнь, какой умеют наслаждаться только землевладельцы Нового Света.

Представляю себе улицу Дюрантен на Монмартре, где вы живете: душные, темные комнаты вплотную к четырем другим квартирам! Вы ходите из дома на работу и обратно с ритмичной последовательностью приступов хронического ревматизма. Вас душит галстук, костюм тесен, вы дрожите от холода, шлепая под зонтом по грязным лужам, или же – в иное время года – задыхаетесь, как астматик, в облаке ядовитой пыли. Вот и все пути-дороги вашей идиотской жизни, от которой только растет живот и выпадают волосы.

В общем, вы строго отмеряете и удовольствия и заботы, аппетит подчиняете зарплате, сон – обязанностям, комфорт – приработку, знакомство – выгоде. Вы вынуждены помнить цену на яйца и просите служанку разогревать остатки вчерашнего ужина. В театр вы ходите два раза в месяц, а сигары курите дешевенькие. При этом вы должны улыбаться своему начальнику, хотя вам хотелось бы послать его к черту, пожимаете руку этому проходимцу только потому, что он вхож к министру, и кланяетесь помимо своей воли ничтожествам, занимающим по очереди должность заведующего отделом кадров.

Итак, распрощавшись с иллюзиями, свойственными каждому молодому человеку, вы проводите дни среди взяточников, крикунов, завистников, эгоистов и придурков, растрачивая то там, то здесь частицы своего сердца, – и так будет до тех пор, пока сами не станете таким же, как они. Это все не за горами, чернильная вы душа!

А здесь вам бы принадлежали пятьсот квадратных километров земли и жили бы вы на свежем воздухе, купаясь в солнечных лучах и полностью удовлетворяя свои потребности, фантазии, желания, капризы. Вашему образу жизни могли бы позавидовать монархи и президенты обоих земных полушарий!

Пожелаете бифштекс или просто котлету – прикажете забить быка: у меня их десять тысяч. А когда насытитесь, слуги выбросят остатки пиршества бродячим собакам или в реку на корм рыбам.

Вы любите охоту? Тогда ничто не помешает вам подстрелить ламу, страуса или... А вздумаете помчаться по степи – выбирайте любую из двух тысяч моих лошадей, например, возьмите скакуна, при виде которого потекут слюнки у ваших расфуфыренных спортсменов или жокеев, разодетых, как попугаи.

Соскучились по концертам? Так усладите свой слух чарующей симфонией, исполняемой величайшим музыкантом – природой!

Захотели золота или драгоценностей, пожалуйста: земля наша имеет все, чтобы удовлетворить любые прихоти.

Придет вам в голову загадать невыполнимое – попробуйте испытать свои силы, и я верю – вы всего добьетесь.

Если же однажды нападет на вас ностальгия по Старому Свету, – человек ведь несовершенен! – то кто запретит вам провести несколько месяцев в Париже, тратя по десять тысяч франков в день и делая одного счастливым, а у другого вызывая злобу? Будут среди тех, кого встретите вы, и признательные вам за помощь, и неблагодарные, и откровенные завистники.

Такое путешествие помогло бы вам сравнить электрический свет с экваториальным солнцем, витрины Пале-Рояля – с драгоценными ларчиками феи цветов, рукотворные памятники – с готическими арками в девственном лесу.

Вы сможете оценить по достоинству очарование свободы, которую получите здесь, в то время как в Европе приходится ежесекундно наткаться на преграды, воздвигаемые вашей цивилизацией – злобной и догматической.

Да, племянничек, я мечтаю одарить вас благополучием, защищенным от недобрых ветров окружающего мира.

Я решил было завещать свое кругленькое состояние государству. Но в последний момент во мне шевельнулись угрызения совести, причину которых мне трудно определить. Перед моими глазами возник тот уголок Турени, где родились мы, нежное, ласковое лицо моей бедной сестры, преждевременно ушедшей из жизни. Я представил себе и вас – сначала упитанным карапузиком, потом юношей, которого я рад был бы прижать к сердцу и назвать своим сыном. Одним словом, мне трудно было противиться голосу крови.

Поэтому, милый мой племянник, настоящим письмом я объявляю вас единственным своим наследником.

Вам – поля моей Жаккари-Мирим! Вам – мои леса, луга, пастбища, залежи золота и бриллиантов! Вам – мои табуны лошадей, стада коров, овец! Вам – мои плантации табака, кофе, какао, сахарного тростника! Вам – все мои запасы – дома и в магазине! Вам – серебряные слитки и бриллианты, хранящиеся в Имперском банке Рио-де-Жанейро! Одним словом, вам – все, чем я владею. И при этом я ставлю только одно условие: чтобы вы лично приехали сюда, на фазенду Жаккари-Мирим, в Бразилию, принять все это состояние. В противном случае наследником будет государство, а вы так и останетесь жалкой канцелярской крысой.

Я кончил, и счастливого вам путешествия, дорогой племянничек!

Ваш американский дядюшка

Леонар ВУАЗЕН.

P. S. Вы получите это письмо, когда мой управляющий, славный малый, которого я вам рекомендую, похоронит меня в моих владениях, но достаточно далеко от дома, чтобы не смущать живых.

Могила – зрелище печальное. Приходите иногда меня навестить».

– Жак, – задумчиво сказал Жюльен, закончив чтение, – я только что признал, что ваш дядюшка – философ, теперь я бы добавил, что у него золотое сердце. За строками письма, в каждом слове – переливающаяся через край сентиментальность, желание нести тепло и ласку. Этого не скрыть даже изящной иронией. Буду откровенен с тобой, ты совершил большую глупость, отказавшись тогда навестить этого прекрасного человека. Что теперь ты думаешь делать?

– Если бы я знал! Меня охватывает ужас при одной мысли о том, чтобы подняться на корабль!

– Ты что, болен?

– Это хуже, чем обычная болезнь. Хуже всего на свете.

– Трусишь? Впрочем, не может этого быть, я видел тебя в драках. Ты сражался как лев.

Уж я-то помню!

– А что бы ты сделал на моем месте?

– Проще простого! Побежал бы в транспортное агентство и заказал билет на первый же пароход, идущий в Бразилию. А там бы уж возложил цветы на могилу, что вдали от дома.

– Я знаю, что умру в пути.

– Фу-ты, мокрая курица!

– Ты не знаешь, что такое морская болезнь!

– А ты знаешь?

– Увы! Однажды, себе на беду, я решил совершить прекрасную водную прогулку из Гавра в Кан и по возвращении рассказать моим коллегам об этом путешествии. Но едва я ступил на сходни, со мной начало твориться нечто невероятное – как при холере или белой горячке. А когда пароход отправился в путь, стало совсем худо.

– Обычная морская болезнь!

– Наверное. Но такой силы, что и матросы и пассажиры, глядя на меня, испытывали не только сочувствие, но и отвращение. Не в силах подняться, истерзанный непрерывными рвотными позывами, лежал я, словно грязное животное, в собственных нечистотах, уверенный в том, что конец мой близок.

– Потом к морю привыкаешь.

– Это так говорится. От Гавра до Кана не более трех часов, но, поскольку штормило, мы проплыли целых восемь. И с каждой минутой мучения мои становились все нестерпимее. Меня рвало кровью, я потерял сознание. Сам капитан, старый морской волк, говорил, что никогда не видел ничего подобного.

– Ну и ну!

– Я терпел эту качку восемь часов, возможно, выдержал бы и все двенадцать, но ведь от Бордо до Рио-де-Жанейро не двенадцать часов, а двадцать три дня! Уверен, что я оочурюсь по пути.

– А давно совершил ты ту прогулку?

– Лет двенадцать тому назад.

– Может быть, твой организм за это время перестроился? Такое случается. Многие, страдавшие в юности морской болезнью, в зрелом возрасте смеются и над килевой, и над бортовой качкой.

– Уверен, все будет, как и прежде. При одном лишь взгляде на деревянных коней карусели или на качели у меня начинает кружиться голова. Недавно я решил прокатиться на пароходике по Сене. Все повторилось, да так сильно, что пассажиры пришли в негодование, предполагая, что я хлебнул лишнего. Меня даже чуть не забрали в полицию за злоупотребление спиртными напитками в общественном месте. Морская болезнь – на Сене! А тут ведь надо Атлантический океан пересечь.

– Ну что же делать?

– Я не побоялся бы отправиться в Африку, к самому экватору, на Камчатку, куда угодно. Я силен как бык, моей выносливости, необычайной для типичной канцелярской крысы, любой бы мог позавидовать.

– Неужели?

– Да. Когда я начал полнеть, то решил заняться фехтованием и гимнастикой. И стал одним из лучших учеников Паса.

– Браво!

– Если бы я знал, как добраться до той фазенды, не подвергая себя отвратительному недугу, я бы ни минуты не колебался.

- Прекрасно! А если я подскажу тебе такой путь?
- То сразу же поеду.
- Ловлю на слове!
- Ну что ж, если пообещаешь не обрекать меня на морскую болезнь.
- Обещаю!
- Итак, что же ты надумал?
- Просить у официанта счет и бумагу с ручкой.
- А бумагу-то зачем?
- Чтобы ты смог написать на имя префекта округа Сены прошение об отставке.
- Ты всерьез?
- Я люблю пошутить, но не в таких делах!
- Ну что ж, сжигаю свои корабли!
- И тем самым спасаешь себя от морской болезни? – обыграл слова Жака Жюльен. – Чтобы осуществить задуманный мною план?
- Какой именно?
- А это пусть станет для тебя сюрпризом! – ответил Жюльен, а про себя подумал: «Ты называешь экватор и Камчатку, словно речь идет о прогулке в Аньер¹². Ну что ж, на Камчатке ты побываешь. И еще во многих других местах! Я буду не я, если не заставлю тебя добраться до Бразилии по суше!»

¹² Аньер, или Аньер-на-Сене – город в окрестностях Парижа.

Глава 4

Дружба Жака Арно и Жюльена де Клене началась еще в школьные годы. Жюльен осиротел в двенадцать лет, и опекун поспешно поместил его в коллеж Святой Варвары, чтобы без помех управляться с солидным капиталом своего подопечного. В интернате мальчик был лишен всего – и встреч с родственниками в большой гостиной, и редких долгожданных прогулок за стенами учебного заведения, и даже каникул, проведенных под родимым кровом. Всякий раз, когда веселый рой воспитанников коллежа разлетался по своим домам, маленький миллионер, более несчастный, чем остальные, вместе взятые, оставался в интернате с детьми из Бразилии, Египта и Румынии, которые за сравнительно короткие каникулы просто не успели бы добраться до родины и вернуться назад.

Лишенный тепла семейного очага, не представляя себе, что такое домашнее обучение, Жюльен, однако, не стал лентяем, как многие его сверстники. Наоборот, упорно, со всем пылом юного, жаждущего знаний интеллекта овладевал он науками и прослыл блестящим учеником.

Шел уже третий год пребывания Жюльена в коллеже Святой Варвары, когда однажды после каникул он заметил в толпе растерянных, неловких новичков высокого, краснощекотого, нескладного и, судя по всему, насмерть перепуганного увальня. Деревенские манеры и свойственный жителям Турени акцент заранее предполагали, что скоро этот недотепа станет жертвой боевой группировки, державшейся всегда во дворе особняком: задиры то обсуждали скачки на ипподроме, то делились новостями из жизни какого-нибудь известного артиста, – короче, готовя себя к высшему свету, набирались друг от друга массы бесценных сведений, без коих нечего и соваться в парижскую жизнь.

Сим бедолагой и был Жак Арно. Непосредственный, не знакомый с условностями, он уже в силу одного этого становился объектом издевательства со стороны подростков, озлобленных, словно маленькие, измученные возрастными недугами старички. Решив, что проstack превосходно подходит к роли мальчика для битья, юные истязатели, изощряясь, старались как можно больнее уколоть беззащитного паренька хлесткими эпиграммами весьма сомнительного вкуса, передававшимися из класса в класс как заразная болезнь. Однако Жак был совершенно равнодушен к едким насмешкам, по-видимому, не вполне понимая их суть.

Стараясь вывести Жака из себя, шалунишки становились все беспощаднее и творили над ним жестокие проказы, к счастью, теперь позабытые в наших школах. А бедный мальчик, затаившись в углу, как побитая собачонка, заливался горючими слезами.

– А ну, хватит! – раздался как-то раз, когда сорванцы снова напали на мальчугана, громкий решительный возглас, и на мучителей обрушился град мастерски нацеленных ударов – и ногами и кулаками. И уж не сосчитать подбитых глаз, рассеченных губ, окровавленных носов. – А ну, смелей! – прозвучал тот же голос. – Делай как я! Бей! Сильней! Еще! Еще!

Жак, сильный от природы, расхрабрился, ощутив поддержку, и принялся наносить не очень ловкие, но весьма чувствительные удары, пока наконец с помощью нежданного защитника, которым оказался Жюльен де Клене, не обратил противника в постыдное бегство.

Отважного защитника, крепкого, отличавшегося бесстрашием, побаивались. И в то же время завидовали ему, поскольку он был богат, и восхищались им, как первым учеником. В общем, во дворе, где прогуливались средние классы, он пользовался довольно высоким авторитетом. И одного его вмешательства в драку было достаточно, чтобы Жака навсегда оставили в покое.

– Чего ты плачешь? – бросил Жюльен с грубоватой нежностью.

– Больно...

– При мне можешь поплакать, но нельзя, чтобы и они видели твои слезы. Тебе обидно, да? Ничего, это пройдет. Если хочешь, давай дружить, и тогда никто тебя больше не тронет. Они все трусы, и стоит только показать им зубы, как сразу же поджигают хвосты.

Жак проникся к Жюльену безграничной симпатией, как случается с бесхитростными душами, встречающими доброго человека. Со своей стороны и Жюльен привязался к нему: обычно ведь любишь того, кого опекаешь.

К ближайшим каникулам Жак приготовил для Жюльена замечательный сюрприз. Впервые распрощавшись на два месяца со стенами коллежа, Жюльен отправился в гости к мадам Арно, в очаровательный уютный домик, расположенный в Монлуи, на левом берегу Луары, в самом сердце Турени. Описать восторг, который охватил сироту, когда он оказался в домашней обстановке, просто невозможно, да, наверное, в том и нет особой нужды. С этого времени для мальчика началась новая, богатая впечатлениями жизнь, и им овладела неодолимая тяга к свободе.

Шли годы. Жюльену доставались лавры за лаврами, Жака награждали похвальными листами за сочинение или стихи на латинском. По окончании коллежа оба друга получили дипломы бакалавра: Жюльен – с отметкой «отлично», Жак – «удовлетворительно», но на большее он и не претендовал.

Жюльен, вступив в восемнадцать лет в права наследования, смог самостоятельно распоряжаться фантастическим богатством. Глубокое презрение, которое он питал к легкомысленным соученикам, довольно на них насмотревшись, предохранило его от ошибок, столь свойственных молодым людям, бросающимся безрассудно в водоворот парижской жизни. Высоко ценя свободу и словно опасаясь, что его вновь заключат в тесные стены коллежа, он отправился в странствие по пяти частям света.

Сначала им двигала исключительно любознательность, желание повидать другие земли и другие народы. Но затем юношей овладела и страсть исследователя. И скитания в трудно доступных краях, сопряженные с научным поиском, позволили Жюльену занять почетное место среди путешественников, которыми по праву гордится Франция. В Гуаякиле¹³ его настигла печальная весть о смерти мадам Арно, которую он оплакивал, как родную мать.

Время от времени, неожиданно, как метеор, Жюльен возвращался ненадолго во Францию, обнимал Жака, выступал на конференциях, писал отчеты для научных обществ, пожимал дружески протянутые руки и снова устремлялся в неведомые дали.

Что же касается образа жизни Жака, то читатель уже получил достаточно полное представление о нем из письма американского дядюшки.

Когда началась описываемая история, друзьям было по тридцать пять лет. Жюльен де Клене, среднего роста, блондин, как и положено сынам Галлии, сохранил стройность двадцатилетнего юноши. Широкий в плечах, узкий в бедрах, он был бесстрашным и выносливым путешественником, не ведавшим ни усталости, ни болезней. Человек придирчивый нашел бы, что у Жюльена слишком правильные и безукоризненные черты лица. Действительно, безупречной формы орлиный нос, пухлые губы и белокурая, аккуратно подстриженная бородка могли бы позволить нам отнести его в разряд салонных красавчиков, если бы не темный загар и настойчивый, внимательный и жесткий, чуть ли не суровый, взгляд исследователя-землепроходца, готового в любой миг отразить нападение хищника или бандита.

Жак, напротив, был сутулым брюнетом с наметившейся лысиной, пухленькими руками, выпиравшим брюшком и приветливой улыбкой на несколько оплывшей физиономии.

Теперь, познакомив читателя с героями, продолжим наш рассказ.

¹³ Гуаякиль – город в Эквадоре.

Жак, не привыкший к спиртному, во время роскошной трапезы по рекомендации друга отведал восхитительное бургундское, а затем и несколько рюмочек ликера, услужливо подвинутых к нему Жюльеном, преследовавшим определенную цель. Последствия такой хитрости не замедлили сказаться: Жак разругался, развеселился, глаза его горели, и все уже представлялось ему в совершенно ином свете.

– Подумаешь, отставка! – беспечно изрек он, закинув ногу на ногу. – Раз ты считаешь, что так надо...

Официант принес бумагу, чернила и ручку.

– Я предпочел бы бумагу получше. Чтобы выглядело солиднее, – произнес Жак.

– И так сойдет!

– И что же напишу я уважаемому префекту? Я в этом ничего не понимаю. Есть, наверное, какая-то форма. Излагать ли ему причины?

– Зачем! Заверши уведомление об уходе с работы формулой вежливости и подпиши.

– Но объяснение мотивов было бы знаком уважения не только к начальнику, но и к моим коллегам.

– Делай как знаешь.

Жак устроился поудобнее.

– Так вот: «Имею честь, господин префект, объявить вам о своей отставке... Примите, господин префект, заверения в моих почтительных чувствах».

– Да что ты распинаешься в своей почтительности! К чему этот стиль примерного секретаря?

– Милый мой, – серьезно ответил Жак, – когда мне приходилось раньше писать начальству, я всегда кончал заверениями в том, что рад ему служить... Теперь же действительно я могу писать по-другому. Миллионер, отправляющийся путешествовать, – это уже не канцелярская крыса!

– Вот как?

– Я предпочел бы бумагу получше. Чтобы выглядело солиднее

– Да, друг мой, с прежним Жаком покончено, пора в путь! Я чувствую, что преобразился и способен теперь, Бог мне судья, отправиться хоть на Луну.

– Ну, он дошел! – шепнул сам себе Жюльен. – Воспользуемся же с толком его настроением: куй железо, пока горячо! – И затем обратился к другу: – Ну что ж, пошли!

– Куда?

– Вручать заявление.

– А потом?

– Я займусь покупками, а ты мне поможешь.

– Идет!

Жюльен нанял кучера, красовавшегося в белой фуражке, и тот в предвкушении хороших чаевых помчал двух друзей через весь город. Когда дилижанс остановился вскоре у дверей правительственного учреждения, Жак, задремавший было после богатого пиршества, открыл глаза и был несказанно удивлен, увидев здание с охраной перед ним.

– Мне мерещится? – произнес он в недоумении. – Постой, это же не моя контора! Ты ошибся! Ко мне надо ехать до Люксембургского сада!

– Сейчас туда и отправимся! Здесь же надо уладить некоторые формальности.

– Какие?

– Да с паспортами.

– Тогда побыстрее – одна нога здесь, другая там!

– Хорошо. А ты прикорни пока – на то ведь и подушки в дилижансе. Управлюсь за пятнадцать минут. Здесь служит один мой друг. Он моментально все уладит. Приметы твои я знаю и сам смогу продиктовать их.

Жюльен торопливо ушел и через двадцать минут вернулся уже с двумя документами, которые тут же бережно вложил в свою папку.

– Паспорта готовы! Теперь займемся твоей отставкой.

Еще одна остановка – уже у Люксембургского дворца. Жюльен снова все взял на себя и, вернувшись из здания префектуры, сказал:

– Дело сделано! Твое послание я вручил дежурному. Он и передаст «твои почтительные чувства» патрону. А теперь ко мне... Бульвар Осман, дом пятьдесят два, – крикнул он вознице, тотчас взбодrivшему лошадь резким ударом кнута.

– Мне нужно полчаса, – выходя из дилижанса, обратился Жюльен к снова задремавшему Жаку. – Поднимешься со мной?

– Нет, мне и здесь хорошо.

– Ладно.

Жюльен де Клене, которому – не раз доводилось отправляться внезапно в дальнюю дорогу, всегда держал дома и золотые монеты, и бумажные купюры. Деньги и банковские чеки он вложил в папку. Потом извлек из секретера членский билет Географического общества и несколько писем от известных ученых – на всякий случай, как свидетельство того высокого положения, которое занимал он в научном мире. Взял также несколько официальных уведомлений, представлявших его как исследователя, выполняющего во Франции и за ее пределами важное задание, и карту со своими пометками и в заключение вытащил из большого конверта исписанный каллиграфическим почерком лист и с видимым удовольствием прочел вслух текст, который наверняка знал наизусть:

– *«Министрам, консулам и военачальникам Ее Величества королевы Великобритании – в Европе, Азии, Африке и обеих Америках
Господа!*

Граф Жюльен де Клене, гражданин Франции, которому я вручаю это письмо, – ученый, посещающий с научными целями самые разные точки земного шара.

Прошу оказывать ему всяческое содействие, как если бы он был подданным Ее Величества королевы Англии. Буду благодарен вам за все, что вы сделаете для него».

Под обращением следовала подпись:

«Лорд Б., государственный секретарь».

– Для нас эта бумага важнее всех прочих рекомендаций: представители британской власти весьма внимательно относятся к просьбам своего правительства! – удовлетворенно произнес Жюльен по прочтении послания.

Вызвав своего единственного слугу, он вручил ему годовое жалованье и попросил отнести в дилижанс две длиннополые меховые шубы и пару одеял. Затем, закинув на плечо ремень своей сумки, быстро оглядел уютную экзотическую квартиру путешественника-космополита, спустился к консьержу и уплатил ему также за год вперед.

– Господин опять уезжает? А как же быть с почтой?

– Не беспокойтесь: ее будут пересылать по указанному мною адресу, – ответил при-
вратнику Жюльен и обратился к Жаку, машинально гладившему пышный мех на одной из
шуб. – Теперь я в твоём распоряжении. Вот только повидею банкира. Это в двух шагах
отсюда, на Шоссе д'Антен.

– А что ты собираешься делать с этими балахонами и одеялами? Середина сентября,
пока что тепло.

– Однако ночи прохладные.

– Но ночью мы в постели.

– А если не будет постели?

– Ты шутишь?

– Я серьезен, как факир. Путешествуя, никогда не знаешь, где будешь ночевать и
будешь ли вообще ночевать...

– Это мы отправляемся в путешествие?

– А ты что думал?

– Не может быть! – Жак был вне себя от радости: местоимение «мы» означало, что
друг решил сопровождать его. – Значит, и ты со мной?

– Я буду показывать тебе дорогу, которая в зависимости от того, как ты пожелаешь,
может быть короче или длиннее.

– Жюльен, ты настоящий друг! – растрогался Жак.

– А ты не знал? Ну, хватит комплиментов! Обговорю все с банкиром и сразу же пошлю
за каретой. Прокатимся по лесу, отужинаем в «Английском кафе» и завершим последние
приготовления в дорогу.

– Не завершим, а начнем, хочешь ты сказать. Для такого путешествия потребуется
масса вещей.

– Возможно, – загадочно произнес Жюльен.

Вторая половина дня прошла, как и было намечено. Дружья славно закусили. Жак, под-
чиняясь воле своего радушного хозяина,пил те же вина, что и в прошлый раз, и не заме-
тил, как Жюльен предательски накапал в последний фужер какой-то темной жидкости из
маленького флакончика.

В полвосьмого друзья покинули ресторан. Экипаж быстро домчал от «Английского
кафе» до Северного вокзала. Оглушенный чередой событий, обильными возлияниями, Жак,
держа машинально друга за рукав, пересек зал ожидания и, тяжело опустившись на мягкий
диван спального вагона, сразу же отключился.

Когда же проснулся, то услышал разговор на незнакомом, гортанном языке. Открыв
глаза, потянулся лениво и тут же, взглянув на хитро улыбающегося Жюльена, резко вскочил:

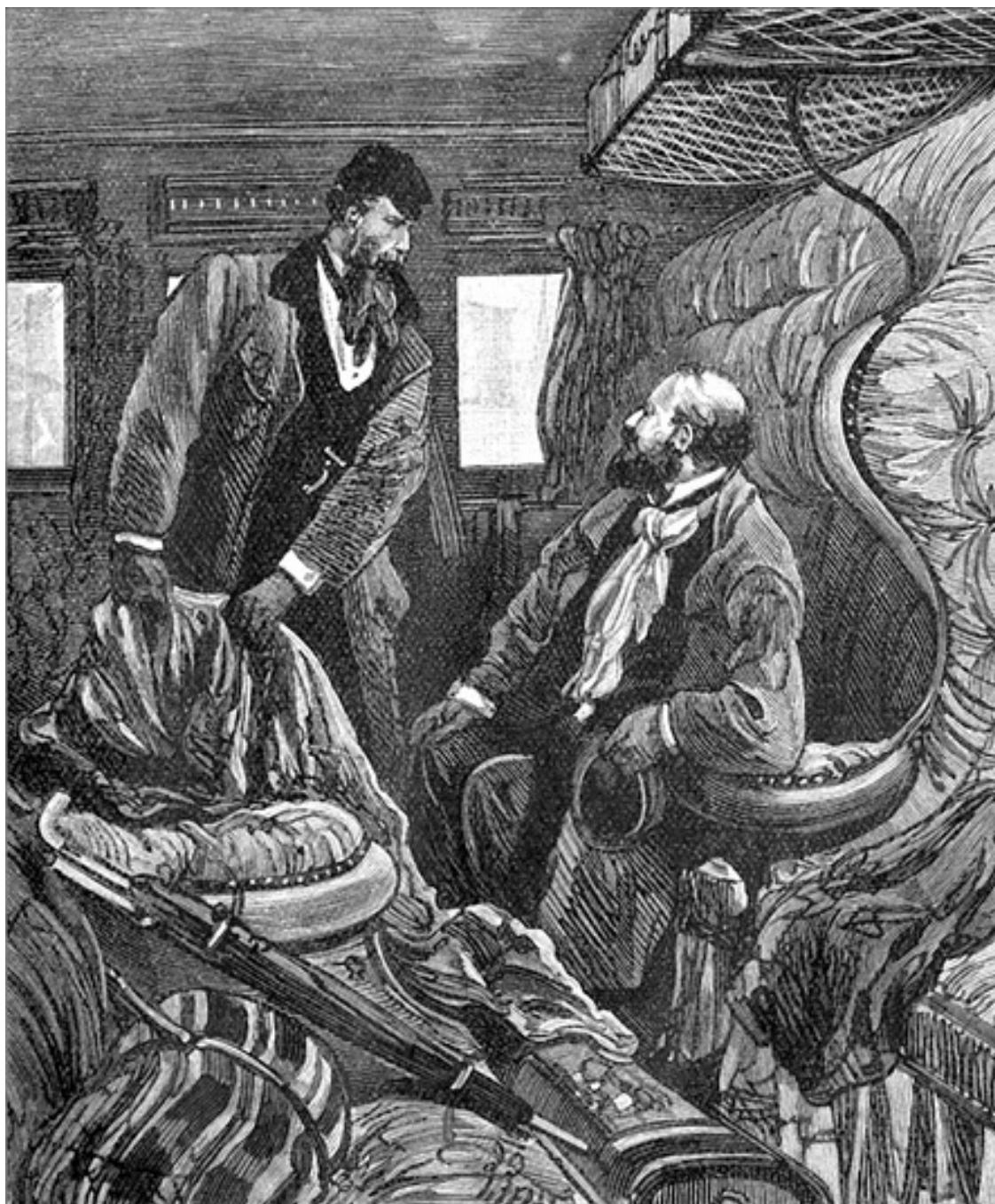
– Где мы, черт возьми?

– В вагоне.

– А который час?

– Без двадцати девять.

– Но мы же выехали в восемь. Что, я спал всего лишь сорок минут?

– *Где мы, черт возьми?*

– Прибавь еще сутки!

– Как?

– Ты дрых беспробудно около двадцати пяти часов.

– С ума ты, что ли, сошел?

– Да нет, скорее, это ты еще не пришел в себя.

– Значит, мы уже далеко от Парижа?

– Не далее тысячи километров. Слышишь, как хлопают двери и проводники кричат по-немецки, что пора выходить?

– Значит, мы в Германии?

– Да, в Берлине.

– В Берлине?!

– Да-да! Первый отрезок нашего пути в Бразилию – позади. И пока второй, намного длиннее первого, еще не начался, пройдем в ресторан. Наверное, желудок у тебя от голода присох к спине.

Жак, с затуманенной головой, растерянным взглядом, помятым лицом, не нашел даже, что ответить, и послушно поплелся за Жюльеном, чувствовавшим себя как дома, – во многом благодаря тому, что понимал тот варварский язык, на котором здесь говорили.

– Нет, я, наверное, сплю, – промолвил Жак, ущипнув себя. – Это из-за письма погрузился я в какой-то кошмар. С минуты на минуту сон пройдет, я снова окажусь на улице Дюрантен, и служанка принесет мне чашку какао или кофе.

Увы, вместо служанки появился огромный тевтонец – с рыжими бакенбардами, в короткой куртке и широком белом переднике. Ловко расставляя посуду с богатой закуской и огромные кружки с пенившимся мюнхенским пивом, он бросил Жюльену, что на Петербург отправление через час с четвертью.

Расслышав среди немецких слов название русской столицы, Жак сказал сам себе: «Итак, кошмарный сон продолжается». И, чтобы проверить свою догадку, произнес непридуманно и твердым голосом, как человек, окончательно проснувшийся:

- Кажется, мы отправились на прогулку в Петербург?
- Да, – как ни в чем не бывало ответил Жюльен.
- А что нам делать у Его Величества царя?
- Искать спасения от морской болезни.

Глава 5

Жак Арно ел машинально, не проронив ни слова, как бы во сне. Но пронзительный паровозный гудок, известивший об отходе поезда по направлению к немецко-русской границе, убедил его, что все это – не грезы, а явь. Вслушиваясь в постукивание колес о рельсы, он глубоко вздохнул, решив, что при таком шуме ему не заснуть. Хочешь не хочешь, подумал он, а путешествие началось! Хорошее настроение, посетившее его вчера, испарилось, тем более что мюнхенское пиво не шло ни в какое сравнение с нектаром из нашей Бургундии.

Когда друзья вернулись в купе, Жюльен, стараясь не обращать особого внимания на Жака, которому, как он считал, требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от потрясения, вызванного внезапным отъездом из Парижа, лег поудобнее, чтобы поспать.

– Значит, – произнес Жак упавшим голосом, – мы отправились?

– Именно так.

– В Петербург?

– Я сказал тебе об этом еще в ресторане.

– Это столь необходимо?

– Да, если, конечно, тебе не захочется вернуться в Кельн и оттуда добраться до Гамбурга, чтобы сесть там на первый пароход, направляющийся в Бразилию по маршруту Гамбург – Лондон – Лиссабон – Санта-Крус-де-Тенерифе – Пернамбуку – Рио.

– Ни за что!

– Тогда позволь мне отдохнуть. Ночью я глаз не сомкнул, пока ты спал как убитый. И желал бы теперь наверстать упущенное. Завтра в половине седьмого утра мы будем уже в Диршау, в пятистах километрах отсюда. День предстоит долгий, и мы вдоволь наговоримся по пути в Кенигсберг, откуда поезд домчит нас до Эйдкунена – населенного пункта на немецко-русской границе в восьмистах километрах от Берлина и всего лишь в двух километрах до Вирбаллена¹⁴ – первого города Российской империи, куда мы прибудем в два часа дня. А сейчас – спокойной ночи!

С этими словами Жюльен решительно, подобно заядлому путешественнику, твердо знающему, что сон так же необходим организму, как и еда, смежил веки и через две минуты уже спал, оставив друга наедине с его думами, далеко не веселыми, судя по глубоким вздохам Жака. А ровно в шесть утра, словно моряк, просыпающийся всегда в одно и то же время, за несколько минут до пробудки, он снова открыл глаза.

– Привет землепроходцу! – весело обратился Жюльен к приятелю, еще более озабоченному и мрачному, чем накануне. – Кончай дуться! А то нагоняешь тоску, как больничная дверь.

– Я думал всю ночь напролет.

– Лучше бы уж ты спал!

– Послушай, взвесив все, я предпочитаю вернуться в Париж и отказаться от наследства.

– А твоя отставка?

– Заберу заявление обратно. Влиятельные друзья помогут мне восстановиться на работе.

– Но ты же будешь притчей во языцех в своей префектуре!

– Лучше так, чем это путешествие!

¹⁴ Вирбаллен – город на территории современной Литвы, до 1917 года именовавшийся официально Вержболово, а затем Вирбалис.

– А как доберешься ты отсюда до дома? Держу пари, у тебя нет ни гроша с собой! – Жак открыл портмоне и увидел там всего лишь семнадцать франков и сорок пять сантимов. – Или ты полагаешь, что администрация железных дорог предоставляет кредиты?

– Но ты же одолжишь мне денег на обратный путь!

– Нет, нет и нет! Ты сам обещал мне отправиться в путешествие, если только я не обреку тебя на морскую болезнь. Поскольку я не собираюсь нарушать данного условия, ты поедешь со мной – по своей ли воле или против нее, не имеет значения. Впрочем, если тебя это не устраивает, можешь выходить в Диршау и возвращаться пешком, вымаливая у немцев подавание – картофельный суп или кислую капусту. Вот и все, что я могу тебе предложить.

– Но подумай, Жюльен, у меня ни багажа, ни денег! Запасных воротничков – и тех не взял!

– Зато в моей сумке свыше сорока тысяч франков, с такими подъемными не пропадем! Что же до непредвиденных расходов в столь длительном и нелегком путешествии, то я договорился со своим банкиром, чтобы он высылал чеки в каждый из наиболее крупных городов на нашем пути.

– Но я не заплатил за квартиру. Хозяин отправит все мои вещи на распродажу.

– Ничего подобного. Я и об этом условился с банкиром. Так что не беспокойся ни о квартире, ни о служанке. Что же касается твоего внезапного исчезновения, согласишься, будет забавно, если квартальному¹⁵ вздумается вдруг искать тебя в море.

– У тебя на все есть ответ. И тем не менее мне не по себе.

– Встряхнись же! Веселей, черт возьми! Придется, видать, посвятить тебя в мой план. Правда, я решил хранить его до поры до времени в тайне, чтобы ты заранее не заныл и не возмечтал так и остаться канцелярской крысой. Потому-то я и умыкнул тебя, что не хотел заранее раскрывать карты. Ну и как, правильно сделал?

– Пока боюсь что-то сказать. Я не готов...

– Когда я все расскажу, тебе придется со мной согласиться.

Жюльен достал из сумки карту на матерчатой основе, аккуратно ее развернул и, разложив на сиденье дивана, ласково оглядел орлиным взором оба полушария, многие точки которых были ему знакомы.

– С этим подспорьем Меркатора¹⁶ я путешествую повсюду. Взгляни на мои маршруты по морям и континентам, сделанные мною пометки, слова, написанные когда карандашом, а когда и кровью. На реки, которые я переплывал. На вершины, покоренные мною. И на леса, через которые я пробирался. О, какое пьянящее наслаждение – это свободное существование под открытым небом!.. Двигаться навстречу новым горизонтам, восторгаться неожиданным чудесам, всматриваться в неизведанную даль, обходить ловко расставленные западни, оставлять в пути частицы своего сердца и обретать, приобщаясь к простому бытию, всю полноту своей индивидуальности – что может быть прекраснее! Какую всепоглощающую радость дарует людям такая жизнь!

Жак, растерявшись от столь внезапной лирической исповеди, не решался вставить хоть слово.

– Взгляни на карту, окинь ее взором – оба полушария: ведь мы с тобой отправились в кругосветное путешествие.

– В кругосветное? – испуганно воскликнул Жак. – И не думай об этом: ведь часть такого пути проходит по воде!

¹⁵ Квартальный – здесь: участковый полицейский.

¹⁶ Меркатор Герард (1512–1594) – фламандский математик, географ, картограф, чье имя ставилось долгое время на справочниках и картах, выпускавшихся учеными его школы.

– Позднее мы это обсудим. Скажу только, что я твердо намерен выполнить намеченную программу – добраться до Бразилии по суше!

– Через Петербург?

– Да.

– Странный маршрут!

– У него есть одно преимущество, очень важное для тебя, – полное отсутствие килевой и бортовой качки. Мы увидим Петербург, Москву, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Колывань, Томск, Красноярск, Иркутск...

– Ничего себе путешествие! Через всю Сибирь!

– От Тюмени до Байкала и от Байкала до крайней северо-восточной точки Азии – на санях.

– Я не имею ничего против саней и не боюсь мороза, но...

– От Иркутска мы пройдем берегом Байкала и спустимся по Лене до Якутска.

– По реке? Ни за что! Никакой воды, ты же обещал! С ужасом вспоминаю прогулку по Сене.

– Лена к тому времени покроется таким толстым слоем льда, что станет надежнее любой мощеной дороги.

– Тогда другое дело.

– От Якутска мы будем двигаться все время на северо-восток. Пересечем невысокий Верхоянский хребет, подойдем к реке Колыме и будем следовать вниз по течению до места ее впадения в океан. В Нижнеколымске, где кончаются многие дороги, которыми идут каторжники, мы пополним продовольственные запасы. Но это уже за Полярным кругом, у шестьдесят восьмого градуса северной широты.

– Бр-р! Давай дальше...

– Ты ужеходишь во вкус?

– Один вопрос: а как обстоят там дела с лошадьми для саней и постоянными дворами?

– Не волнуйся: у нас будет все – не только лошади, но и олени и собаки! Насчет же постоянных дворов ничего не скажу, ибо и сам толком не знаю. На Чукотке мы доберемся до Восточного мыса¹⁷, крайней точки Азии, отделенной от Америки Беринговым проливом. И незаметно перейдем в другое полушарие.

– Так же незаметно, как пересекли здесь границы?

– Ширина пролива – каких-то пятьдесят километров, или двенадцать с половиной лье.

– Вот тут ты и попался: суда по условиям нашего договора исключены, друг мой... Ни пятьдесят километров, ни пять, ни даже пятьдесят сантиметров. Это мое последнее слово!

– Но Берингов пролив будет покрыт льдом, как и реки Лена, Колыма, да и весь тот край, и ты даже не почувствуешь, что под тобой океан. Не успеешь и охнуть, как окажешься уже на Американском континенте – у мыса Принца Уэльского, в краю, где живут эскимосы. Эта территория – бывшая Русская Америка – принадлежит сейчас Штатам и известна как Аляска¹⁸. Оставив позади Аляскинский хребет и добравшись, не без трудностей, до Скалистых гор, мы возьмем курс на юго-запад. Продуктами же будем запасаться на станциях.

– Что ты называешь станциями?

– Базы, принадлежащие или правительству Соединенных Штатов, или «Компании Гудзонова залива»... А потом попадем мы в Британскую Колумбию¹⁹ – область вполне цивилизованную.

¹⁷ Восточный мыс – старое название Мыса Дежнева.

¹⁸ Автором допущена неточность: в состав Русской Америки, как неофициально назывались в XVIII–XIX веках русские владения в Северной Америке, помимо Аляски, входили также часть Северной Калифорнии и Алеутские острова.

¹⁹ Британская Колумбия – провинция на западе Канады, на побережье Тихого океана.

– Наконец-то!

– Рад, что ты уже свыкаешься с мыслью о путешествии. Из штата Вашингтон мы едем по железной дороге, которая, начинаясь в Такоме, южнее сорок девятой параллели, недалеко от острова Адмиралти, проходит по штатам Вашингтон и Орегона до самого Канонвиля, приблизительно у сорок третьего градуса северной широты. Четыреста сорок пять километров в поезде – право же, не так уж плохо! На сорок второй параллели – граница Калифорнии. Возможно, к нашему приезду уже закончат прокладку железнодорожного пути, и тогда мы сможем пересечь по нему Калифорнию с севера на юг, что займет у нас совсем немного времени, если, конечно, ты не захочешь где-нибудь остановиться.

– Там видно будет.

– Города Сакраменто и Стоктон вполне заслуживают того, чтобы провести в них несколько дней. А оттуда – снова железная дорога. Вперед, вперед! И да здравствует Америка! Время – деньги! Не успеем оглянуться, как мы уже в штате Аризона, граничащем с Мексикой.

– Ура! Но дай передохнуть. А то голова закружилась от столь резких переходов от мороза к жаре и обратно.

– Нет, немедленно на лошадей! Аризона, Эрмосильо, Гуаймас, Кульякан, Сан-Луис, Потоси! По тропам, которые зовутся в Мексике дорогами, а потом еще небольшую часть пути по железной дороге, чтобы не отвыкать от цивилизации. Проезжаем Гватемалу, Сальвадор, Никарагуа, Коста-Рику, Панамский перешеек и прибываем в Федеративную Республику Колумбию. Привет тебе, Южная Америка! Взгляни на эти просторы, расчерченные широкими, огромными по протяженности реками. Самая крупная из них – Амазонка. Это и есть земля твоя обетованная – богатый край фазенд, где живут дядюшки-миллионеры. Правда, прежде чем добраться туда, придется пересечь четыре страны – Колумбию, Эквадор, Перу, Боливию. К сожалению, там нет, а если и есть, то крайне мало, железнодорожных линий. Эх, если бы ты не страдал водофобией, мы выбрали бы одну из этих рек и добрались по ней прямо к цели!

– Ни слова о плавании – даже в бассейне Люксембургского сада! Или же доставь меня назад на улицу Дюрантен!

– Есть – ни слова!.. Но вот наконец мы прибываем на фазенду Жаккари-Мирим, раскинувшуюся по берегам одноименной речушки, впадающей в один из притоков реки Параны. Ну как? Сдержал я свое обещание? Попали мы в Бразилию по суше?

В Петербург Жак прибыл с намерением ничем не интересоваться, не смотреть ни на что, ничего не делать. Он демонстративно закрывал глаза на все, что могло показаться новым, необычным. И говорил Жюльену, упрекавшему его за апатию:

– Я ведь – лишь человек-посылка, которую ты везешь по суше вокруг света.

– Неужели ты совершенно равнодушен к той новой цивилизации, которая предстает перед нами в облике Петербурга?

– Да, совершенно. Это такой же город, как и другие: красивые дома, нарядная публика, много военных... Единственное, пожалуй, его отличие – церковные купола, позолоченные, как у нас усыпальница Наполеона, да бородатые кучеры. Я зайду с тобой в посольство, пройду по магазинам, а вечером сходим в театр. Но большего не жди. И вообще, предоставь меня самому себе.

– Ничего, пройдет немного времени, и ты станешь отличным попутчиком!

– Только в том случае, если меня вдруг охватит энтузиазм или во мне пробудится любопытность, в чем я, впрочем, сильно сомневаюсь. Послушай, сделай так, чтобы мы поскорее уехали отсюда. Если уж необходимо путешествовать, то поспешим в Сибирь. В городе я скучаю, там же хоть подышим свежим воздухом.

– Дня через два будет столько свежего воздуха, что хватит его тебе до конца жизни!

Проведя в столице России десять дней, друзья сели в поезд, проехали, не задерживаясь, Москву, прежнюю царскую столицу, и двинулись к Нижнему Новгороду, где кончалась железная дорога.

Несмотря на равнодушие, частично наигранное, Жак все-таки посетовал, что они не взяли с собой ничего, кроме небольшого чемодана с вещами и шуб.

– Не волнуйся, – улыбнулся Жюльен, – у нас, напротив, всего так много, что нам мог бы позавидовать любой губернатор. Я купил красивые, добротные сани, меховую одежду, снаряжение, оружие, продукты питания, книги и различные предметы, которые можно будет пустить на обмен. Список того, что нам требуется, изумил бы тебя.

– И где же эти сани?

– С нами, на платформе в голове состава.

– Понятно. Но ты сказал, что железная дорога кончается в Нижнем Новгороде. Что же делать нам там с санями: снег ведь выпадет еще не скоро?

– Весь багаж мы отправим пароходиком «Днепр», курсирующим между Нижним Новгородом и Пермью, сами же доберемся до Перми тарантасом.

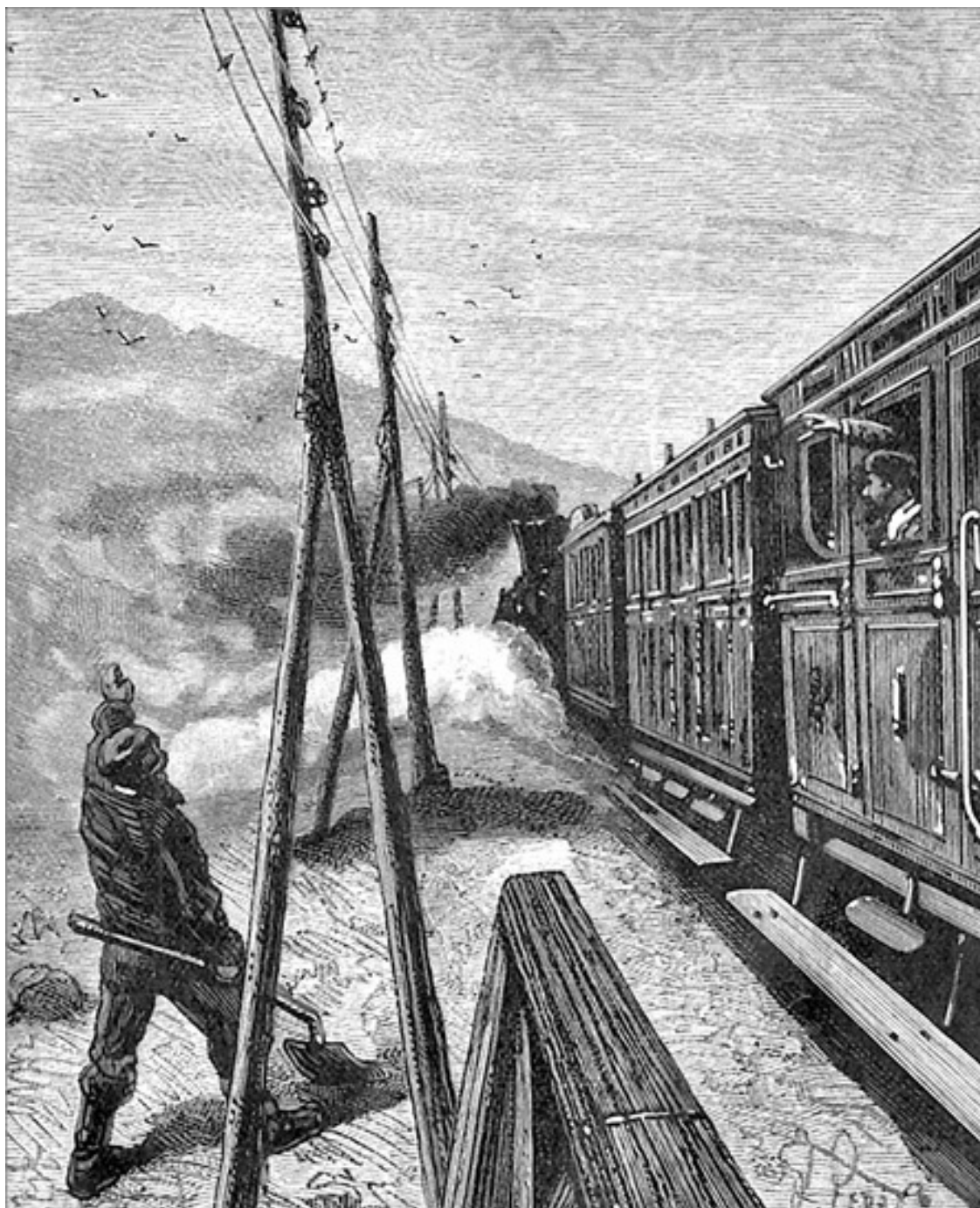
– А сколько от одного до другого города?

– Шесть-семь дней пути, если не спешить.

– Ну что ж!

Расставшись с железной дорогой, Жак послушно сел в коляску, не сулившую, судя по ее виду, комфорта и способную обликком своим вызвать презрение даже у нормандских крестьян. Однако, грубо сколоченная, на четырех огромных колесах, соединенных деревянной осью, лишенная легкости и элегантности, она обладала одним бесспорным достоинством – надежностью, проверенной при быстрой езде по рытвинам, высокопарно называемым здесь почему-то дорогами. У тарантайки оказался к тому же весьма удобный, опускавшийся клеечатый верх для защиты пассажиров от дождя и пыли.

Как ни сильна была тряска, Жак не жаловался. Вообразив, будто ему действительно отведена роль бездушной посылки, перемещаемой по чужой воле, он запретил себе выказывать свои чувства, машинально выходил из колымаги и, перекусив, – правда, с аппетитом, – снова садился в экипаж, даже взглядом не удостоив Волгу, по правобережью которой тарантас катил до самой Казани. Упрямец отказался от прогулки по этой древней столице Татарского ханства и через семь дней быстрой езды был с Жюльеном уже в Перми, так и не подумав восхититься густыми зелеными лесами, через которые пролегал их путь, но удовлетворенный тем, что уже начал привыкать к сидячему положению, в результате чего перестали неметь руки и ноги.

Они проехали, не задерживаясь, Москву, прежнюю царскую столицу, и двинулись к Нижнему Новгороду

– Здесь мы сядем на поезд, – сказал Жюльен, наслаждавшийся путешествием со всей страстью экзальтированного дилетанта.

– Жаль. Я уже привык к тарантасу.

– Не беспокойся. Это совсем короткая линия, только что проложенная от Перми до Екатеринбурга. А дальше – снова телега.

– Ну и прекрасно!

Жюльен проверил, как погрузили на платформу сани, давно доставленные пароходом «Днепр» и дожидавшиеся их на станции. Затем друзья прошли в свой вагон.

Через несколько часов Жюльен показал Жаку на сероватый хребет, протянувшийся вдоль горизонта с севера на юг:

– Смотри, Уральские горы!

– Горы? – презрительно повторил Жак. – Как же тогда называть склоны Сюрени и Монморанси? Вершины, которые ты величаешь горами, едва ли выше громоотвода на холме Валерьян – хотя бы на длину зонтика.

– Согласен с тобой, хотя я и не столь категоричен. Уральские горы – сохраним это название, которое мало что меняет, – действительно не поднимаются выше тысячи пятисот метров над уровнем моря. Это скорее гряда холмов, пролегающая от реки Кара до Каспия. В них нет ничего грандиозного или живописного, хотя деревья здесь красивы, стройны и могучи. Но, скажу прямо, на меня этот край производит все же определенное впечатление.

– Как легко впадаешь ты в пафос!.. Ты даже восхищался домами в Перми, а они ведь – словно деревянные ящики, накиданные как попало. Объясни, чем можно восторгаться при виде этих земляных куч?

– Не забывай, «эти земляные кучи» отделяют Европу от Азии. Пройдет каких-то несколько минут, и мы вступим в область, которая была колыбелью человечества. Видишь вон тот каменный столб?

– Ну и что?

– Он отмечает границу между двумя мирами – утонченной, высокоинтеллектуальной цивилизации и диких беспредельных просторов.

– Азия! – с притворным испугом воскликнул Жак. – Я, никогда не ездивший далее административного центра департамента Кальвадос²⁰, – и вдруг в Азии!..

– Сибирь, – Жюльен продолжал развивать свою мысль, не обратив внимания на прозаическую реплику друга, – это область, занимающая огромную территорию – сорок миллионов квадратных километров! Хвойные леса, березовые и осиновые рощи, лоси, олени, медведи и волки! Драгоценные камни и льды, золото и ссыльные, гигантские реки и бескрайние степи, поселения на Крайнем Севере и полярные ночи!

Проделав шестичасовой путь по железной дороге, путешественники прибыли в Екатеринбург и там пересели в тарантас.

– А знаешь ли ты, как называется дорога, по которой мы едем? – спросил Жюльен у друга, тщетно пытавшегося подсчитать количество километров, оставленных позади.

– Понятия не имею.

– Владимирка²¹.

– Обычное русское имя, просто оканчивается оно не на типичное «кин» или «ов», а на «ка».

– Русские не могут без содрогания говорить об этом тракте: ведь он ведет туда, откуда не возвращаются. Это дорога ссыльных!

Через восемь дней, прошедших без приключений, французы были в Омске, столице Западной Сибири²².

²⁰ Административным центром департамента Кальвадос, на северо-западе Франции, является город Кан.

²¹ Здесь автор допускает неточность: Владимиркой на самом деле назывался лишь пролегавший от Москвы до Владимира отрезок пути, по которому следовали ссыльнокааторжные в Сибирь.

²² В примечании к парижскому изданию этого романа Л. Буссенар возражает тем географам, которые ошибочно, как считает он, называют Тобольск, «обычный уездный город», столицей Сибири, в то время как в действительности столицей Западной Сибири является Омск, а Восточной – Иркутск.

Глава 6

Расстояние от Москвы до Омска было преодолено быстро, и Жюльен де Клене надеялся, что у его друга больше не появится трусливого желания вернуться назад: путешественник, даже не будучи натурой увлекающейся, по мере продвижения по бескрайним пространствам Сибири ворчит все реже и, закалившись, меньше чувствует усталость.

Предположения Жюльена сбывались. Казалось, что одно только прибытие на конечную железнодорожную станцию и появление на облучке тарантаса нового кучера рассеяли мучившую Жака ностальгию. Чем дальше углублялись они в незнакомую страну, тем плотнее становилась воображаемая завеса, отделявшая их от европейской цивилизации. Своеобразные человеческие типы, странные обычаи и необычайные пейзажи вызывали у Жака множество различных ассоциаций. Перемены в настроении друга, вызванные внезапным погружением в атмосферу края, непохожего ни на какой другой, радовали Жюльена: он надеялся, что Жак прекратит наконец представлять себя в роли безвольной посылки и станет приятным спутником.

Вскоре Жак и не вспоминал о своей отставке. Решительно позабыв о прежней работе и искренне радуясь, как настоящий русский, встрече с каждым новым кучером, он, обращаясь к сибирякам, при всяком удобном случае произносил по-русски несколько слов, подхваченных где-то на лету. Вот в таком настроении и приехал в столицу Западной Сибири бывший помощник префекта округа Сена.

Расположенный по обеим берегам Оми и по правому берегу Иртыша, в месте слияния этих рек, Омск оказался хорошеньким городком с восемнадцатью тысячами жителей – чиновников, купцов, рудокопов. Омская крепость, построенная в 1760 году и выглядевшая уже порядком пообветшалой, оставалась тем не менее главным военным сооружением в Западной Сибири.

Имея на руках рекомендательные письма от влиятельных персон, друзья надеялись, что в течение долгих дней, которые им предстояло провести в элитарном обществе этого сибирского города, они не станут скучать.

Продумав все заранее, Жюльен хотел, чтобы путь от Парижа до Омска Жак проделал при хорошей погоде и еще до того, как устремятся они за Полярный круг, успел привыкнуть к холодам, местным обычаям и к умыванию на морозе. Попав в Москву зимой, считал Жюльен, Жак категорически отказался бы следовать дальше и провести несколько месяцев в санях. Приспосабливаясь же к морозам постепенно и помня о тысячах километров, отделявших Омск от столицы Российской империи, он понял бы, что следовать дальше или возвращаться домой – по расстоянию это уже одно и то же.

Жюльен был очень удивлен, увидев, как понравилась его другу окружавшая город и простиравшаяся невесть куда степь. Жак готов был без устали смотреть на это поражавшее воображение своей безграничностью пространство, менявшее, словно море, свой облик в зависимости от того, ветрено или спокойно, светит солнце или надвигается гроза. Иногда трава, по которой бежала зыбь, становилась темной, почти черной, и казалась тогда затягивавшей в глубь свою бездной. Когда же облако, скрывавшее солнце, вдруг разрывалось на клочья, то игра света причудливо преображала всю эту ширь, и степь начинала отливать всеми оттенками зеленого цвета.

Отважный французский исследователь Виктор Меньян, проехавший и Сибирь и Монголию, отмечал, что степь для жителя Омска то же, что горы для горца, море для матроса, пустыня для бедуина Сахары и небо для воздухоплателя. Каждое утро бросают на нее омики свой взгляд, чтобы по ее состоянию определить, какая будет погода в текущий день, и соответственно решить, какими работами следует заняться в первую очередь. Им по-насто-

ящему доро́га́ эта безбрежная ширь, где пасутся стада и прячутся звери – объекты азартной охоты. В степи устраиваются народные празднества, и там же просто гуляют. В общем, жизнь оми́чей неразрывно связана со степью, и, увидев ее хоть раз, легко понимаешь привязанность к ней местного населения.

Жак, полюбивший степь, как истый сибиряк, мог часами, словно зачарованный, наслаждаться ее лицезрением. Жюльен с радостью наблюдал, как пробуждается и крепнет у его друга любовь к природе.

– Наверное, вполне естественно, – говорил ему Жак, – что я, парижанин, чей горизонт был до недавнего времени ограничен декорированными зеленым репсом стенами рабочего кабинета, не могу оторвать взора от бескрайнего пространства, от этого зеленого моря. Подумать только, море – и без кораблей и качки! Что может быть лучше!

Дни проходили быстро: охота сменялась рыбалкой, пешие прогулки – ездой в коляске или верхом на коне, вечера протекали в приятной обстановке.

Потом пришли первые заморозки. Раза два выпал снег, температура упала внезапно до минус четырнадцати градусов.

– Ну вот, – сказал Жюльен другу, умиротворенно созерцавшему степь, столь же прекрасную и под снежным покрывалом, – если морозы продержатся, недели через две тронемся в путь.

– Не возражаю, – послушно, но без особого энтузиазма ответил Жак.

Жюльен как в воду глядел. В тот год зима оказалась ранней. Всю неделю термометр показывал минус девятнадцать. Землю укрыл плотный, не менее чем сорокасантиметровый слой снега.

Узнав, что санный путь от Омска до Иркутска открыт, друзья решили выезжать. С вещами, которые собрали заранее, не было никакой мороки. Их быстро погрузили в сани, и отважным землепроходцам осталось лишь облачиться в соответствующую одежду – и вперед! Правда, задача эта не из легких, но зато путешественник в надлежащей экипировке может выдержать и дневные и ночные морозы, которые даже представить себе невозможно, пока не испытаешь их сам.

Друзья от души посмеялись и изрядно попотели, прежде чем обрядились как надо. Натянув три пары хлопчатобумажных чулок и одну – из тонкого фетра, они обули длинные меховые сапоги с раструбами, как у водосточных труб. На тело надели легкую, но отлично сохраняющую тепло рубашку из искусно выделанной оленьей шкуры, а поверх нее – мягкий шерстяной костюм и две меховые шубы: одну – мехом внутрь, другую – мехом наружу. Длиннополый тулуп из лосиной шкуры – не очень красивый, но отменно теплый, укрыл путешественников с ног до головы, увенчанной шерстяной шапкой, запрятанной под башлык²³ из верблюжьей шерсти.

Если предстоит пробыть на морозе несколько часов, в такой одежде, возможно, и нет особой необходимости. Но без нее не обойтись, если путь в страшной стуже рассчитан на много дней и тем более ночей.

У возка, обитого изнутри роскошным ковром, а снаружи – плотным, непромокаемым фетром, был откидной верх – также из фетра. Равные по длине и ширине парижскому омнибусу, высотой чуть ли не в два метра и исключительно легкие, несмотря на размеры, сани были удобны и тем, что путешественники свободно могли разместить здесь свой багаж – мешки, легкие кожаные чемоданы, пакеты с консервами. Умело уложенный груз оставлял еще место для двух матрасов, расстеленных с легким наклоном.

Впряженные в кибитку кони, подрагивая от нетерпения, били копытом и хватали губами снег. Кучер вспрыгнул на облучок, и тройка рванулась стрелой. А следом за ней

²³ Башлык – суко́нный теплый головной убор с длинными концами, надеваемый поверх шапки.

помчались еще двадцать повозок – с друзьями и знакомыми, пожелавшими проводить путешественников-французов. Когда позади осталось не менее двадцати пяти верст²⁴, санный поезд остановился, и провожающие вылезли из возков. И, как того требовал сибирский обычай, гостеприимные омичи, с бутылкой шампанского у каждого в руке, выстроились цепочкой вдоль зимнего тракта перед санями с французами. С шумом выскочили пробки, и пенящуюся жидкость торжественно вылили на дорогу, по которой несколько минут спустя предстояло продолжить свой путь нашим друзьям.

Они обули длинные меховые сапоги с раструбами, как у водосточных труб

²⁴ Верста – русская мера длины, равная 1,06 километра.

Первые дни санного пути были полны невыразимого очарования. Житель теплых стран, где подобный способ передвижения неизвестен, чувствует себя наверху блаженства, скользя вперед с необыкновенной скоростью, мягко, без толчков и подбрасываний на рытвинах, не слыша даже ударов копыт. И Жак Арно и Жюльен де Клене тоже наслаждались редкостным комфортом, дарованным им сибирской зимой.

Три дня спустя французы прибыли в Томск, искренне веря, что все прекрасно в этом прекраснейшем из миров. Нанеся визит генерал-губернатору, принявшему их со всеми почестями, они сразу же отправились в дальнейший путь и, проехав без всяких приключений Семилужское, вихрем влетели в село Ишимское, где и произошли уже известные читателю неприятные события.

Вы помните, как Жак и Жюльен были внезапно задержаны капитаном Еменовым, отвечавшим за партию ссыльнокаторжных, каким издевательством подверг их этот солдафон. Знаете вы и о допросе, учиненном офицером, который думал или делал вид, будто полагал, что они – русские студенты, члены кружка нигилистов, сбежавшие из томской тюрьмы, и не забыли о перенесенных ими страданиях в грязном бараке, куда их втиснули вместе с арестантами, и о встрече со старостой, или старейшиной, колонны, подбодрившим их и пообещавшим помочь.

Нетрудно представить себе душевное состояние французов, чей путь от Парижа до злосчастного селения мы проследили с вами буквально шаг за шагом. Жюльен, несмотря на всю его энергию, лишенный не только возможности действовать, но и воздуха, света, кожей ощущавший соседство этапников, совсем приуныл. О Жаке же и говорить нечего: его охватило такое отчаяние, что он впал в полную прострацию.

Когда заключенные забылись тяжелым, каталептическим сном, полным кошмаров, староста, верный данному им слову, осторожно распорол подкладку своего армяка, достал оттуда маленький кожаный футляр, вытащил из него лист бумаги и быстро набросал несколько строк. Перечитав текст, сложил листок и надписал адрес. Потом, пройдя тихо в соседнюю комнату, нарушил чуткий сон охранника, возлежавшего на печи. Солдат при виде старика почуял поживу.

– Хочешь три рубля? – спросил едва слышно староста – он же полковник Михайлов.

Трояк! Да это же жалованье за целый год!

– Конечно! – подскочил стражник. – А что требуется?

– Ты человек честный?

– Когда мне платят...

– Само собой, – проговорил ссыльный, не скрывая своего презрения.

– Правда, с варнаков²⁵ я беру дороже.

– Вот я и даю тебе три рубля.

– Прекрасно, за такую мзду можно и потрудиться. Но деньги вперед.

– Поклянись Николаем Чудотворцем и Казанской Божьей Матерью, что не обманешь.

Стражник заколебался, выбирая между чувством долга и жадностью, но только на миг. Верх одержала алчность. Повернувшись к иконостасу, он отвесил низкий поклон и трижды перекрестился:

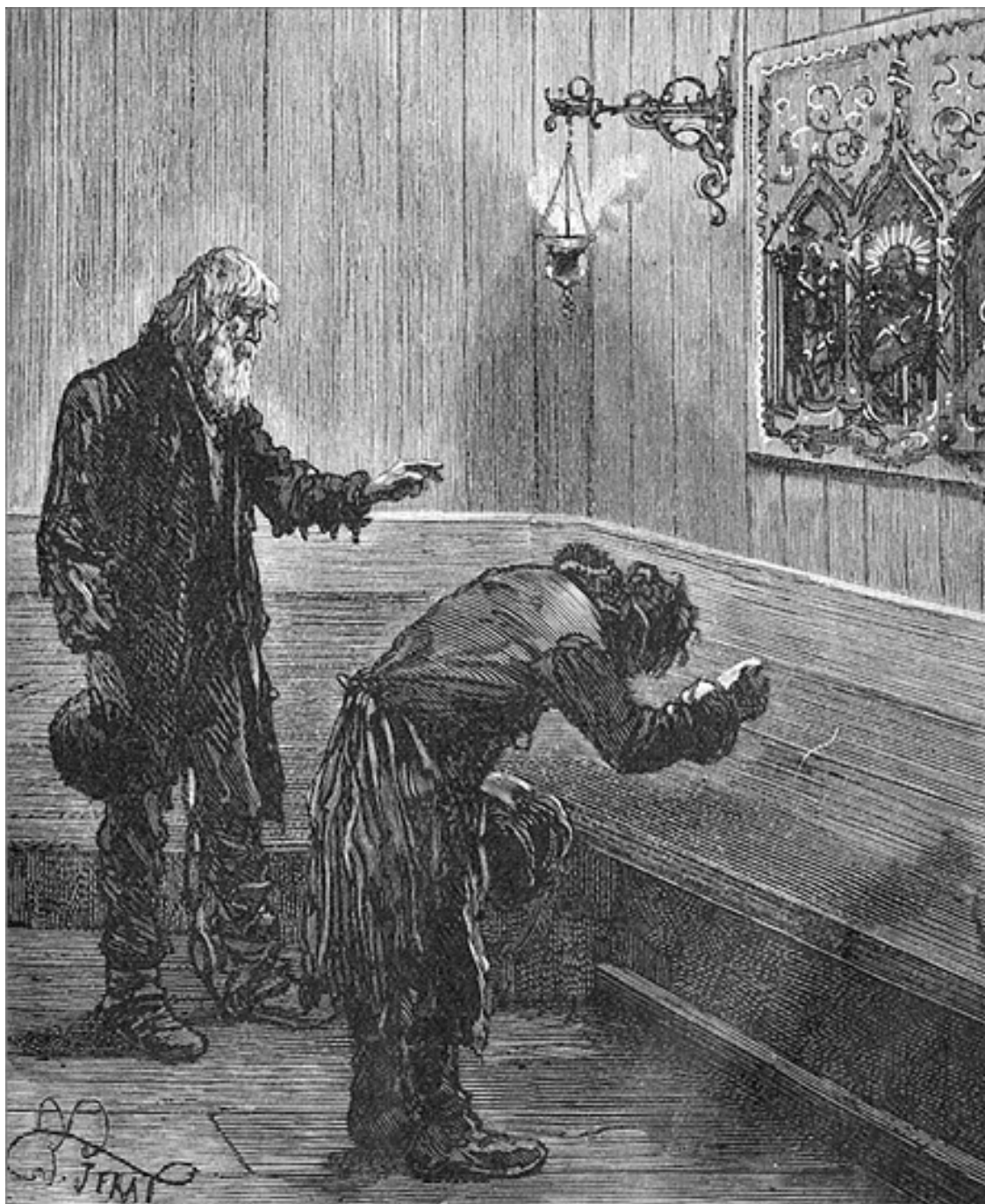
– Клянусь Николаем Чудотворцем и Казанской Божьей Матерью, покровительницей странников!

– Вот так, – сказал удовлетворенно староста, будучи убежден, что православные никогда не нарушат подобной клятвы. – Видишь это письмо?

– Да.

²⁵ В примечании к парижскому изданию этого романа Л. Буссенар пишет: «Варнаками чиновники презрительно называют ссыльных, народ же зовет их несчастными».

- Его надо доставить генерал-губернатору, в Томск.
- Прямо сейчас?
- Совершенно верно.
- Давай тройк.
- Бери.
- Но если капитан увидит, что меня нет, то розог мне не избежать!
- Глупости! Ты выйдешь сию минуту, колонна же выступит только на рассвете.
- Твоя правда! Но ведь и от генерал-губернатора можно схлопотать взбучку.
- Напротив, он только отблагодарит тебя.
- А не обманываешь?

Верх одержала алчность. Повернувшись к иконостасу, он отвесил низкий поклон

– Нет, честное слово.

– Этого я не понимаю. Поклянись на иконе.

«Несчастный прав, – молвил про себя полковник, – его ведь не учили языку чести».

И произнес вслух:

– Клянусь!.. А теперь в добрый час!

– Дай письмо, я ухожу.

– Возьми. И помни о своей клятве и о том, что послание это – во спасение несчастных узников.

Стражник молча нахлобучил шапку, надел овчинный полушубок мехом внутрь, перекинул через плечо ремень с наполненной водкой флягой, засунул за пояс длинный острый нож, взял посох, распахнул дверь и исчез.

– Господи, – взволнованно произнес полковник, – помоги ему побыстрее добраться! На него – вся надежда моя на спасение невинных!

Но вместо того, чтобы круто свернуть влево на тракт и, миновав две почтовые станции, добраться до Томска, служилый остановился в глубокой задумчивости. Обращение ссылного непосредственно к генерал-губернатору переворачивало все его представления о социальной иерархии. Солдат стал искать выход из того сложного положения, в которое попал. Он поклялся лишь доставить письмо, и, следовательно, важно только одно: чтобы оно дошло по адресу. Однако фетюк²⁶ не потребовал от него не показывать послания никому, кроме генерал-губернатора. Так не лучше ли передоверить грамоту капитану Еменову – единственному тут представителю власти, к тому же влиятельному? Начальник наверняка вознаградит его за услугу. Ну а что касается Святого Николая и Казанской Божьей Матери, то они ведь не запрещают брать воздаяния из двух рук сразу.

Успокоив таким образом свою совесть, стражник направился к избе, где расположился его командир.

Капитан, вырванный неожиданно из объятий сна, был не любезнее медведя, у которого волки отнимают добычу. Однако бумага, извлеченная стражником из-под шапки, остановила поток ругательств.

– Кто тебя ко мне послал?

– Никто. Я сам пришел.

– Кому это письмо?

– Его превосходительству генерал-губернатору.

– Откуда оно у тебя?

– От старосты.

– Ого! Давай сюда.

– Но я поклялся пред ликом Божьей Матери и Николая Чудотворца, что доставлю письмо по адресу.

– Чем тебе переть туда пешком, я лучше pošлю казака, и он мигом вручит послание его превосходительству. Давай же!

– Но...

– А, ждешь на водку! Так получай!

Еменов отвесил вымогателю такую оплеуху, что тот едва не упал. Потом, удачно выбрав момент, когда стражник повернулся к нему спиной, капитан сильным пинком в зад отшвырнул его к двери. Та распахнулась от толчка, и незадачливый лихоимец врезался в группу солдат, дежуривших в соседней комнате. Офицер же, не в силах сдержать охватившее его волнение, приблизился к лампе и начал вполголоса читать послание старосты, преду-

²⁶ В примечании к парижскому изданию этого романа Л. Буссенар указывает, что фетюк, как и варнак, – презрительная кличка каторжника.

смотрительно написанное по-французски: этого языка, которым свободно владела лишь избранная часть общества, здесь почти никто не знал, и, попади письмо в чужие руки, его бы вряд ли смогли прочесть. И действительно, из военных, сопровождавших узников, только начальник колонны был обучен французскому.

В письме сообщалось следующее:

«Дорогой генерал!

Увидев мою фамилию в списке ссыльных, ты сразу же вспомнил своего давнего товарища и, придя ко мне в острог, спросил, не смог бы быть полезен мне чем-нибудь. Я счел достойным отклонить всяческую помощь, но память о твоём благородном поступке сохраню до конца дней своих. Воспоминание о наших юных годах позволяет мне воззвать сегодня к твоей воинской чести и, выражая полнейшее доверие к моему старому другу, ходатайствовать о предотвращении грубейшего нарушения прав человека.

Два путешественника-француза, по неведению или злему умыслу выданные за преступников, бежавших из тюрьмы, только что задержаны начальником отряда, конвоирующего партию ссыльнокаторжных, избравших меня своим старостой. Несчастных иностранцев взяли под стражу, и утром они вместе с заключёнными пойдут по этапу.

Друг мой, дабы не запятнать славы государства Российского, необходимо как можно быстрее восстановить справедливость.

Когда-то ты заметил, что мы с тобой по-разному смотрим на пути, ведущие к процветанию нашей родины, но незапятнанное имя Отечества одинаково дорого всем нам – от императора до каторжника.

Сергей МИХАЙЛОВ».

– Ничего себе! – зловеще воскликнул капитан Еменов. – Сильно сказано! Этот варнак-этапник решил потягаться со мной! Пишет государеву представителю! Нет, поистине, царь наш слишком добр! Славные старые традиции уходят! В дни моей юности Сибирь действительно была краем, откуда не возвращаются. – Он помолчал с минуту, затем, нахмурив брови и сжав кулаки, произнес с еле сдерживаемой яростью: – Вот уж посмеемся! Черт возьми, еще немного, и попал бы я в интересное положение, дойди письмо до адресата. А я тут колебался к чему-то, не зная точно, как поступить с этими злыднями, теперь же, что бы ни случилось, они навсегда останутся варнаками. – Позвав унтер-офицера, находившегося с солдатами в прихожей, начальник конвоя спросил: – Где стражник?

– Мы задержали его.

– И правильно сделали! Свяжите по рукам и ногам и заткните рот кляпом, чтобы до выступления колонны он словом ни с кем не смог перемолвиться, особенно со старостой.

– Слушаюсь, господин капитан!

– А к старосте приставишь кого-нибудь из своих, кому полностью доверяешь. Пусть не отходит от него ни на шаг и проследит, чтобы он не заговорил с задержанными нами вчера. Понял?

– Так точно! – ответил служака, вытянувшись по струнке – пятки вместе, носки врозь – и пожирая командира глазами.

– Ступай!.. Ну, полковник Михайлов, держись теперь!

Пять минут спустя казак, подсланный унтер-офицером, открыл дверь арестантского барака, кликнул старосту и пошел с ним в комнату, где тот только что вел переговоры с охранником. Понимая, что за ним могут наблюдать, солдат положил пистолет с взведенным курком на стол рядом с собой и, сев на грубо сколоченную скамью, подал старосте знак присесть рядом.

– Что случилось? – спросил ссыльный, томимый дурным предчувствием.

– Молчать! – гаркнул казак и затем, к великому удивлению полковника, прошептал: – Слушай, отец, письмо у капитана. Гонец твой предал тебя.

Глава 7

Звон кандалов и гул человеческих голосов вывели друзей из состояния, которое лишь с большой натяжкой можно было назвать сном. Французы с ужасом оглядывались по сторонам.

Сквозь щели в крыше, дверях и деревянных ставнях пробивались тусклые лучи красноватого солнца и, как бы застывая в плотной пелене стоявших в бараке миазматических испарений, придавали помещению еще более удручающий вид. Заключение, полуголые, в поту, с изможденными, сведенными судорогой лицами, машинально, тяжело дыша, одевались. Вытащив из ручных и ножных оков тряпки, они выворачивали их наизнанку и возвращали на прежнее место: заменить эту ветошь было нечем, а охранник, которого можно было бы попросить добыть новые обмотки в обмен на деньги, бесследно исчез.

Когда наконец все эти истощенные тела, закованные в кандалы руки и ноги были кое-как прикрыты смрадными арестантскими лохмотьями, несчастные узники, с трудом распрямляясь, начали строиться у двери, которую скоро должны были открыть.

Жак и Жюльен, не видя старосты, перепуганные, стояли молча, не в силах осознать до конца, что же с ними произошло на самом деле.

Снаружи слышались громкие шаги, раздался скрежет отмыкаемого замка, и дверь широко распахнулась, впуская в мрачный каземат яркое солнце. Ссылнокаторжные облегченно вздохнули: для горемык морозный воздух улицы и холодные лучи светила были чуть ли не пределом мечтаний. Не думая о том, насколько опасен быстрый переход из вонючего, но жаркого, словно парилка, помещения в сибирскую зимнюю стужу, этапники рванулись гурьбой к двери, как хищники за добычей. Но наружу не вышли: путь им преграждали солдаты с заряженными, как всегда, ружьями, готовые в любой момент открыть огонь по конвоируемому.

В барак внесли несколько грязных баков склизкой каши из недоваренной ржи, и каждому узнику выдали, кроме того, по горсти сухарей из высушенного на сибирский лад черного хлеба.

После короткой и скорбной утренней трапезы унтер-офицер, как обычно, провел в присутствии капитана Еменова переключку, и колонна вновь побрела по дороге.

Жака и Жюльена, словно преступников, связали по рукам и ногам крепкими веревками, которые в Красноярске, как пообещал капитан, заменят кандалы. Но сделать это удалось только после отчаянного сопротивления, оказанного насильникам друзьями. Первые же казаки, которые приблизились к ним с путами, по достоинству оценили силу их кулаков. Капитан Еменов, поигрывая с сатанинской усмешкой револьвером, уже собрался было отдать солдатам приказ стрелять, как вдруг раздался громкий голос:

– Смиритесь, ребята! Сопротивление равнозначно самоубийству!

Это был староста.

– А ну заткни рот, негодяй! – Офицер занес над смельчаком плеть, чтобы заставить его замолчать. – Тебе-то какое дело, живы они или нет?! – А про себя добавил: «По мне, так лучше, чтобы они сдохли. Сосчитаешь трупы – и никаких хлопот!»

Старческие веки ссылного дрогнули, и взгляд блеснувших глаз пронзил как клинок солдафона.

– Опустит плетку! – возмущенно крикнул узник, снова становясь на краткий миг полковником Михайловым. – Ты не имеешь права бить, слышишь? Или забыл, что царь запретил телесные наказания?!

Существует ряд правил, которых никому не дано нарушать на территории России, даже когда речь идет о ссылнокаторжных.

– Да-да, так распорядился наш царь-батюшка! – загалдели узники. – Староста правильно сказал!

Прямое обвинение в пренебрежении императорским указом ошеломило капитана. Побледнев, он опустил плетъ и, до крови закусив губу, устремил на полковника бешеный взгляд.

А тот безбоязненно продолжал:

– Не забывай к тому же, что я как дворянин имею право требовать, чтобы меня доставили к месту заключения без оков и в телеге или на санях. – И закончил с горькой усмешкой: – Ибо только там, в конечном пункте моего назначения, но не ранее, кончаются привилегии, которые имеет мое сословие.

– Ты – дворянин?! – поразился капитан. – Так как же ты очутился здесь?

– Я отказался от привилегий, поскольку решил сопровождать этих несчастных, впадших, как и я, в немилость к власти предержащим, дабы, деля с ними страдания, подбадривать их, служить им примером и следить, чтобы никто не злоупотребил властью. Понятно теперь?

Начальник колонны не нашел, что ответить на эти произнесенные с чувством собственного достоинства слова, и лишь пробурчал что-то невнятное. Потом, оправившись от изумления, спросил старосту, перед тем как приказать ему занять свое место среди заключенных:

– Ответь мне, где тот казак, кого я прислал к тебе этой ночью?

– Разве обязан я шпионить за твоими солдатами? – саркастически воскликнул бывший полковник. – Своими людьми занимайся сам! С меня же достаточно других хлопот.

– Ладно, но я имею право запретить тебе разговаривать с двумя задержанными вчера незнакомцами.

– Согласен! Но мне уже не о чем больше говорить с ними, поскольку они прекратили сопротивление.

И в самом деле, оба француза, надеясь, что старик что-то предпринимает для их освобождения, молча, но с гордо поднятой головой, стояли в окружении солдат. Правда, они еще ни о чем не знали – ни о планах их нового друга, ни о подлом предательстве охранника.

Колонна уныло, под аккомпанемент кандального звона, зашагала по смерзшемуся снегу.

Так как к утру снегопад прекратился, день стоял ясный, и на прозрачном голубом небе ярко светило морозное солнце. Было около двадцати пяти градусов ниже нуля. Из труб деревянных строений вертикально, словно металлический стержень, вздымались струи дыма и лишь выше, достигнув более плотного слоя воздуха, неспешно растекались по стономам.

За поселком расстилалось открытое, ровное поле – нескончаемая снежная скатерть, сиянием своим резавшая глаза. «За белым лугом белый луг...» – как писал наш бессмертный Виктор Гюго. По обеим сторонам от Владимирского тракта из-под снега пробивались высокие стебли степной травы – в причудливых кристаллах изморози, вспыхивавших, словно по волшебству, всеми цветами радуги. Время от времени скопившаяся в атмосфере влага выпадала в виде острых ледяных игл. Крохотные капли, резко переходя из газообразного состояния в твердое, медленно опускались в виде тончайших бриллиантовых осколков, которые могли бы поразить взор самого изысканного эстета причудливейшими конфигурациями и невообразимым разноцветьем, высвеченным солнечными лучами. Но, увы, обездоленным существам было не до окружавшего их великолепия. От мороза, бессознательного творца этого чуда, безжалостно обрушивавшегося на их ослабленные тела, стыла кровь в жилах, губы и ноздри покрывались ледяной коркой, лопалась кожа, коченели руки, сводило судорогой ноги.

У ссыльнокаторжных одно было дело – идти и идти по твердым, как мрамор, колдобинам, предательски скрытым от взора слоем снега, падать, оступаясь в них, и подниматься, чтобы потом опять упасть и снова встать. И так без конца.

Нетрудно представить, каким тяжелым оказался для друзей первый день, проведенный ими в сообществе с узниками. Поскольку староста не мог нарушить запрета капитана вступать с ними в разговор, физические муки французов дополнялись отчаянной тревогой, порожденной неизвестностью.

В бараке, куда загнали несчастных на ночь, было еще грязнее, еще отвратительнее, чем в ишимском остроге. Но этапники так устали, что согласны были лечь, не разжигая печи, приткнувшись куда попало и даже просто на дворе, если внутри им не хватит места.

Как правило, в подобных придорожных каталажках нет отдельных комнат для сопровождающих своих близких женщин и детей, и эти горемыки вынуждены располагаться вместе с солдатами, которые из жалости их не гонят. Так и на этот раз странницы поневоле, прикрыв детей отрепьем, устраивались с ними в караульном помещении кто где мог: под солдатскими койками, возле дверей, между козлами для винтовок.

Надо ли говорить, что в арестантских бараках – они же остроги – ссыльнокаторжные были лишены медицинской помощи? Как, впрочем, и на протяжении всего пути? В так называемых лазаретах нет ни коек, ни матрасов, ни одеял, ни чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего белье. По дороге от Томска до Иркутска, на расстоянии четырехмесячного перехода, насчитывается только пять небольших лазаретов, имеющих в общей сложности сто коек, тогда как требуется их в пять раз больше. Но и на этих кроватях, убогих ложах, располагались, как правило, солдаты.

Ссылные плотно набивались в помещение, не менее тесное, чем в Ишимском, и хотя они улеглись впритык друг к другу прямо на нечистотах, накопившихся за несколько недель, все равно пятая часть их осталась без места, на улице.

Среди последних оказались и Жак Арно с Жюльеном де Клене. Изнемогая от усталости, с обмороженными руками и распухшими от мороза лицами, они едва притронулись к отвратительному месиву, принесенному в столь же грязных баках, как и утром.

– Итак, – с трудом произнес Жак, – нас ждет ночлег на снежном матрасе при тридцати градусах мороза!

– Бедный мой друг, – отозвался Жюльен, забывая о собственных мучениях, – в какую ужасную историю втянул я тебя по своей самонадеянности! Мужайся! Прижмемся друг к другу, и будет теплее. Хорошо еще, что шубы у нас не отобрали.

– Послушай, – как в бреду заговорил Жак, – почему бы не вырвать мне у солдата ружье и не расправиться с изувером, затащившим нас сюда? Меня пристрелят на месте? Тем лучше: разом будет покончено со всем этим!

– Наберись терпения! Помни, что обещал полковник. Если в течение ближайших двух дней в судьбе нашей ничего не изменится, то мы оба сможем поступить так, как ты задумал.

Двое каторжников с грубыми лицами и выжженными на щеках и лбу тремя буквами, образовывавшими слово «вор», переговорили о чем-то со своими товарищами и, подойдя к французам, обратились к ним по-русски. Обнаружив, что незнакомцы их не понимают, заключенные поискали глазами старосту, чтобы он перевел. Бывший полковник, тоже оставшийся на улице, хотел подойти к ним, но стражники скрестили штыки у его груди. Однако старик и так уже понял, что за благородная мысль осенила этапников.

– Отлично, ребятки! – сказал он им. – Делайте, как решили. Заранее благодарю вас.

Московские лиходеи, совершившие черт знает сколько преступлений, недоумевая, откуда взялась вдруг в их душах жалость, неожиданная, словно цветок в грязи, вознамерились приготовить иностранцам ложе – необычное для горожан, но привычное для сибирских охотников, при одной мысли о коем житель края с умеренным климатом пришел бы в

ужас. Впервые на такой кровати трудно заснуть, но зато, покоясь на ней, можно не бояться замерзнуть.

Задумывались ли вы, укрывшись за плотными шторами, нежась в мягкой постели под легким, как пушинка, одеялом и под веселое потрескивание дров в камине, о тех, кто путешествует по Крайнему Северу? Представьте себе, как один из этих героев забирается, словно зверь, в берлогу, разгребает руками снег, лишь белизной похожий на пух, под которым почииваете вы, осторожно, чтобы не обрушился верхний слой, расширяет туннель справа и слева и укладывается в тулупе прямо на землю, промерзшую в глубину на много метров.

Устройством такого логова и занялись два каторжника. Дело нехитрое, хотя и достаточно трудоемкое. Как ни странно, подобный альков, в который, кажется, ложишься, чтобы больше не встать, обладает способностью хранить тепло человеческого тела – при условии, что в сводах нет никаких щелей и вы в шубе мехом наружу.

Жюльен, обладавший уже некоторым опытом путешествия по Сибири, понял, что готовится. По достоинству оценив умение, с каким сооружалось прибежище для ночлега, он был растроган сочувствием, пробудившимся у этих так низко павших существ. Относясь к людям с симпатией, француз всегда противился мысли о неисправимой греховности человека и был рад теперь наблюдать проявление добрых чувств у преступников. Его синие, потрескавшиеся на морозе губы дрогнули и раскрылись в подобии улыбки.

– Мерси! – произнес он.

Воры поняли, что он им сказал, хотя и не знали этого слова.

– Ну вот, – спустя некоторое время почти весело обратился Жюльен к своему другу, – опочивальня для вашего величества уже готова. Слуги удаляются. Так что можно и на бочок.

Подкрепляя слова действием, он опустился на четвереньки и начал заползать ногами вперед под ледяной балдахин. Потом потянул к себе Жака, помог приятелю улечься, прижался к нему и замер в ожидании сна. Хотя постель была жесткой, температура держалась вполне сносная. Очень скоро Жюльена охватила сладкая истома, и он, сломленный накопившейся за день усталостью, заснул как убитый.

Из забытья его вырвали, как и в предыдущее утро, гул голосов и звон цепей. Начинаясь перекличка.

У Жюльена ныло все тело. Однако в целом чувствовал он себя вполне отдохнувшим, сам удивляясь тому, что столь хорошо перенес ночевку в условиях, выдержать которые, казалось бы, могли лишь уроженцы арктической зоны.

– Ну, давай же! – тряс он Жака. – Вставай же, вставай! Хватит нежиться, пора просыпаться! Если опоздаем к похлебке, то испортим настроение господину Еменову, и он обрушит на нас свой яростный гнев!

Жак неловко зашевелился и, сев не без труда, обрушил снежный свод, хранивший ночью тепло его тела. Затем полез вслед за другом на четвереньках к выходу из логова. Но, просунув в лаз плечи, заметил внезапно, что не может открыть глаза.

– Ослеп! Я ослеп! – закричал он в ужасе.

Жюльен вздрогнул было, однако тотчас облегченно вздохнул:

– Не бойся! Просто на веках образовалась ледяная корка! Растопи ее пальцами. Я это уже проделал. Да побыстрее, а то проклятый капитан шары выкатил от злости!

– Эй, французы-контрабандисты, скоро вы там? – прорычал старый служака. – Живо на место!

– Мой друг никак не откроет глаза и поэтому не может идти, – вежливо, но твердо ответил Жюльен.

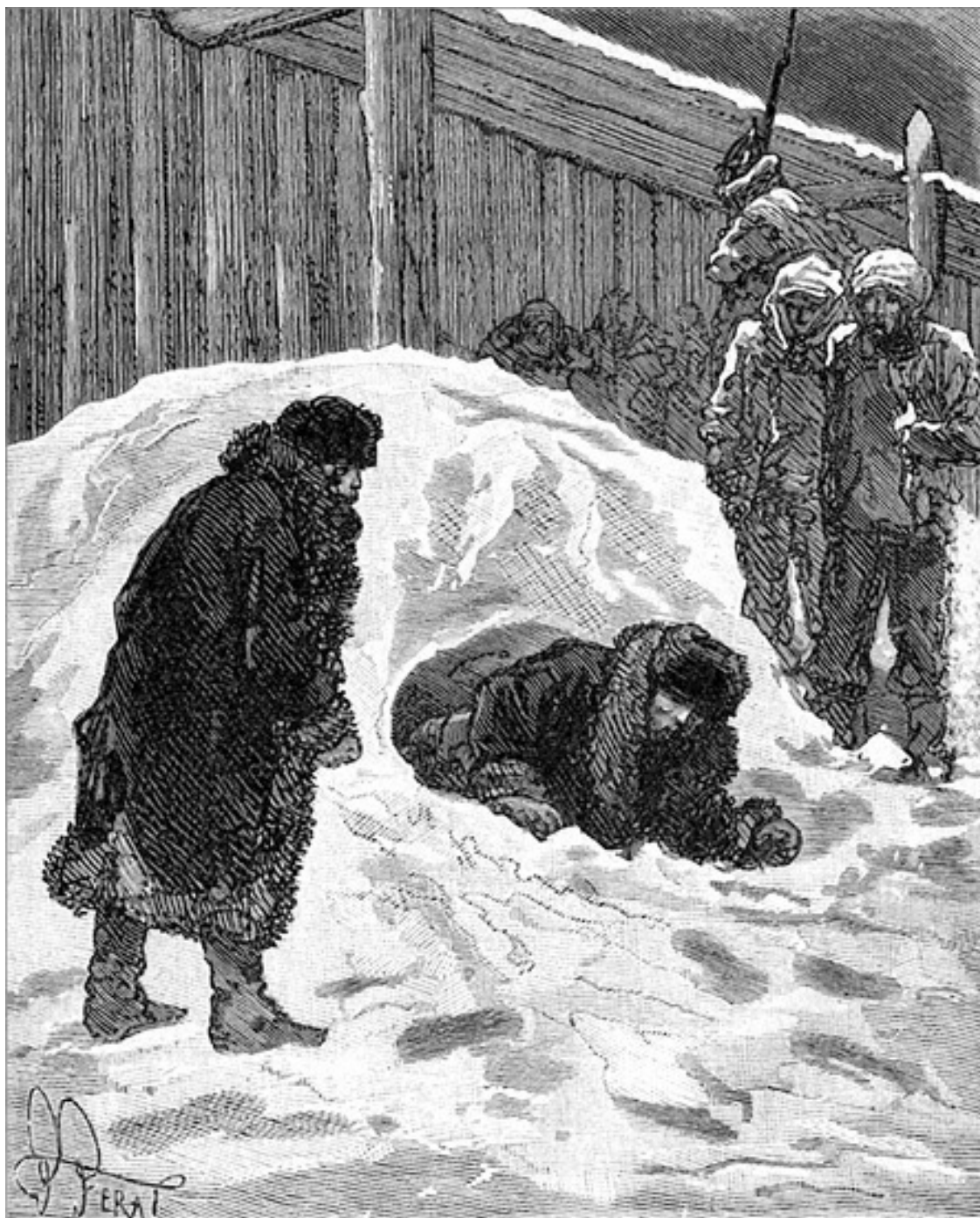
– Сукин сын имеет еще наглость затевать со мною разговор? Говоришь, твой друг-варнак глаз не может разлепить? Сейчас я мигом ему помогу!

Подняв кнут, солдафон решительно направился к горемыкам.

Жюльен, бледный от гнева, бесстрашно преградил ему путь:

– Ты не ударишь, подлец! Не то я...

Плеть со свистом рассекла воздух. На лице храброго француза проступила красная полоса. Но ударить во второй раз капитану Еменову не удалось: только он вскинул руку, как Жюльен сжал ее мертвой хваткой своей левой рукой, в то время как правой яростно сдавил душегубу горло. Офицер, теряя силы, упал на снег с выпученными глазами, посиневшим лицом и высунувшимся изо рта языком. На миг конвоиры и их поднадзорные застыли, ошеломленные этой безумной отвагой, которая будет стоять бунтарю жизни, если только не произойдет чуда.

Но, просунув в лаз плечи, он внезапно заметил, что не может открыть глаза

Солдаты, видя, что начальник их задыхается, тщетно пытаясь высвободиться из железных рук француза, с винтовками наперевес бросились на Жюльена. Смелчак, легко, как ребенка, подняв капитана, закрылся им, словно щитом, и отступил к забору.

– Сейчас, сейчас я его придушу! – прокричал он, зловеще хохоча. – Мерзавец получит по заслугам! А уж потом колите меня сколько вздумается!

Круг сжимался. Штыки сверкали в считанных сантиметрах от груди мятежника. И Жюльен понял, что пропал.

– Стой! Опустить ружья! – откуда-то со стороны раздался вдруг зычный голос.

И в тот же миг у барака затормозили сани. Из них выскочили жандармы – в блестящих касках и голубом обмундировании – и направились к колонне. Впереди, с гордо поднятой головой, шагал высокий мужчина. Шуба на нем была распахнута, и из-под нее выглядывал китель одного из старших чинов русской армии.

Глава 8

Как мы уже знаем, капитан Еменов серьезно ошибся в выборе солдата для присмотра за старостой. Служилый входил в состав караула, приставленного к «апартаменту» начальника колонны и, естественно, слышал разговор своего командира с задержанными французами. Да и как могло быть иначе, если офицер вел его на повышенных тонах, будучи твердо убежден, что подчиненные ни слова не поймут из беседы, шедшей на французском языке. К тому же капитану вообще не было никакого дела до умонастроения рядовых конвоиров. Ведь, считал он, русский солдат, как и немецкий, – всего лишь автомат, настроенный на службу и способный лишь на пассивное послушание. Что же касается таких вещей, как наблюдательность, способность размышлять и инициатива, то они ему попросту недоступны. Поэтому старший по колонне ждал от солдата беспрекословного выполнения всего, что касалось старосты, и был бы весьма обескуражен, если бы узнал, как повел себя казак.

– Да, батюшка, – говорил служилый бывшему полковнику, – стражник передал капитану написанное тобою послание, и начальник приказал мне воспрепятствовать твоему общению с французами. Обманщик не пошел в Томск. Капитан велел держать его взаперти, пока колонна не двинется в дорогу: он хочет, чтобы ты думал, будто письмо твое в пути.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – недоверчиво спросил ссыльный. – И что за интерес тебе заботиться об этих несчастных?

– Я же знаю, что задержанные ни в чем не виноваты: они не связаны с кружком нигилистов, не участвовали в заговоре против царя-батюшки и, ко всему прочему, не являются подданными нашего государя-императора.

– Интересно, – чуть насмешливо молвил староста, – откуда известно тебе все это?

– Ну вот, ты не веришь мне, отец, а зря. Понимаю, конечно, тебе приходится быть осторожным: вокруг полно соглядатаев. Но я в один миг развею твои сомнения, не имеющие, клянусь тебе, никаких оснований.

Последняя фраза, произнесенная на чистом французском, повергла старосту в изумление:

– Ты что, французский знаешь?

– Да, батюшка.

– Наверное, ты единственный такой среди казаков...

– Поскольку я владею языком задержанных, то понял из разговора, что они – жертвы чудовищной несправедливости, преступного превышения власти.

– Предположим. Но это не объясняет, почему ты проявляешь к ним столь большое участие, что даже нарушил приказ с риском понести тяжелое наказание.

– Сейчас расскажу все. Я ведь тоже француз, хотя и подданный царя.

– Не может быть!

– Может, может... Во время войны Наполеона с Россией отец мой служил в охране императора. Он попал в плен и был сослан в Сибирь. Потом поселился в киргизской деревне и много лет спустя взял в жены дочь начальника острога. Я – самый младший из этой довольно большой семьи. Батюшка мой стал настоящим сибиряком, но не забывал Францию и очень любил при случае послушать звучную французскую речь. Я родился, когда он был уже стар. Отец приложил немало усилий, чтобы научить меня языку своих предков, и добился своего: я довольно прилично говорю по-французски. Потом меня призвали на воинскую службу, и я оказался далеко от дома, когда отец скончался в кругу любящих домочадцев. Я храню о нем самые теплые воспоминания и испытываю к французам те же чувства. Оставаясь один, я громко разговариваю сам с собой по-французски и ощущаю при этом бла-

гостное состояние души своей: будто я слышу голос столь любимого мною отца... Так что ты можешь полностью доверять мне – казаку французского происхождения.

– Верю тебе, сынок, – ответил староста, не скрывая волнения. – Но что же ты надумал?

– У меня лучший в отряде конь. Напиши генерал-губернатору еще одно письмо, и я тотчас отправлюсь в путь. Скакун мой одним махом одолеет семьдесят верст от Ишимского до Томска.

– Хорошо, но каким образом ты пробьешься к губернатору?

– На прошлой неделе меня уже посылали к нему с поручением, и я сохранил бирку, которую правительственные гонцы крепят к руке. Ты, наверное, знаешь, что начальство принимает правительственные послания лично и в любое время суток.

– На все у тебя есть ответ, – произнес арестант и несколько минут спустя вручил смельчаку послание, написанное в тех же выражениях, что и предыдущее. – Держи! И да сопутствует тебе удача! Прими благословение старика, любящего мужественную нацию, к которой ты принадлежишь.

– Спасибо, отец, все будет в порядке! До встречи!

Отважный казак взнуздal лошадь, вскочил в седло и помчался, никем не замеченный в сумерках. А вечером того же дня уже входил в хоромы генерал-губернатора. Письмо потрясло сановника. Одно за другим последовали распоряжения, выполнявшиеся быстро и четко. Не прошло и десяти минут, как в личные сани губернатора была уже впряжена тройка резвых коней! И тотчас же повозка лихо рванула вперед, увозя с собой адъютанта губернатора Пржевальского, решившего лично проследить за выполнением предписаний своего начальника, и сопровождавших его жандармов.

Гонец застыл, ожидая, когда его отпустят.

– Ну а теперь разберемся с тобой, – проговорил генерал. – Ты без разрешения покинул свою часть и за это должен быть наказан. Тебе дадут свежего коня. Доехав до Иркутска, ты сам явишься к начальству и отбудешь там месячное заключение. Но не в солдатской тюрьме, а в офицерской. Ты нарушил дисциплину, но одновременно и предотвратил преступление, которое могло бы совершиться во владениях Его Величества царя. Жалую тебе звание унтер-офицера. Ну, в путь! Ты славно служишь!

– Спасибо, батюшка! – произнес казак. Глаза его радостно блеснули.

Задержавшись ненадолго в Семилужском и Ишимском, где сменили коней, все остальное время сани неслись стрелою в ночи и подкатали к острогу в тот самый момент, когда капитан Еменов задыхался в мертвой хватке Жюльена де Клене.

Услышав грозное «Опустить ружья!», солдаты, только что собиравшиеся изрешетить француза, беспрекословно подчинились команде.

Капитан судорожно глотнул воздух, с трудом выпрямился и почтительно застыл перед адъютантом в чине полковника.

Вежливо поздоровавшись с французами, к которым он обратился по имени, представитель губернатора сказал:

– Высокочитимый граф де Клене и месье Арно, мне предписано исправить ошибку, допущенную в отношении вас. Вы свободны, господа, и я приношу вам извинения от имени его превосходительства генерал-губернатора. Такие же извинения, учитывая характер нанесенного вам оскорбления, будут переданы послу вашего правительства. Поскольку вы, господа, понесли по вине находящегося на государственной службе нашего офицера материальные потери, я уполномочен предложить вам на выбор: или вернуться в Томск, где вы будете гостями губернатора, или продолжить свой путь. В последнем случае я последую вместе с вами до Иркутска, где генерал-губернатор Восточной Сибири возместит вам и моральный и материальный ущерб.

Жак и Жюльен, тронутые этими словами, шагнули к офицеру и, пожимая ему руку, поблагодарили с горячей признательностью людей, только что находившихся на волосок от смерти, а теперь возвращенных к жизни.

Капитан Еменов, словно громом пораженный, посматривал в смятении то на друзей, то на полковника.

Жюльен презрительно прошел мимо него, не удостоив изувера даже взглядом, но Жак не привык прощать обиду.

– Можете ли вы, полковник, оказать мне услугу? – обратился он к адъютанту.

– Я в вашем распоряжении!

– Тогда дайте, пожалуйста, саблю: меня так и подмывает подойти к этому господину и отсечь у него хотя бы одно ухо – в виде компенсации за те унижения, которые мы перенесли по его милости.

Адъютант, по-видимому приняв эту просьбу всерьез, произнес степенно:

– Месье, я не могу выполнить ваше желание. Но должен заметить, что военным законодательством предусмотрены не менее суровые меры наказания. И одна из них – разжалование, сопровождаемое крайне унижительной церемонией. Да вы сейчас и сами увидите.

– Нет-нет, полковник, – воскликнули оба друга, – только не это! Пощадите его!

– Мои распоряжения не могут отменяться, господа, – ответил полковник с некоторой грустью в голосе и обратился к начальнику колонны: – Еменов, ты нарушил свои обязанности и недостойн высокого звания слуги его императорского высочества. Один из унтер-офицеров, старший по возрасту, сорвет с тебя эполеты и сломает твою шпагу. Прослужишь два года рядовым в строительной части без права ношения оружия.

– Но должны ли и мы присутствовать при приведении этого приказа в исполнение? – спросил Жюльен. – Друг мой, проведя ночь в снегу, еле стоит на ногах. И я был бы вам благодарен, если бы вы разрешили нам где-нибудь отогреться.

– Как вам угодно, господа, – вежливо ответил адъютант.

Через десять минут в комнату, где находились друзья, вошли полковник со старостой.

– Взгляните, Сергей Иванович, на ваших подзащитных, – сказал адъютант. – Они с радостью пожмут руку человеку, который столь своевременно пришел к ним на помощь. Вам, только вам, обязаны они свободой!

Путешественники бросились обнимать старика.

– А теперь, когда справедливость восторжествовала, разрешите пригласить вас, господа французы, к завтраку, отличному от тех, что давали вам в течение этих двух дней... Вы составите нам компанию, Сергей Иванович? Правила не возбраняют вам провести с нами полчаса за сердечной беседой.

– С удовольствием, Василий Петрович, хотя времени у меня в обрез: колонна вот-вот выступит в путь.

– Вы догоните ее на санях бывшего начальника конвоя. К тому же мне велено передать вам, что его превосходительство желает, – подчеркнул адъютант последнее слово, – чтобы остаток пути вы проделали в повозке.

– Нет, – твердо произнес староста. – А его превосходительство ничего не просил вас передать мне лично?

– Вот его точные слова: «Скажите тому, с кем вершили мы вместе ратные подвиги и делили славу, что воспоминание о нем живет в моем сердце и что...»

– И что?..

– «И что я надеюсь на его скорейшее возвращение в наши ряды и занятие им места, которого он достоин».

– На все воля Божья! – скромно молвил ссыльный.

Денщик принес самовар и заварочный чайник с ароматным чаем, по достоинству оцененным при таком морозе. Стол был уставлен разнообразными продуктами, собранными в спешке и только что размороженными: ведь в дороге и мясо, и консервы, и хлеб, и фрукты превратились от холода в ледышки. Оказавшиеся волею судьбы за одним столом четверо сотрапезников, отдавая должное вкусной еде на этом импровизированном пиру, сначала почти не разговаривали. Когда же чувство голода прошло, завязалась беседа.

– Итак, господа, вот что я понял: сколь бы странным это ни казалось, вы решили совершить подвиг, впервые в истории отправившись в Бразилию через Азию, – произнес адъютант. – Покинув Россию, вы посетите еще два американских субконтинента.

– Признаться вам честно, за последние два дня я совершенно забыл об этом! – ответил весело Жюльен. – А ты, Жак?

– То же самое! Я уже начал было привыкать к походной жизни. Не то чтобы она доставляла мне особое удовольствие, но считал условия, в которых мы находились, вполне приемлемыми и был уверен в успешном завершении нашего путешествия, как вдруг случилось это досадное происшествие...

– Которое, наверное, вызвало у вас глубокое отвращение к странам с холодным климатом, – печально заметил староста. – Это так естественно, не правда ли, Василий Петрович?

– Вы правы, Сергей Иванович. И господа должны возносить хвалу своей звезде за то, что встретили в вашем лице благородную душу.

– Позвольте не согласиться с уважаемым полковником Михайловым. Нет, я вовсе не возненавидел путешествия по суше – единственно возможный для меня вид передвижения, – промолвил добродушно Жак. – Но...

– Ну-ну, – сказал другу Жюльен, – признайся, ты хотел бы вернуться в Париж? Национальная гордость здесь ни при чем: ведь мы отправились в путешествие не за славой. Поскольку это я подверг тебя таким испытаниям, то обязан вернуть тебе твое слово. Кто знает, уж не решил ли ты сменить маршрут и, вернувшись в Европу, добраться до какого-нибудь порта, чтобы отправиться оттуда напрямик в Рио-де-Жанейро?

Жак замахал обеими руками.

– Нет, уж лучше встречать на каждом шагу капитанов Еменовых! – возразил он с такой горячностью, что Жюльен удивился. – Лучше вернуться в партию ссыльнокаторжных и спать по ночам в снежной постели, приготовленной ворами!.. Лучше пешком дойти до Берингова пролива, зимовать за Полярным кругом, приручать белых медведей и вместе с чукчами пить в чуме²⁷ тюлений жир, чем находиться на борту корабля!.. Ты прав, национальная гордость не имеет к нашему путешествию никакого отношения. Мы не англичане и пари не заключали. В путь я отправился под твоим давлением и особого энтузиазма в дороге не проявлял. Но сейчас честно заявляю тебе, что намерен идти только вперед, даже если придется сложить свою голову. Скажу прямо, у меня было немало сомнений. Но сегодня мое желание твердо. Повторяю: только вперед, как говорят в таких случаях американцы!

– Bravo! – воскликнули в один голос его собеседники, взволнованные неожиданным признанием.

– Если вы мне верите, – продолжал Жак, – то поднимем бокал за здоровье нашего высокого друга полковника Михайлова и за его превосходительство генерал-губернатора, а затем, воспользовавшись любезным предложением полковника Пржевальского, не теряя ни минуты, отправимся в его сопровождении в Иркутск!

– Я полностью в вашем распоряжении, господа! – галантно ответил адъютант. – Рад вашему решению хотя бы потому, что мне предстоит приятная поездка в компании с такими славными людьми, успевшими уже завоевать мою симпатию.

²⁷ Чум – в Сибири: шатер конической формы, крытый шкурой, корой, войлоком.

– Вы же завоевали нашу, поверьте! – заявил с жаром Жюльен.

– И вот еще что, – произнес полковник. – В Ишимском я узнал от стражника, что произошло с вашим багажом. Все было разграблено, остался только этот саквояж с документами, почему-то не привлечший внимания мародеров. Взгляните, на месте ли бумаги.

– Все цело: паспорта, рекомендательные письма, банковские поручения, даже моя карта, – сказал Жюльен, бегло просмотрев содержимое сумки. – Все в порядке, приношу вам благодарность!

– Ну что ж, друзья, в дорогу! Сани большие, места всем хватит. Мы будем рады еще какое-то время побыть с вами, Сергей Иванович. Неужели ваше решение идти по этапу окончательное?

– Да, Василий Петрович.

Не успели пассажиры усесться, как сани нагнали мрачную колонну. Полковник Михайлов, снова ставший просто старостой, сошел с саней и обнял крепко Жюльена и Жака, в чьих глазах стояли слезы. Избавленные от испытаний, которые пришлось им пережить в течение тридцати шести часов, но хорошо теперь представлявшие себе все ужасы, выпадающие в пути на долю несчастных этапников, Жюльен и Жак оплакивали судьбу ссыльного полковника и одновременно восхищались его решимостью.

– Прощайте!.. Прощайте, дети мои! – повторял сдавленным голосом полковник Михайлов.

– Нет-нет, не прощайте, а до свидания! – энергично возразил Жак. – Надеемся встретить вас на обратном пути в Петербурге. До той поры вы уже вновь займете подобающее место в науке. Так что – до свидания!

Сани скользили рядом с колонной ссыльнокааторжных. Попросив кучера сбавить скорость, адъютант сказал спутникам:

– Я понимаю вас и разделяю ваше желание, но – увы! – не вашу надежду. Полковник Михайлов – человек несгибаемой воли. Такой стальной характер не позволит сломить себя ни на минуту... О, да этот скотина ямщик собирается, кажется, задавить несчастных! Чуть было не сбил с ног вашего старого знакомого, капитана Еменова: он идет рядом с ворами, под их косыми взглядами!

– Бедняга! – пробормотал Жюльен. – Какая жестокая расплата!

– Ну-ну, нашли кого жалеть! Или вы хотели бы оказаться сейчас на его месте? Будь его воля, вы и находились бы там, в колонне. Право, этот солдафон не заслуживает снисхождения!

– Бр-р! – проговорил Жак и обратился к Пржевальскому: – Нельзя ли попросить вас поднять верх? Такой мороз, что, того и гляди, белые медведи пожалуют!.. – Потом он повернулся к своему другу: – Если ты только послушаешь меня, Жюльен, то возвращаться из Бразилии мы будем в теплое время года. Конечно, у тарантаса есть недостатки, но и путешествие в санях не во всем приятно.

– Да, несомненно. Если бы мне сказали, что впереди нам предстоит хотя бы пятиминутное плавание, я тотчас бы повернул назад. Что делать, я неисправим!

Глава 9

– Ну, дружище Жак, признавайся, тыходишь во вкус! И свидетелем тому наш милый спутник Пржевальский!

– Да, не пытайтесь отпираться, господин Арно, – поддержал Жюльена офицер. – Могу вслед за господином де Клене привести неопровержимые тому доказательства.

– «Входишь во вкус»... Это, пожалуй, сказано слишком сильно. Считайте лучше, что я проявляю интерес к путешествию.

– К чему такие тонкости! – воскликнул Жюльен. – Твоего признания более чем достаточно, чтобы подтвердить нашу правоту. Скажу в связи с этим, что я с удовольствием почитал бы записи, за которые принимаешься ты ежевечерне, причем тайком. Наверное, боишься, что я обвиню тебя в нарушении твоих же собственных принципов, включая главный из них – быть равнодушным ко всему, что встретится в пути.

– Выходит, ты все знаешь?

– Я же не слепой! И неоднократно видел, как ты вынимаешь карандаш и украдкой царапаешь что-то в сафьяновый блокнот. Записки закоренелого домоседа и бюрократа-крючкотвора особенно любопытны, поскольку у подобной категории людей необычайно острое восприятие самых, казалось бы, обыденных вещей, скрытых доселе от их взора.

– Возможно, ты и прав. Во всяком случае, эти, как ты говоришь, записи абсолютно искренни.

– Еще одно признание!

– Что поделаешь? Ну а теперь ты, наверное, попросишь меня почитать вслух эти нескладные, уродующие французский, обрубки фраз, не так ли? К тому же носящие исключительно личный характер?

– Конечно! Мы оба – и полковник и я – сгораем от любопытства, не в силах угадать, что же там, в таинственном блокноте! Будучи твердо уверены в том, что ты не захочешь огорчить нас своим отказом, мы обращаемся к тебе с настоятельной просьбой почитать нам путевые заметки.

Жак посопровтивлялся немного, но, не находя аргументов для отказа, достал наконец из кармана шубы маленькую книжечку и протянул Жюльену:

– Держи. И сам читай. Из-за твоей настырности мне не раз придется краснеть: в моих каракулях столько абсурдных высказываний!

– Так ты день за днем заносишь наблюдения? Отличная система! Возможно, иногда это и монотонно, зато вполне логично. Итак, начнем:

«Двадцать седьмое ноября. Нас только что освободили. Я хочу позабыть об ужасах нашего плена и полностью отдаться радости жизни. Удивительно, насколько вот так сразу расширился мой горизонт! Я стал обращать внимание на массу вещей, которых ранее не замечал.

Мы пересекли рощу. Вековые березы с опущенными инеем ветвями прекрасно смотрелись под ярко-голубым небосводом...

Здоровенные вояки-сибиряки – человек двадцать – сопровождали нас до первой деревни. Начитавшись книг о путешествиях, я ожидал сражения и всяческих приключений...

Какая насмешка! Ни полковника, ни Жюльена, ни кучера, ни даже лошадей – никого не беспокоило присутствие волчьей стаи. Полковник охотно объяснил мне, что бедным животным трудно передвигаться в лесу по глубокому снегу, и они с удовольствием выходят на протоптанную людьми дорогу, чтобы следовать за ними, но по своим делам.

Двадцать восьмое ноября. Домá в Сибири, вместо того чтобы выглядеть красиво или хотя бы добротно, часто довольно уродливы на вид. Ни одно из строений не имеет гордой осанки. Здания стоят наклонившись. Двери и окна прикрыты овечьими шкурами, стены вот-вот рухнут, пол в избах кривой, словно крыша землянки. На уровне земли у такого дома с одной стороны – первый этаж, с противоположной – второй. Пересекая избу в одном направлении, попадешь на чердак, в другом – в подвал. Даже удивительно, как живут здесь люди. Говорят, эти перекосы – результат оседания почвы при оттаивании. Но я бы добавил – и от нерадивости хозяев...

Езда в санях стремительна, удобна и приятна – если только не закрыт наглухо верх. Что за дивное ощущение! Ни бортовой, ни килевой качки, и лишь головокружительно быстрое движение по абсолютно ровной поверхности заставило меня вспомнить о морской болезни. Если бы Жюльен это знал!

Здания стоят наклонившись. Даже удивительно, как живут здесь люди

Двадцать девятое ноября. Мы едем день и ночь. Я сплю в санях. Очень интересно, проснувшись, узнать, что пройдены многие километры, которых ты и не заметил.

Миновали приток Оби – небольшую речушку под названием Чулым, которая, однако, и по ширине, и по протяженности превосходит Рейн. Пересекли мы ее, понятно, по льду. Копыта лошадей выбивают на толстом слое смерзшейся воды гулкую дробь – звук весьма неприятный и отнюдь не успокаивающий нервную систему.

Летом некоторые отваживаются пересекать бурные потоки в лодке. Одна мысль об этом бросает меня в дрожь.

На подъезде к Красноярску, столице Енисейской губернии, возок наш перевернулся: кучер оказался на редкость неловок. С нами, правда, ничего не случилось, зато сани сильно пострадали. Придется на сутки задержаться.

Тридцатое ноября. Нет худа без добра. Красноярск – очень приятный город, местное общество – изысканно. Роскошные экипажи, слуги в ливреях, обшитых галунами, – прямо как в Париже! Деревянные дома величественны и вместе с тем уютны. Посреди березовой рощи – городской парк. Летом все это выглядит, наверное, очень нарядно, с господами и дамами, одетыми по последней моде.

Нанесли визит генерал-губернатору – чин сей не военный, а гражданский. Конечно, гражданский генерал – словосочетание странное, но это именно так. Дело в том, что в России все государственные должности соответствуют чинам в армии. Так, например, имеются библиотекари-капитаны, судьи-лейтенанты, чиновники-майоры. Таким образом, чернильные души поднимаются по иерархической лестнице воинских званий от унтер-офицера до полковника. Родись я подданным царя, то был бы командиром батальона в префектуре Сены и щеголял бы в роскошной форме. Но судьба распорядилась иначе.

Такая милитаризация касается и самых скромных должностей. Наш кучер, к слову сказать, рядовой, а начальник почтовой станции – уже унтер-офицер. И это не все. Женщины тоже разрешают называть себя соответственно должности мужа. В обиходной речи говорят: госпожа полковничиха, госпожа капитанша, госпожа генерал-губернаторша.

Приняли нас у генерал-губернатора радушно.

Первое декабря. Полковник Пржевальский – наименее приятнейший человек из всех наших новых знакомых».

– Полковник, благодарите! – прервал чтение Жюльен.

– Я предупреждал, что записи носят личный характер, – заметил Жак, и его друг снова уткнулся в записную книжку:

– «Генерал-губернатор показал нам очень красивый городок, который называют сибирскими Афинами.

В этих северных Афинах много толстосумов, сколотивших на золотых приисках сказочные состояния. Но ничего «афинского» в этих парвеню нет. Они выставляют свое богатство напоказ и сорят деньгами широко и бессмысленно. К тому же страшно утомительны, болтают без умолку о своем достатке – о тысячах бутылок вина, распиваемых в течение года, о своих домах из камня и металла, стоящих бешеные деньги. Нам рассказали о купце, который, не желая при оттепели пачкать колеса дилижанса, приказал расстелить вдоль дороги ковер. Довольно оригинально!

Побывал я на базаре. Прелюбопытное зрелище. Съестное продается в замороженном виде, в коем остается свежим до самой весны. Свиные ноги, бычьи туши, дичь, студень – все здесь же рубится топором или пилится пилой. Огромные, больше метра длиной, рыбыны ставят на сорокаградусном морозе стоймя, как деревянные брусья. Такой способ торговли очень удобен. Продавцы делают запасы в начале зимы, и на морозе все это сохраняется куда лучше, чем в холодильниках морских судов Старого и Нового Света.

“Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты” – гласит французская пословица. В России ее надо было бы немного изменить: “Скажи мне, какой мех на тебе, и я скажу, кто ты”. Уважающий себя человек никогда не будет здороваться с человеком в каракулевой шапке.

Покидая покои губернатора, полковник услышал нелестный отзыв лакея о нас с Жюльеном только из-за того, что наши шубы из лосиной шкуры. Поскольку одеяние это весьма теплое и прочное, хотя и не столь элегантно, носят его здесь простолюдины. Но после того, как к моему наряду пристрочили воротник и манжеты из бобра, я был сразу же признан джентльменом. Обошлось же мне подобное изменение общественного мнения в двести франков, выброшенных на ветер!

Второе декабря. В десять часов вечера двинулись в путь. Город был тих: «афиняне» в сей час пьют шампанское, танцуют котильон и тешатся азартными играми.

Я сказал, что город тих, но на самом деле это не совсем так. Со всех сторон раздаются непонятные звуки, напоминающие удары молоточка по наковальне. Надоедливое дзинь-дзинь всю ночь мешало мне спать. Я спросил у полковника, что это такое, и он мне весьма любезно объяснил.

Оказывается, сибиряки, опасаясь воров, переняли у китайцев странный обычай озвучивать дом на всю ночь шумовыми эффектами, словно бы предупреждая тем самым вора, что в доме бодрствуют. Перед тем как лечь спать, они позвякивают чем-нибудь, спускаясь в подвал, поднимаясь на чердак или обходя дом. В действительности же результат достигается прямо противоположный: вор всегда знает точно, где находятся хозяева, что, конечно, не может не способствовать осуществлению его дурных замыслов. Поистине простачки водятся во все времена и во всех странах! И в подтверждение этого добавлю: красноярские чудаки не глупее парижской полиции, предписывающей ночному патрулю проходить в строго определенное время одним и тем же маршрутом вдоль одних и тех же домов.

Третье – восьмое декабря. Движемся и днем и ночью, останавливаясь только за тем, чтобы перекусить и сменить лошадей. Мороз крепчает. Тут уж ничего не поделаешь! Наши шубы неплохо защищают от холода, и это главное.

Пересекаем то одну речку, то другую. Меня это не волнует: все они покрыты льдом. Мелькают деревня за деревней. Оставили позади еще два города – Канск и Нижнеудинск. После сибирских Афин достаточно и простого упоминания о них. Местность становится гористой, с обеих сторон богатые сосновые леса.

Все идет как надо! Через два-три дня мы завершим переход в две с лишним сотни километров – от Красноярска до Иркутска».

– Вот и все, – заключил Жюльен. – Bravo! Прими мои самые искренние поздравления! Все очень точно, лаконично и не лишено юмора, придающего повествованию особую прелесть.

Полковник, согласившись с ним, о чем-то задумался. Клене, заметив это, спросил, не раздражают ли его отдельные страницы дневника хотя бы по форме изложения.

– Напротив, – ответил полковник, – я отметил бы остроту наблюдений. Что меня удивляет – это, пожалуй, настойчивость, с какой господин Арно высказывает свое отвращение к воде, к речным потокам... Скоро мы подъедем к Иркутску, который, как вы знаете, расположен на противоположном берегу Ангары, а это не обычная сибирская река: она может и не замерзнуть.

– Но есть же, наверное, мост?

– Разумеется, однако не исключено, что его снесло. В таком случае придется переправляться на пароме.

– Ни за что! – воскликнул Жак. – Я путешествую только по суше и на воду спускаться не согласен. Буду ждать, пока Ангара замерзнет, или же пушусь в обход, вокруг озера Байкал.

Ямщик стремительно обернулся: по-французски он не понимал, но, услышав слово «Байкал», не на шутку испугался. Бросив на пассажиров умоляющий взгляд, возница начал объяснять что-то пространно полковнику.

– Что он говорит? – спросил заинтригованно Жюльен.

– Примерно следующее: «Ваше превосходительство, попросите приезжих не произносить слова “Байкал”. Вы же знаете, его можно называть лишь “господин море”, а не то он разгневается и погребет в своих пучинах дерзновенных, столь неуважительно отозвавшихся о нем. Я – бедный человек, и вы, надеюсь, не пожелаете гибели подданного нашего царя-батюшки. Если баре не послушают вас, господин море отомстит мне при первом же удобном случае, когда я буду пересекать его на санях, направляясь от Иркутска к Кяхте». Что вы хотите? Это же сибирский крестьянин: его можно отлупить, чем он даже гордится порой, но от суеверий не избавишь!

– Договорились, мой милый! – обратился Жак к кучеру, попросив полковника перевести. – Мы иностранцы, и господин море, перед которым мы скоро снимем шляпу, не будет на нас в обиде.

– Да сохраняют вас, ваше превосходительство, Николай Чудотворец и Казанская Божья Матерь!

Почтовый тракт вступает в долину Ангары в ста километрах от Иркутска и до этой столицы Восточной Сибири идет вдоль реки.

Сани стрелой мчали по левому берегу Ангары, стремительно несшей меж скалистых берегов огромные льдины. Это не предвещало ничего хорошего.

За поворотом дороги путники увидели возвышавшиеся над березами и соснами, гнувшимися под тяжестью снега, колокольни и купола огромного города. Лошади, подбадриваемые возницей, ускорили шаг.

– Ну-ка, ласточки-касаточки мои! Э-эй!

Взметнулась ввысь зубчатая стена, из-за которой выглянули золоченые маковки церквей, увенчанные православными крестами. Под лучами ярко пылавшего на синем небосводе солнца благородно светилось покрытие старинных куполов, великолепием своим напоминавших драгоценности в голубом бархатном футляре.

Широкая Ангара, омывавшая стены монастыря и устремившаяся на северо-запад, как поток лавы, предстала во всем своем величии. Огромные льдины фантастических форм сталкивались с угрожающим скрежетом.

– Иркутск! – закричал Жюльен, не скрывая своего восхищения.

– Ангара свободно катит свои воды! – жалобно протянул обескураженный Жак.

– Мост снесло льдинами, – констатировал полковник, не на шутку обеспокоенный.

– Ну и что? Подождем, пока река не станет, – решительно заявил Жак.

– Но из всех сибирских рек – а их много – Ангара не замерзает дольше всех. Иногда она в течение всей зимы успешно сопротивляется самым лютым холодам.

– Черт возьми, это уже серьезнее!

– Поскольку морозы сейчас сильные, я уверен, река скоро станет, но не раньше, чем через неделю.

– А почему сия капризница не подчиняется общим правилам?

– Причина проста – рельеф местности.

Жюльен, воспользовавшись замечанием Пржевальского, приступил к чтению лекции:

– Роскошные водные просторы, которые мы увидим, если свернем к югу, и которые я должен называть морем, если не желаю, чтобы ящик наш поседел раньше времени, расположены приблизительно на пятьсот метров выше уровня моря.

– Озеро Титикака²⁸ находится значительно выше над уровнем моря, однако не столь своеобразно, – насмешливо бросил Жак.

– Площадь нашего водоема – свыше тридцати тысяч квадратных километров, длина – двести двадцать лье, ширина – пятнадцать – двадцать, – продолжал Жюльен.

²⁸ Озеро Титикака, на границе Перу и Боливии, расположено на высоте 3812 метров над уровнем моря.

– Поскольку Ангара – единственная река, берущая начало в Байкале, этом гигантском хранилище пресной воды, она и должна быть бурной, полноводной, – пояснил полковник. – Ангара сдается холодам лишь после долгой, отчаянной борьбы. Вода начинает замерзать со дна в неглубоких местах, у берегов. А потом и в верхних ее слоях образуются льдины, смерзающиеся со временем с придонным льдом. Воды, как бы сжатые снизу и сверху, отчаянно прорываются, выталкивая во все стороны ледовые глыбы. Однако все напрасно. Мороз моментально соединяет выброшенные водой прозрачные блоки, и река, пытаясь избежать полного замерзания в привычном русле, разливается по берегам быстрыми потоками. Волнующее сражение, длящееся от восьми до десяти дней, заканчивается полной победой мороза, надежно схватывающего воду и подо льдом, и на прибрежных равнинах.

– Одним словом, по прямой в Иркутск не въехать! – сделал вывод Жюльен.

– Надо дожидаться, пока мороз одержит верх над непокорной водной стихией, – заявил Жак.

– Или же объехать место истока Ангара по льду Байкала...

– Море, море, ваше превосходительство! – простонал кучер.

– Хорошо, хорошо, трусишка!

– Вы думаете, «море» замерзло? – спросил Жак.

– Уверен, что да.

– Далеко до него?

– Около пятнадцати французских лье.

– Четыре часа санного хода. Нам и не такое по плечу!

– Только бы не забыть поприветствовать почтительно господина море! – сказал Жюльен.

Сани, развернувшись, направились на юго-восток.

Вскоре путешественники обнаружили, что широкая дорога с тонким слоем снега, прибитого другими санями, кончилась. Торной дороги не стало. Вся надежда теперь на мастерство кучера и инстинкт лошадей, которые то и дело увязали в снегу чуть не по грудь и держали так, что сани в любой момент могли перевернуться.

Путь вдоль Ангара проходил по отвесным кручам, и, чтобы не сорваться вниз, двигаться приходилось с огромными предосторожностями. Иногда путешественники слезали с саней и шли пешком, поскольку ямщик не ручался, что сможет проехать дальше.

Вдали показался Байкальский хребет, протянувшийся по левому берегу озера с юга на северо-восток. И вот наконец ущелье, в глубине которого злобно рычала Ангара, перекатывая льдины, было пройдено. Осталось лишь спуститься к озеру.

К сожалению, посчитав, что самое трудное позади, возница на минуту утратил бдительность. Лошади, вступив на пологий склон и перестав чувствовать сопротивление саней, резво побежали вперед. Возок, который следовало придерживать, а не тянуть, тем более с силой, понесся вниз с такой ужасающей скоростью, что кучер оказался не в состоянии совладать с упряжкой. Катастрофа была неминуема.

– Господа, – проговорил полковник, абсолютно спокойный, несмотря на клубы снега, поднимавшегося стремительно мчавшимися санями, – сейчас мы перевернемся. Но сделать это надо с умом. Не держитесь за возок, а, наоборот, расслабьтесь: снег глубокий, он смягчит удар.

Жак и Жюльен едва успели прислушаться к полезному совету, как их резко подбросило вверх.

Коренник рухнул, сани, сильно наклонившись, врезались в снег, придавив кучера, вопившего не своим голосом:

– Это море мстит! Мы погибли!

Глава 10

Совет адъютанта пришелся весьма кстати. Французы не стали хвататься за сани в отчаянной попытке удержаться в них и, подчинившись покорно закону инерции, вылетели из возка.

Аварии на санях куда менее опасны, чем на колесных экипажах, и чаще всего проходят без неприятных последствий для ездоков. И о падении в этом случае можно говорить чисто условно, поскольку выброшенный из подобного транспортного средства скользит по снегу, и благодаря мягкой шубе все обходится без травм. Примерно так случилось и на сей раз. Жюльен перевернулся и, круглый в своих одеяниях, словно шар, приземлился на корточки в трех метрах слева от повозки, Жак совершил опасный кульбит и, широко раскинув руки и ноги, распластался на снегу, словно огромный паук, справа от нее, а полковник перелетел через дугу и оказался непосредственно перед санями. Быстро вскочив, все трое залились дружным смехом. Да и что еще оставалось им делать?

Ямщик, безнадежно застрявший в сугробе, взывал к господину морю и ко всем святым, которых так много в русских святцах²⁹.

²⁹ Святцы – список святых и религиозных праздников в календарном порядке.

Подчинившись покорно закону инерции, они вылетели из возка.

Пристяжные стояли спокойно, кося глазом на коренника, глубоко погрузившегося в снег, из-под которого торчала одна только морда – прямо как в лавке, торгующей кониной.

Сани не перевернулись, они лишь врезались передком глубоко в снег, так что задок оказался приподнятым под углом в сорок пять градусов.

Полковник, как человек, привычный к таким передрягам, выпряг левую пристяжную и попросил Жюльена проделать то же с правой, а Жака – снять сбрую с коренника.

Подведя лошадей к задку саней, Жюльен и полковник привязали животных к кольцам для крепления багажа.

– А коренник отвязан? – обратился Пржевальский к Жаку.

– Да, – ответил тот.

– Хорошо. А теперь заставим этих двух вытянуть сани из снега.

– Это будет тяжело.

– О, вы не знаете еще сибирских лошадок! Они неказисты на вид, но такие умницы! Вот смотрите, – молвил полковник и громко свистнул.

Услышав привычный сигнал, животные, стоя по брюхо в снегу, судорожно заскользили по мерзлой земле и рванули вперед, взметнув снежный столб. Задок саней опустился, навалившись всей массой на полозья, и через две минуты возок был уже на дороге – в том самом месте, откуда началось катастрофическое скольжение вниз.

Коренник, почуяв свободу, вырвался из снежного плена и помчался в сторону озера.

– А что с кучером? – обеспокоенно спросил Жюльен, поскольку голоса бедняги больше не было слышно.

– Вот взгляните, – ответил полковник, не в силах сдержать улыбки при виде валенок, торчавших высоко из-под снега. – Эй, дружок, пора выбираться!

– Ох-ох! – раздалось причитание.

– Давай, давай, да поживее! Или, может, привязать по лошади к каждой твоей ноге?

Валенки энергично задвигались, и ямщик, еле живой от страха, с пунцовым от напряжения лицом, выбрался наконец из снежных объятий.

– Всемогущая Богородица, сжался над бедным человеком!

– Все в порядке. Богородица тебя пожалела. И хватит скулить. Сани на месте. Запрягай лошадей и трогай! А то мы вконец замерзли.

– Но где коренник? Где мой рысак?

– Какая разница! Ну его к дьяволу, запрягай оставшихся! И пошевеливайся: мы не хотим окоченеть.

Пока кучер возился с упряжью, ездоки вычерпали снег из саней.

И вот, укрывшись поплотнее одеялами, французы в сопровождении полковника продолжили путь.

В тот момент, когда возок съехал на озерный лед, солнце заходило за видневшийся вдали заснеженный хребет, и взору путешественников открылось грандиозное, чарующее душу зрелище.

«Представьте себе, – писал французский путешественник Анри Рюссель-Килут, – на месте Швейцарии окруженное Альпийскими горами озеро – бескрайнее и мрачное, как Адриатическое море в непогоду.

Вообразите заходящее солнце, золотящее вершины гор, отделенных от вас стокилометровой сверкающей, как сталь, полосой намертво схваченной холодом воды.

Панорама Байкала – безбрежного моря льда – несравнима ни с чем в мире. В Америке озера такой же или несколько меньшей площади никогда полностью не замерзают, и общий вид их, хотя и бесспорно живописный, такого величия собой не являет».

Вошедшее в поговорку выражение «ровный как лед» довольно обманчиво, поскольку заставляет думать, будто лед – это открытая равнина, гладкая, как зеркало. И тот, кто поверит вышеозначенным словам, подъехав к сибирскому озеру и обнаружив перед собой хаотическое нагромождение самых разнообразных по форме огромных ледяных глыб, воссоздающих картину изначального хаоса, непременно убедится в их несостоятельности.

Перед нашими друзьями предстали во всем своем великолепии миллионы блоков, лежавших на боку или стоявших то прямо, то наклонно, хрупких, как стекло, и крепких, словно стены бастиона, с краями то зубчатыми, как у пилы, то плавно закругленными, как в изделиях из керамики. Тусклые, словно матовое стекло, или прозрачные, подобно воде горного ручья, отливавшие, как море, всеми оттенками голубого и зеленоватого цветов и включенные в причудливую игру света, ледяные глыбы сверкали, сияли, мерцали, пылали, принимая на себя и отражая своими бесчисленными гранями солнечные лучи и создавая невероятно богатую цветовую гамму, сопоставимую по своему многообразию лишь

с причудливыми конфигурациями, которые приняла застывшая вода. Ледяные иглы, лезвия, овалы, эллипсы, конусы и кубы, сдавленные природными силами и со сглаженными в процессе формирования гранями, соприкасаясь углами, устремленными вверх пиками и округлыми плоскостями, образовывали удивительнейшие комбинации. Время от времени все эти тела меняли свои очертания, рассыпались и вновь смерзались, кристаллизуясь самым фантастическим образом.

При одном взгляде на озеро становилось ясно, что хотя оно и вело себя послушнее, чем Ангара, но тоже сдалось лишь после длительной борьбы.

О силе мороза, который одержал в конце концов верх, ярко свидетельствовали и ледяные кружева, накинутые на острые грани или гладкие плоскости: ведь то была пена, брошенная на скалы изо льда налетевшим с простора ветром и замерзшая на лету, еще до того, как успела коснуться поверхности.

Среди многообразных по форме глыб, похожих, пожалуй, на лаву, выброшенную во время извержения вулкана, пролегли словно проложенные кем-то ровные полосы, то узкие, как дорога, то широкие, как долина. По одной из них и устремились сани.

Ездоки – двое французов и русский офицер – упоенно любовались волшебной картиной, когда раздался вдруг раскатистый громopodobный треск.

– Не бойтесь, – успокоил спутников полковник. – Мороз крепчает, и верхние слои скованной холодом воды, меняя объем, разлетаются во все стороны ледяными брызгами. Наши же сани практически невесомы для ледяного покрова толщиной не менее шестидесяти сантиметров.

– Знаете, – подал голос Жак, – этот скрежет и подрагивание льда под нами не столь уж приятны. А часто бывают тут несчастные случаи?

– Не слышал ни об одном. Хотя, понятно, если только откроется полынья, то человеку лучше туда не соваться: глубина ведь здесь совсем не малая! Но администрация учитывает, сколь смертельно опасны подобные, еще не замерзшие или оттаявшие участки воды, и из года в год принимает соответствующие меры предосторожности.

– А именно?

– Прежде всего, проводится серьезное обследование состояния льда, в частности, регулярно проверяется надежность ледяного слоя по фарватерам, размечаемым шестами. И до разрешения инспекторов никто не должен спускаться на лед.

– А в этом сезоне уже проделана такая работа?

– Думаю, да. Но в любом случае нам придется быть как можно внимательней, – сказал офицер и повернулся к ямщику, который судорожно крестился, не снимая с руки большой меховой варежки: – Ну что там еще?

– Дева Непорочная, помилуй нас! Святой Николай, сотвори чудо ради меня, раба верного нашего царя-батюшки!

– В чем дело? Объяснишь ты наконец?!

– Ваше превосходительство, видите там лошадь? Это наш рысак. Несется словно бешеный, а из-под копыт так и брызжет вода! Значит, впереди – полынья... Он пропал! Господи, лед не больно-то и прочен, а мы – недалеко от Скалы Шаманов!

– Что он говорит? – спросил Жюльен, сохраняя спокойствие, как и положено путешественнику, закаленному испытаниями.

– Эх, нет худа без добра! Сбежавший от нас коренник попал в полынью, которую мы могли бы не заметить, а теперь легко объедем. Я уже бывал здесь, у истока Ангара: из-за быстрого течения речной воды данный участок озера не замерзает дольше, чем другие. Но это – единственно опасное место на нашем пути. Поскольку двигались мы быстрее, чем я рассчитывал, то, действительно, оказались уже у Скалы Шаманов. Еще каких-то десять минут – и сани въедут на берег!

– А что это за скала? – спросил Жюльен в предвкушении интересного предания.

– Пройдемтесь пешком: нам надо сориентироваться по полынье, чтобы выбрать дорогу. Кучер поедет не спеша следом за нами, а я тем временем расскажу вам о местных суевериях... Идите без опаски: я хорошо знаю эти места... Так вот в чем суть... Впрочем, сначала два слова о том, что такое шаманство. Местные жители верят во Всевышнего, который, считают они, создав мир, нашел себе приют на солнце и теперь с полным равнодушием взирает на все, что делают люди. То ли довольный всем на свете, то ли притомившись при сотворении вселенной, он передоверил власть надо всем добрым и злым духам. Если злой дух, называемый здесь также шайтаном, вселяется в человека, то изгнать его способен только жрец, или шаман. Прodelки этих духов, в которых верят финны, татары, маньчжуры, самоеды, якуты, коряки, камчадалы³⁰ и чукчи, невозможно описать, а внушаемый ими ужас словами не передать. Шаманы присвоили себе единоличное право усмирять злых духов, и вы можете сами представить, как эти хитрецы с помощью разных бесстыжих обманщиков безо всякого стеснения эксплуатируют доверчивость местных жителей, которые убеждены, что жрецы их после смерти становятся советниками Всевышнего, обитающего на солнце. Вот тут-то и начинается история скалы, у которой мы с вами находимся. Возносясь у истока Ангары ввысь, словно настоящая гора, она как бы регулирует отток воды из озера. Забайкальские шаманы утверждают, что если эта скала сойдет с места, то воды Байкала вырвутся из берегов, затопят близлежащие долины и погубят Иркутск. Местные жители считают, что их души после смерти поднимаются на плоскую вершину горы. Удержаться же на небольшой площадке, когда голова кружится от высоты, а внизу грозно рычит стремительный поток, очень трудно и удается только тем душам, которых помиловало божество. Остальные падают в бездну. Шум Ангары воспринимается суеверными людьми как жалобные вопли тех, кто боится упасть. Можете вообразить, какой ужас испытывает сейчас наш кучер.

– Полковник, вот место, где погиб коренник. Однако полыньи я не вижу.

– Но десять минут назад она была именно здесь. Представляете себе, с какой быстротой нарастает лед!..

– Все-таки это странно.

– И однако же, со всех точек зрения вполне отвечает законам физики. Вы, наверное, обратили внимание на то, что вода, несущая льдины, еще не замерзла, хотя температура ее ниже точки замерзания. И вы видели также, что появление в этих студеных водах постороннего тела сразу сковывает воду, превращая ее в лед.

– Действительно, это так.

– Внезапное падение лошади в полынью вызвало аналогичный феномен, и образовался толстый слой льда, по которому мы можем двигаться безо всякой опаски.

– На санях?

– Да, на санях... Так зайдем же свои места. И ничего не бойтесь: я знаю, как надо вести себя в подобной обстановке.

Кучер сделал все, как было велено, ибо понимал, что только в этом их спасение. Лошади рванули вперед. Лед угрожающе затрещал, но выдержал. И десять минут спустя путешественники добрались до берега. А еще через четыре часа въехали в Иркутск: Жюльен – радуясь, что видел Байкал, Жак – довольный, что обошлось без паромов, полковник – очарованный своими спутниками.

³⁰ Маньчжуры – коренное население северо-восточного Китая. Самоеды – старое название ненцев – народа, проживающего в северных областях России. Коряки – народ, проживающий на северо-востоке России. Камчадалы – старое название коренного населения Камчатки: ительменов, коряков, чуванцев и потомков от смешанных браков между ними и русскими, переселившимися на Камчатку в XVIII–XIX веках.

Лошади рванули вперед. Лед угрожающе затрепал

Друзья решили провести в столице Восточной Сибири ровно столько времени, сколько потребуется для серьезной подготовки к путешествию за Полярный круг.

Генерал-губернатор, которому сообщили телеграфом обо всех злоключениях иностранцев, принял путешественников по-царски, желая всею душой, чтобы они как можно быстрее позабыли о неприятностях, приключившихся с ними в селе Ишимском.

Генерал-губернатор, представитель царской власти в Восточной Сибири, подотчетный только императору, распоряжался буквально всем и, взяв хлопоты по снаряжению экспедиции на себя, экипировал французов куда лучше, чем они сделали это сами, покидая Петербург.

У друзей было достаточно времени, чтобы побродить по городу, знакомясь с его особенностями.

Автор этого романа, имея перед глазами записную книжку Жака, не может отказать себе в удовольствии привести отдельные цитаты из иркутских заметок, с тем чтобы показать читателю, какое впечатление произвел город на нашего путешественника. Итак, предоста-

вим слово ему самому и тем самым возложим всю ответственность за приведенные ниже суждения на него одного:

«*Девятое декабря*. Иркутск. Расположен на 52°18' северной широты и 102°03' восточной долготы, при впадении в Ангару рек Иркут и Ушаковка. Около тридцати пяти тысяч жителей. Совсем немного для столицы края, который по своей территории превосходит Францию в десять раз. Жители Иркутска, или, как они сами называют себя, иркутяне, меня утомляют. Их гостеприимство навязчиво, нескромно, неприятно. Наши приключения стали в городе притчей во языцех, и мы не знаем, куда спрятаться от любопытствующих. К нашему несчастью, люди, образующие так называемое “общество”, превосходно владеют французским, лишая тем самым возможности уклониться от разговора под предлогом незнания русского языка.

Характер сих записок определяется, конечно, и состоянием моего ума, а посему, чтобы не очень ворчать, постараюсь быть лаконичным, как справочник Жоана³¹ – книга, вполне пригодная для того, чтобы совершать путешествия, не покидая родимых стен.

Здесь еще чаще, чем в Красноярске, сталкиваешься с примером слепого следования парижским модам. Роскошные отели, броская, свидетельствующая скорее о дурном вкусе мебель, дилижансы, лакеи, костюмы, галуны, магазины – во всем хотят подражать столице Франции. Явный перебор!

Больше всего меня раздражает, что эти мультимиллионеры, имеющие по несколько домов, выращивающие в своих теплицах экзотические растения, транспортировка коих из экваториальной зоны стоила бешеных денег, платящие за шампанское по тридцать пять франков за бутылку, набивающие себе брюхо трюфелями и прочими изысканными яствами, приобретаемыми по фантастическим ценам, и живущие в комфорте, о котором можно только мечтать, беспрерывно ноют: “Мы, несчастные дикари, не обученные хорошим манерам, не способные воспринимать западную культуру, мы... которые... мы, которых...” Вся эта наигранная скромность рассчитана на то, чтобы избежать какой бы то ни было критики в свой адрес, а часто и в расчете на комплименты, которые искренний человек не сможет расточать в адрес подобных персон. Меня так и подмывает сказать им: “Да, все это правда, я согласен с вашими оценками, и не будем больше об этом говорить”.

Но самые большие зануды – золотопромышленники. И я радуюсь, когда мне удастся побродить в одиночестве или вместе с Жюльеном и насладиться местным колоритом без наших, так сказать, цивилизованных хозяев. Очень приятно встречаться с бурятами, китайцами, самоедами, тунгусами³², маньчжурами, монголами, разодетыми в национальные костюмы, причудливо меняющиеся в зависимости от места проживания. Чтобы увидеть всех этих людей, достаточно отправиться на базар, где привезенные из Европы товары соседствуют в самых фантастических сочетаниях с продукцией Азии. Купцы-китайцы, курносые, густо намазанные жиром, в отделанных атласом сапожках, завернутые в несколько слоев голубого шелка, сидят на корточках возле ящиков с чаем и кивают головой, словно фарфоровые болванчики. Персы в островерхих шапочках, с орлиным профилем лица, то складывают, то раскладывают ткани, привезенные из города Исфахан³³. Киргизы продают бурдюки с кумысом и нередко при сделке плутуют. Евреи – нос крючком и жадные руки – в мехах, потертых, словно спина осла, расхваливают гнусавыми голосами кавказские кинжалы, бухарские ковры, украшения из Самарканда, шкурки сибирских белок и голубого песка, часы из швейцарского города Ла-Шо-де-Фон, консервированную гусиную печень,

³¹ Жоан Адольф (1813—1881) – французский географ.

³² Тунгус – старое название эвенков – народа, проживающего в Сибири и на Дальнем Востоке.

³³ Исфахан – город в Иране.

изящные лорнеты и бутылки в серебряных футлярах – когда с вином, а когда и с березовым соком. От этого многоголосья шумит в ушах, но зато есть на что посмотреть.

Меня совершенно не заинтересовала гимназия, которую местные жители непременно показывают приезжим, и тем более тюрьма... Вполне понятно почему. В музее мое внимание привлекла только коллекция минералов. Здесь я увидел, в частности, огромные изумруды и очень крупную бирюзу, не говоря уже о ляпис-лазури и о малахите, которые без преувеличения громоздятся горами.

Ну что еще?

В общем, это все, что я успел увидеть за сорок восемь часов, – в целом не так мало.

Завтра вечером отбываем в Якутск, в славное путешествие протяженностью в пятьсот – шестьсот лье. Итак, я прощаюсь с этими зажиточными домами, где вас потчуют диковинными блюдами, считающимися тем вкуснее, чем больше за них заплачено. Прощаюсь с чаем, которым мы нещадно промываем тут свой желудок. Прощаюсь с навязчивой, напомаженной, изнурительной любезностью.

Один господин, некто Федор Ловатин, предложил себя в качестве нашего спутника. Родом он из европейской части России. Похоже, хорошо знает места, куда мы едем. Его помощь будет нам полезна. Он торгует мехами и направляется на ярмарку в Нижнеколымск, в страну чукчей, собираясь закупить там или, скорее, выменять товары. А оттуда уже рукой подать до Берингова пролива, где завершается первый этап нашего путешествия в Бразилию. Но не будем торопиться, оставим в покое жаркие страны: пока мы еще в краю морозов. Нельзя забывать, что, устремляясь к экватору, мы должны сперва попасть в Заполярье.

Завтра мы расстанемся с генерал-губернатором и полковником Пржевальским. Память о них, и особенно о последнем, навсегда сохранится в моем сердце.

Генерал-губернатор очень обходителен. Я глубоко ценю его участие в нашей судьбе. Он обещал сделать все от него зависящее на всех уровнях, чтобы облегчить судьбу уважаемого полковника Михайлова. У него большая власть, и настроен он благосклонно по отношению к нашему достойному другу, за чью дальнейшую судьбу я теперь почти что спокоен».

Глава 11

Двенадцатого декабря двое саней, в которых сидели друзья с их новым спутником, покинули столицу Восточной Сибири и взяли направление на Якутск.

Генерал-губернатор приложил все усилия, чтобы сгладить впечатление, произведенное на иностранцев «приемом», оказанным им капитаном Еменовым. Представитель царя вел себя как настоящий русский хозяин. Продукты, оружие, палатки, меховые шубы и прочая одежда, чемоданы, покрывала и матрасы – ничего не было забыто, и всего – в изобилии.

Сани, еще более комфортабельные, чем разломанные казаками, следовали теперь за возком торговца мехами, наполненным доверху товарами, предназначенными для обмена на торгах на берегу реки Колыма.

– Наконец-то! – воскликнул Жак со вздохом облегчения. – Наконец-то мы в дороге! Честное слово, в городе мне уже надоело! Как приятно знать, что ты перестал быть объектом постоянных забот!

– Жалуешься, что невеста слишком хороша?

– Возможно, ты и прав, но я не хотел бы снова оказаться в Иркутске.

– Даже на обратном пути?

– Даже на обратном!

Жак и не догадывался, что был прав, не желая возвращаться в этот город. Если бы на завершающем этапе фантастического путешествия, предпринятого им совместно с Жюльеном, он снова заехал в Иркутск, то нашел бы его лежащим в руинах.

Полгода спустя после их отъезда, седьмого июля 1879 года, чудовищный пожар уничтожил в городе три тысячи шестьсот домов, десять церквей, пять крытых базаров, таможенную и центральный рынок, иначе говоря, две трети восточносибирской столицы, самые лучшие, богатые ее кварталы, нанеся ущерб в тридцать миллионов рублей. На площади в два квадратных километра разрушения были так сильны, что извозчики с трудом пролагали себе путь сквозь развалины. Из тридцати трех тысяч восьмисот жителей Иркутска без крова остались двадцать тысяч.

Спутник, которого провидение послало друзьям-французам, был сильным, красивым парнем лет тридцати, усатым, как мадьяр, с открытым, симпатичным, улыбчивым лицом и с умными голубыми глазами. Встреча с этим человеком явилась для друзей редкостной удачей, тем более что он превосходно говорил по-французски. В Восточной Сибири мало кто из купцов знает этот язык. Но Федор Ловатин долгие годы жил в Париже, где сначала учился в школе Тюрго³⁴, а потом представлял русскую фирму, поскольку самим иностранным купцам трудно вести дела в этих краях, не владея русским, который здесь понимают все племена и на котором говорят чиновники, служащие в северо-восточной России. Чужеземцы же, оказавшись в сей суровой области, сразу же наталкивались, несмотря на самые высокие рекомендации, на тысячу трудностей, преодолимых лишь для тех, кто был знаком с местными обычаями и умело использовал их.

Было любо-дорого смотреть, как уверенно показывал Ловатин на почтовых станциях подорожную с изображением царской короны, как быстро находил общий язык с возницами, как по договоренности со станционным смотрителем занимал лучшие места в съезжей избе и как свободно беседовал с «важными птицами».

Впрочем, останавливались в пути ненадолго, только чтобы перекусить. И Жак и Жюльен, хотя оба были готовы мириться с разными дорожными неудобствами, не могли все-

³⁴ Школа Тюрго – учебное заведение, названное так в честь знаменитого французского государственного деятеля, философа-просветителя и экономиста Анна-Робера-Жака Тюрго (1727–1781).

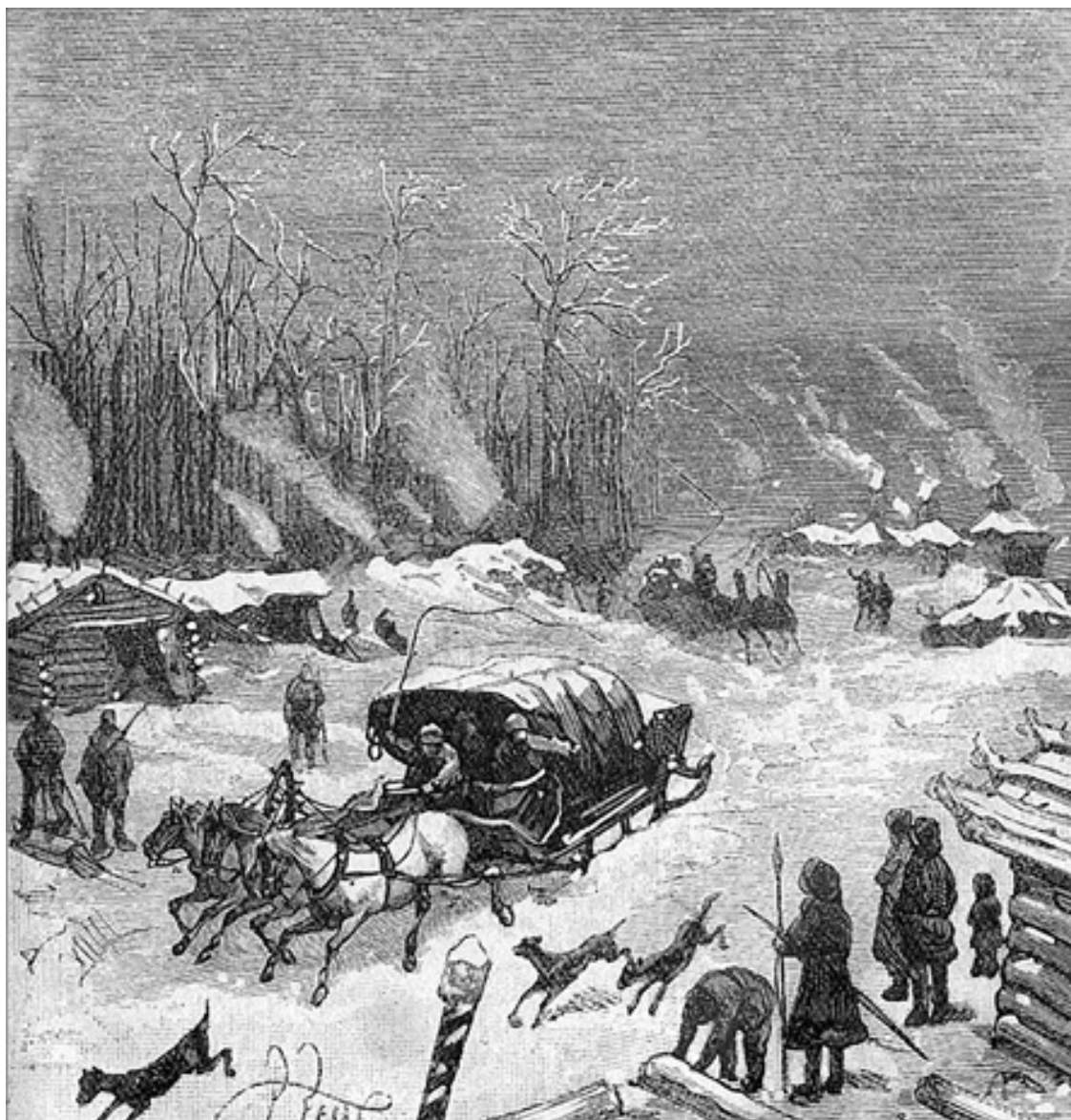
таки привыкнуть к стоявшей в избах жаре. Тяжелый спертый воздух был особенно неприятен им потому, что к нему везде примешивался невыносимый, тошнотворный запах от кожаной амуниции. Одно дело – нежный аромат новенького кожаного блокнота и совсем другое – бившая в ноздри вонь измызганных сапожищ, старых, носимых годами тулупов и соседство с людьми, воспринимавшими как должное и толстый слой грязи, и разных насекомых.

Вся жизнь наших путников проходила в санях, в избах они просили лишь кипятку – заварить чай и умыться.

Двести километров – от Иркутска до Лены – прошли без приключений.

– Мы уже в русле реки, господи! – обратил купец внимание путешественников на высокий правый берег реки, покрытый снегом.

– Лена! – воскликнул взволнованно Жюльен. – Гигантский поток, соперничающий с другим великаном – Енисеем! По сравнению с ними обоими наши европейские реки – крохотные ручейки. Жаль, что сейчас зима. Если бы мы ехали летом, то увидели бы этот край во всем его величии.

Вся жизнь наших путников проходила в санях, в избах они просили лишь кипятку

– Нам говорили, – отозвался Жак, – что Лена, как и Ангара, берет начало в Байкале.

– Многие так думают, – ответил Федор. – В действительности же ее исток отделен от Байкала узкой горной грядой. Но паводок Лены всегда совпадает с подъемом воды в этом пресном озере, что и побуждает сибиряков утверждать, будто великая река течет из него.

– Поистине великая... – произнес Жак.

– Лена весьма извилиста на всем своем пути протяженностью в пять тысяч километров. При впадении в Северный Ледовитый океан она образует широченную дельту, непроходимую для плывущих с севера судов, – бойко отбарабанил Жюльен.

– Прошу извинить, месье, – живо возразил русский, – в этом году, в июле, когда растаяли льды, – обычно это бывает в конце июня, – пароход «Лена», управляемый норвежцем Йохансеном, прошел дельту и поднялся вверх по реке до Якутска.

– Фантастика! Это ведь первый случай за все двести пятьдесят лет, в течение которых Россия владеет данными землями, не так ли?

– Да, так. Храбрый моряк, осуществивший это плавание, может гордиться... А насчет лета вы правы: в июне, когда полностью стаивают снега, здесь открывается восхитительная панорама. Ширина Лены в этом месте, в каких-то ста пятидесяти километрах от истока, составляет ни много ни мало целых пятьсот метров, а глубина – двадцать два. Водный поток мчится по красному песчанику, подмывая скалистый берег высотой в сто метров. Хребет, который вы видите, изрезан зубцами, а склоны его поросли вечнозелеными соснами. За ним пролегает ущелье, названное «Щеки». Одна из обрамляющих его скал почитается бурятами как священная. Еще дальше в Лену впадает Витим, вдвое увеличивая объем ее вод. А там уже рукой подать до знаменитых колоннад, раскинувшихся на многие лье крепостных стен и башен, возведенных природой и видом своим напоминающих древние города в долине Рейна. Правобережье изрезано пещерами и оврагами, становящимися все шире от дождей, осыпей и схода снежных лавин. Деревья произрастают одиночными группами, отвоевывая себе место то на выступе, то в ложбине. Наконец, путнику предстоит встреча с могучей Олекмой, чьи воды на протяжении чуть ли не тридцати километров после впадения этой реки в Лену несутся в общем потоке как бы отдельной струей.

Федор Ловатин внезапно замолчал, словно смутившись от прилива красноречия, придавшего его глазам блеск и изменившего черты лица.

Жюльена и Жака удивил этот монолог. Каждый из них говорил себе: «Удивительная эрудиция для русского, особенно если помнить, что он всего лишь торговец мехами».

Жюльен, стараясь смягчить неловкость, возникшую, когда Федор замолчал, поспешил вступить в разговор, мобилизуя свои знания по географии – предмету его увлечений:

– Лена – река необычная хотя бы потому, что русло свое она проложила по вечной мерзлоте. Вместо того чтобы питать почву, воды ее как бы скользят по промерзшей земле, ороженной с двух сторон высокими берегами. Острова, лежащие в дельте этой реки, являют собой подлинные кладбища доисторических, давно уже вымерших животных. Кажется, именно эти земли, открытые в тысяча семисотом – тысяча семьсот семьдесят третьем годах, казак Ляхов³⁵ назвал «Островами скелетов» – такое великое множество костей и клыков встретил он здесь!

– А мамонты? – спросил заинтересованно Жак. – Они ведь тут были найдены?

– Да-да, конечно. Ты напомнил мне случай, о котором я с удовольствием расскажу. Если не ошибаюсь, в тысяча семьсот тридцать четвертом году некто Гмелин³⁶, проводивший по поручению русского правительства научные изыскания в данном районе, поведал об обнаруженных им бесчисленных окаменевших скелетах. С тысяча семьсот шестьдесят

³⁵ Ляхов Иван (? – ок. 1800) – русский промышленник, исследователь Сибири.

³⁶ Гмелин Иоганн Георг (1709–1755) – натуралист, член Петербургской Академии наук, в 1733–1743 годах совершил путешествие по Западной и Восточной Сибири.

восьмого по тысяча семьсот семьдесят четвертый год натуралист Паллас³⁷ провел классификацию костей и заключил, что это остовы слонов, гиппопотамов и носорогов. Особое внимание в своем докладе он уделил удивительнейшей находке – туше носорога с сохранившейся кожей, мышечными тканями и сухожилиями... Жак, ты, наверное, помнишь историю с мамонтом, о которой говорил наш Кювье?³⁸

– Не столь уж хорошо. И с благодарностью послушал бы ее. До чего ж увлекательно вести раскопки в местах, где так много останков!..

Кажется, именно эти земли называли «Островами скелетов»

³⁷ Паллас Петр Симон (1741—1811) – естествоиспытатель, в 1768—1774 годах возглавил экспедицию Петербургской Академии наук по европейской части России и Сибири.

³⁸ Кювье Жорж (1769—1832) – французский зоолог, иностранный почетный член Петербургской Академии наук.

– Это случилось в тысяча семьсот девяносто девятом году. Один рыбак-тунгус заметил на берегу Ледовитого океана, среди льдов в устье Лены, бесформенную глыбу. Что это такое, он не понял. Через год причудливая громада отделилась от остальных, но по-прежнему было неизвестно, что внутри нее. А вот на третье лето показались бок и бивень чудовищного зверя. Однако полностью туша животного сбросила с себя ледяной панцирь только на пятый год. В марте тысяча восемьсот четвертого года рыбак отпилил бивни и продал их за пятьдесят рублей. Еще два года спустя в этих краях побывал член-корреспондент Петербургской Академии наук господин Адамс³⁹ и собственными глазами видел сильно обезображенные останки. Якуты, жившие поблизости, срезали мясо на корм собакам. Полакомились и дикие звери. Но скелет был почти нетронут, разве что недоставало передней ноги. Почти все кости соединялись сухожилиями и имели мышцы. Прекрасно сохранилось ухо с волосяным покровом. В глазу чернел зрачок. Мозг тоже уцелел, хотя и усох. На холке – пышная грива, на теле – черная щетина и более мягкая рыжеватая шерсть. А кожа оказалась такой тяжелой, что ее еле-еле унесли вдсятером. Как сообщает Адамс, из земли сумели извлечь больше тридцати фунтов шерсти и щетины, втоптаных в сырую почву белыми медведями, обгладывавшими кости. Это был самец. Его выгнутые бивни достигали трех метров в длину, а голова без бивней весила четыреста фунтов. Адамс очень бережно собрал все останки этого уникального доисторического животного, выкупил клыки и преподнес в дар российскому императору, повелевшему выставить сей ценнейший научный экспонат в Петербургской Академии. Тебе, Жак, приходилось есть птиц, убитых два месяца назад, и рыбу, выловленную тогда же. Но что бы сказал ты о роскошной трапезе, растянувшейся на годы, при том что пиршественному блюду – несколько тысячелетий?

– Право же, это прелюбопытно! На такой рассказ никакого времени не жалко, и, когда слушаешь его, не страшен даже крепчайший мороз. Если все же он вморозит нас в какую-нибудь глыбу, то мы тоже надолго сохранимся и послужим пищей для дальних потомков нынешних якутов или тунгусов.

– Браво! Ты шутишь, как закаленный путешественник! Теперь сам видишь, что того, кто любит дальние странствования и проявляет интерес к чужим странам, всегда поджидают яркие, непредвиденные впечатления и радостные встречи.

– Ну, не только радостные...

– Ты еще вспоминаешь капитана Еменова?

– Просто тебе хотел напомнить.

– Забудь про это! Не думай о дне вчерашнем, а готовься к завтрашнему!

Последующие переезды от одного населенного пункта к другому не ознаменовались ничем примечательным. Неприятных происшествий больше не было – благодаря подорожной с царской печатью, заставлявшей гнутья в поклоне самых неучтивых начальников станций, и Федору Ловатину, прекрасно знавшему, как путешествовать в холодных странах.

Сани, несшиеся день и ночь по твердому ложу заснувшей до следующего июня прекрасной ленивицы, прозванной так за тихое, спокойное – ленивое – течение, останавливались только на станциях.

Четырнадцатого декабря путешественники отзавтракали в Шамановском. Шестнадцатого утром проехали Киренск, где Лена принимает еще один приток – Киренгу, а в четыре часа были уже в Петропавловске, который не следует путать с главным городом Камчатки того же названия.

³⁹ Адамс Джон Кауч (1819–1892) – английский астроном, иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Федор обратил внимание на то, что в Киренске Лена течет буквально бок о бок с одним из главных притоков Енисея – рекой Нижняя Тунгуска, отделенной от нее лишь несколькими холмами, мешавшими слиянию их вод.

Еще через тридцать часов путешественники прибыли в город Витим, стоявший на одноименной реке, входившей вместе с Олекмой и Алданом в число основных правых притоков Лены.

Девятнадцатого декабря, проезжая город Нохтуйск, пересекли шестидесятую параллель, а двадцатого прибыли в Олекминск, где река Олекма впадает в Лену.

Мороз по мере продвижения французов и их друга купца на северо-восток все крепчал. Два дня спустя путникам предстояло прибыть в город Якутск – самое холодное место на всем земном шаре.

Плотную тишину, нависшую над долиной, лишь изредка нарушало гулкое потрескивание льда или лопавшейся от мороза коры деревьев.

Все впало в летаргический сон: укрытые снегом мох и трава, звери в берлогах, скованные льдом реки и сама земля – белоснежная, лежавшая в центре сумрачно-серой по горизонту вселенной. Ни линий, ни контуров, ни оттенков. В общем, не на чем задержаться взгляду.

С этим унылым пространством контрастировали в ночное время только яркие звезды и зодиакальный свет⁴⁰. Днем же на голубом небосводе ярко сияло солнце, пронизывая своими лучами до удивления прозрачный воздух. Резко очерченные края светила, лишённого окружающего его обычно розоватого ореола, придавали ему сходство с раскаленным металлическим диском.

Светлое время суток, между зарей и сумерками, длилось всего два с половиной часа, что является одним из метеорологических чудес, наблюдаемых в Сибири. Причем дни постепенно становились еще короче.

Переходные часы отличались неопишуемой красотой. Утреннее небо, например, сперва отливало пурпуром, потом золотом и, наконец, серебром и расцветивалось вспышками myriad медленно падавших мелких кристалликов, красных, как рубиновая пыль. Когда же всходило солнце, небосвод вновь приобретал лазурный цвет.

Туман из замерзших капелек влаги стоял только вдоль рек и над невидимыми пасущимися стадами, дыханием создававшими вокруг себя непроницаемую завесу.

Впряженные в сани лошади неслись сквозь клубы пара, оседавшего ледяной коркой на внутренних стенках кибитки. Путешественники, укрывшись в меха с головы до ног, опустили на лицо башлык из верблюжьей шерсти.

Нужно быть очень осмотрительным и не оставить на время сна незащищенной какую бы то ни было часть лица, если не хочешь обморозиться. В районе Якутска холода таковы, что застывает ртуть⁴¹, и приходится лишь удивляться стойкости ящиков, которым не страшна любая погода.

Можно было бы предположить, что эта обездоленная земля, которой так скупо отмерены тепло и свет, лишена растительности. Но это совсем не так. За исключением самой северной, сравнительно узкой полосы заполярного края, о которой мы расскажем позднее, сибирская флора многообразна. Богато представленные здесь хвойные породы встречаются и в Европе, за исключением пихты – красивого дерева с гладким стволом, вздымающего свою крону на высоту до тридцати метров. Из прочих видов хвойных назовем благородную

⁴⁰ Зодиакальный свет – свечение ночного неба в результате рассеивания солнечного излучения находящейся в межпланетном пространстве пылью.

⁴¹ Точка замерзания ртути – минус 38,87 градуса Цельсия.

голубую и стелющуюся сосны, сибирский кедр, из которого остяки⁴² делают лодки, лиственницу – самое выносливое дерево, можжевельник и ель. В долинах произрастают липа, клен, рябина, тополь, ольха, осина, береза, абрикос, черемуха, сибирская вишня.

Березка для русских крестьян – символ родины. Когда хвойные породы вырубались или страдают от пожаров, их место занимает это дерево, что воспринималось китайцами как свидетельство могущества «белого царя». Двести лет назад, когда береза начала замещать хвойные деревья, среди местного населения распространился слух, что скоро сюда придут русские. Любопытно совпадение по времени между продвижением на восток европейской флоры и наступлением европейцев, приводившим к постепенному изменению национального состава населения.

Леса Сибири изобилуют ягодами, которыми питаются и люди и животные: брусникой, голубикой, шиповником, сибирской вишней, смородиной, рябиной, боярышником, толокнянкой и другими. Ядовитых растений мало, поскольку к северу они теряют свои опасные свойства. Случается даже, что чемерица, смертоносная в верховьях Енисея, за Полярным кругом считается местным населением лакомством.

Мир фауны еще богаче. Вот только некоторые из обитающих в Сибири животных, которые приходят автору этих строк на память: из млекопитающих – медведь, волк, росомаха, рысь, черно-бурая лисица, дикий баран, соболь, заяц, куница, выдра, лось, олень, косуля, лань, кабан, белка, летучая мышь, крыса, тушканчик, сурок; из птиц – белый лебедь, утка, нырок, гусь, журавль, тетерев, белая куропатка, бекас.

Славится этот обездоленный вроде бы край и металлами. Здесь получают восьмую часть всего добываемого в мире золота. А ведь кроме того разрабатываются и месторождения платины, серебра, свинца, олова, меди, железа, ртути, цинка, сурьмы...

Не в состоянии перечислить все встречающиеся в Сибири металлы, спешу перейти к драгоценным камням – к топазам и аметистам, сапфирам и изумрудам, опалам и бирюзе, гранатам, аквамаринам, не говоря уже о малахитах, хризолитах, агатах, сердоликах, ляпис-лазури, родонитах, нефритах, селенитах, офитах, ониксе, порфире, яшме, а также о восхитительных александритах, которые из изумрудно-зеленоватых становятся на искусственном свете чуть ли не рубиновыми. Упомяну еще слюду, каменную соль, каменный уголь.

Земля, имеющая такие богатства, не может быть страной обездоленной. Сибирь не должна быть символом изгнания, краем, откуда не возвращаются!

⁴² Остяки – устаревшее название хантов – народа, проживающего в северных областях России.

Глава 12

Сани миновали Олекминск. Хотя этот горделиво зовущийся городом населенный пункт насчитывает всего восемьдесят домов, в его окрестностях располагаются самые богатые в Сибири залежи золота.

От указанного выше скромного поселка, окруженного чумами якутов и бурятов, до Якутска – шестьсот тридцать километров. И на этом пространстве нет никаких человеческих обиталищ, если не считать рыбацких хижин, постоянных дворов и почтовых станций.

Изб из цельных, положенных одно на другое бревен, с оконцами, закрытыми слюдой или просто брусьями из льда, становилось все меньше, зато чаще попадались конусовидные строения кочевников.

Только почтовые станции сохранили неизменным свой внешний вид. Стойбища же, почти полностью засыпанные снегом, можно было различить только по клубам дыма, поднимавшимся из отверстий наверху чумов.

В одном из таких традиционных жилищ путешественники задержались на час, чтобы дать отогреться кучеру, сидевшему на облучке недвижно, как снежная баба, а затем сани съехали на укрытую снегом реку.

Федор Ловатин, прислушавшись к топоту рысаков, приказал вознице, управлявшему возком с провизией, побыстрее повернуть к берегу.

– Что такое? – спросил Жак, увидев, как сани изменили направление, и поняв по интонации купца, что делать это надо было быстро.

– А вы не замечаете, что удары копыт по льду стали что-то уж слишком звонкими?.. Ты тоже поворачивай, – бросил он кучеру, управлявшему их санями. – Следуй за своим приятелем и смотри ни в коем случае не сбейся с тракта.

– Да, я уловил какой-то непривычный звук, – сказал Жак. – Словно мы на деревянном полу.

– А с чем это связано? Вы можете объяснить? – обратился к Ловатину Жюльен.

Не успел Федор ответить, как раздался страшный треск. Глыбы схваченной морозом воды зашевелились вдруг на середине реки, и двухметровый ледовый панцирь площадью в тысячу квадратных метров ушел под воду.

– Вот вам, господа, и ответ на ваш вопрос, – с удивительным хладнокровием произнес торговец мехами.

– Черт возьми! – воскликнул Жак. – Нам повезло! Еще немного, и мы нырнули бы в эту бездну. Так завершилось бы наше путешествие, и завещанное мне наследство пополнило бы сейфы бразильского правительства.

Жюльен невозмутимо взирал с прибрежной дороги на жуткую, с острыми краями полынью, в которой бились друг о друга ледовые обломки.

– Примите нашу благодарность и поздравления, господин Ловатин! Как заметил сейчас мой друг, вы весьма своевременно велели возницам выехать на берег... Бедный Жак, теперь ты невзлюбишь воду еще сильнее!

– Да уж не говори... Ничего хорошего от нее не жди, если даже такой толщины лед ломается словно стекло!

– Видишь ли, Жак, пласт льда отделяли от воды футов двадцать, и, лишенный опоры, он мог в любой момент рухнуть, что и случилось на наших глазах. Так ведь, месье Ловатин?

– Так-так! И в большие морозы это бывает довольно часто.

– Не понимаю, – произнес Жак, – как могла вода, укрытая таким слоем льда, испариться и образовать пустоту?

– Она не испарилась, – сказал Федор.

– Откуда же тогда эта пустота? Объясните, пожалуйста.

– Притоки промерзают от истока до устья и перестают нести воды в питаемую ими в другое время года реку. Ее же схватывает морозом, когда она еще полноводна, и поэтому, как только поступление воды из притоков уменьшается или вовсе прекращается, под ледяным покрытием появляются пустоты – торосовые⁴³ ямы-отсеки, не сообщающиеся друг с другом.

– Прекрасно! – воскликнул Жюльен. – Объяснение полное и понятное. Лед, достаточно толстый, сам по себе еще держится, но ломается, стоит только чему-нибудь тяжелому надавить на него сверху. Когда мы подъехали к одной из таких пустот, удары копыт стали гулкими. Ваш опыт, месье Ловатин, подсказал вам, в чем дело, и вы вовремя изменили направление. Еще раз браво и спасибо!

– Это все хорошо, – промолвил Жак, еще не оправившийся от потрясения. – Конечно, выяснять причины некоторых явлений, а также симптомы, позволяющие их предугадать, – дело весьма занятное. Но я все же никак не пойму, почему кучер сам не свернул в сторону, не дожидаясь вашего, столь своевременного приказа.

Федор, улыбнувшись, обратился к вознице по-русски:

– Его превосходительство спрашивает, почему ты не изменил направление, приблизившись к мертвому льду?⁴⁴

Ямщик повернулся всем туловищем к седокам, тряхнул обледеневшей бородой и бросил странный ответ, тотчас переведенный Ловатиным:

– Не знаю, батюшка, не знаю. Я так и ждал, что ты спросишь меня об этом.

– Ну и теперь ты уже ни за что не свернешь на лед?

– Сверну, если прикажешь.

– Ну ладно, а пока держись дороги, смотри не потеряй ее.

– В добрый час, месье Ловатин! – воскликнул Жак. – Будем держаться тракта, и да здравствует коровий паркет, как называют у нас во Франции сушу!

– Точнее было бы сказать «олений паркет», для придания этой идиоме местного колорита, – заметил Жюльен. – Тем более что скоро мы, если не ошибаюсь, повстречаем этих замечательных представителей полярной фауны.

На следующий день, миновав без остановки Синское и Покровское – два так называемых города, похожих на Олекминск, путешественники въехали в Якутск. Жак глазам своим не поверил, оказавшись в столице губернии, на территории которой могли бы свободно расположиться пять таких стран, как Франция.

– И это – тоже город!.. – протянул он разочарованно, рассматривая отстоявшие довольно далеко друг от друга укрытые снегом деревянные дома, выглядывавшие из-за высоких заборов.

– Да, друг мой, и это тоже город, и не столь маленький, если учесть, как приходится человеку бороться с морозами, – ответил ему Жюльен.

– А расположен он очень удачно, – добавил Федор Ловатин. – Основанный неподалеку от места слияния Алдана и Вилюя, Якутск лежит как бы на перекрестке путей, по которым везут продовольствие и меха.

– Но зато какие морозы!.. А сколько в нем жителей?

– Постоянных – шесть тысяч.

– Шесть тысяч? Невероятно!

⁴³ Торосовый – здесь: созданный торосами – ледяными глыбами, образуемыми при сжатии льдов в водоемах Крайнего Севера.

⁴⁴ Мертвый лед – здесь: лед, под которым образовалась пустота.

– И это не считая охотников, рыбаков и купцов, которые появляются здесь время от времени по своим делам. Что же касается тех, кто проживает тут круглый год, то это в основном чиновники и ссыльные – без последних указанная выше цифра была бы вдвое меньше.

– Думаю, только крупная выгода и грозный приказ могут удержать шесть тысяч человек в краю, где средняя годовая температура такая же, как на вершине Монблана⁴⁵, – заявил Жюльен.

– Надеюсь, мы-то здесь пробудем недолго, – заметил Жак. – Солнце заходит, едва появившись, так что день в этих местах – чистая фикция. Поскольку в городе нет никаких развлечений, а комфорта не больше, чем в чуме или избе, я предпочел бы продолжить путь. Что нам тут делать?

– Не забывайте о кое-каких формальностях.

– Ах да, паспортные визы! Но это же быстро: власти, поначалу такие придирчивые, что приходилось показывать официальные бумаги даже простым станционным смотрителям, кажется, заметно ослабили свою бдительность с той поры, как мы попали в Восточную Сибирь.

– Это потому, что здесь они уже не боятся, что ссыльные убегут, – грустно промолвил Федор Ловатин. Затем, быстро сменив тон, словно прогнав дурные мысли, сказал: – Когда вы отправитесь с визитом к генерал-губернатору, я запасусь провизией, и, как только у вас появится желание, мы тотчас тронемся в путь.

Властитель губернии, прочитав письмо, врученное Жюльену генерал-губернатором Иркутска, принял друзей по-царски, угостил их вкусным ужином и поддержал их решение побыстрее отправиться на северо-восток. Один из приведенных сановником аргументов в пользу скорейшего отъезда прозвучал, как показалось друзьям, несколько парадоксально: дальше, по мере продвижения на север, морозы будут слабее.

На паспорт Ловатина, предъявленный французами вместе со своими, тоже поставили визу: отсутствие его владельца, закупавшего провизию, не вызвало у генерал-губернатора никаких подозрений, хотя он и заметил, что имя этого купца ему незнакомо.

Спустя некоторое время трое друзей расположились в просторной комнате за слюдяными окнами, где стояло несколько кушеток, затертых от многолетнего соприкосновения с тулупами и сапогами, и занялись разработкой маршрута.

– К Нижнеколымску ведут две дороги, – разъяснял Федор Ловатин. – Первая, покороче, пролегающая к востоку от Якутска, проходит через Арилатское и Олегнятское, пересекает Амгу, приток Алдана, а затем и сам Алдан в месте его слияния с рекой Хандыга. Перевалив через Верхоянский хребет, мы поднимемся к северо-востоку, подъедем вскоре к Колыме и далее проследуем вдоль нее вплоть до устья. Вторая дорога идет резко на север, пересекает Алдан в месте его слияния с Тукуланом, проходит через Верхоянский хребет на высоте четырехсот метров над уровнем моря, где берет исток река Яна, устремляется за Полярный круг и достигает города Верхоянска, расположенного в ста пятинадцати километрах к северу от южной границы Заполярья. От Верхоянска дорога сворачивает постепенно на юго-восток и через четыреста двадцать километров подходит к реке Арга, притоку Индигирки. Отсюда она снова направляется на север, к городу Зашиверску, лежащему на Полярном круге, затем круто поворачивает на восток, к городу Верхнеколымску, на реке Колыма, и выходит к тому же тракту, что и первая дорога. Ну, что вы об этом думаете?

– Мне все равно, каким путем ехать, – ответил Жак. – А ты как, Жюльен?

– Я полностью доверяю моему Ловатину: он разбирается в этом лучше нас.

⁴⁵ Монблан – здесь: самая высокая в Западной Европе вершина, расположенная на высоте 4807 метров над уровнем моря в одноименном горном массиве, на границе Франции и Италии.

– Учтите, господа, поскольку впереди совершенно безлюдные пространства, от выбора пути многое зависит.

– Но, по-видимому, на любом из этих маршрутов есть станции, где можно сменить лошадей?

– Надеюсь. В случае же особых затруднений мы всегда сможем взять у местных жителей нарты, запряженные оленями или собаками.

– А по какой из дорог следуют обычно колонны ссыльных?

– По северной, через Верхоянск.

– Тогда я предпочитаю первую, идущую на северо-восток.

– Я тоже, – с живостью поддержал Федор Ловатин, стараясь казаться спокойным.

– Значит, решено, – равнодушно заключил Жюльен. – В таком случае в дорогу! По крайней мере, там нам не надо будет опасаться встречи еще с каким-нибудь капитаном Еменовым.

Переход через Лену – по проложенной по крепкому льду дороге, плотно утрамбованной с момента открытия санного пути, – начинался у самого Якутска.

Наступили светлые сумерки, позволявшие видеть вокруг не хуже, чем днем, и Жюльен, не упускавший обычно случая еще чему-нибудь научиться, нашел подтверждение феномену, описанному многими современными географами. Речь идет о смещении всех рек вправо. Это явление, связанное с вращением Земли, отчетливо прослеживается на сибирских реках, поскольку здесь округлость Земли, вблизи полюса, заметнее. Мощные реки, образуя излучины, текут с юга на север. На правый, восточный, берег постоянно давит масса воды, размывающей его, а западный берег, от которого река все время отходит, превращается в гряду наносов, простирающихся, насколько хватает глаз. Поэтому противоположные берега совсем не похожи друг на друга: левый – совершенно пологий, чуть выше уровня воды, правый же, подтачиваемый давящей на него водой, – холмистый и нередко обрывистый. Такие различия наблюдаются повсеместно.

Чтобы уберечься от наводнения во время ежегодных паводков, города в Сибири, как и вообще в России, строили на правом берегу – высоком, не затопляемом водой. Но это имело и свои недостатки: река, не признающая никаких преград, вымывает нижние слои отлогого берега, и тот начинает рушиться. Это происходит иногда столь быстро, что сравнительно недавно основанные города, такие, как Семипалатинск, Тобольск, Нарым, частично уже перепланированы.

Все сказанное выше можно проследить на примере берегов Лены возле Якутска. Любопытному географу есть над чем здесь поразмыслить. Правда, Жак, замерзая, только вполуха слушал популярную лекцию, которую специально для него читал его друг.

Заметив вскоре состояние Жака, Жюльен принялся его тормозить:

– А ну-ка, черт возьми, бодрее! Спать сейчас ни в коем случае нельзя! Необходимо сопротивляться апатии, а не то она примет угрожающие формы.

– На меня навалилась такая тяжесть... И потом, я буквально умираю от жажды.

– Это все от мороза. Так что на каждой станции надо пить побольше горячего чая и не стоять на месте.

– Месье Клене прав, – поддержал Жюльена Ловатин. – Хотя, я понимаю, на этой скучной равнине, между Леной, Алданом и Верхоянским хребтом, мне трудно хоть чем-то заинтересовать вас.

– Если уж теперь так нестерпимо холодно, то что же ждет нас потом? Ведь по мере продвижения к северу мороз будет еще сильнее.

– Простите, но это не так. Повыше в горах температура вполне сносная, там раза в два теплее, чем тут.

– Как? – подскочил Жак. – Вы утверждаете, что чем выше, тем теплее?

– Именно так.

– Но это опрокидывает все мои представления о метеорологии. Надо признать, что профессора, перегружая меня чтением классической литературы, почти не давали мне подлинно научных знаний. Итак, вы утверждаете, милый друг, что, поднявшись на несколько километров, мы сможем загорать, увидим кокосовое дерево, акацию и пальму, прямо как на моей будущей фазенде в Жаккари-Мирим? Я совсем не против. Тем более что здесь я не рискую наступить на гремучую змею.

– Ну, не совсем, конечно, так, – весело рассмеялся этой шутке русский, обрадованный, что Жак немного встряхнулся. – И все-таки то, что я вам сказал, – истина, подтвержденная опытом, и мы в этом скоро сами убедимся.

– Хорошо бы побыстрее! Но вы разбудили мое любопытство. Можете ли вы объяснить причину данного феномена?

– С удовольствием. Вы видите, как ясно небо и как спокоен воздух. А ведь стоило бы только подуть ветру, и мороз бы стал непереносим и всерьез опасен. Именно прозрачность и спокойствие воздуха – причина этого кажущегося противоречия. В действительности все довольно просто: более теплый воздух легче и поднимается вверх...

– Это известно... Такая закономерность используется при подъеме воздушных шаров.

– Вот именно... А более холодные и плотные слои воздуха опускаются, как более тяжелые, и скапливаются у поверхности земли. У нас в Европе, где зимой небо всегда облачное, эта смена слоев воздуха длится недолго. В Сибири же благодаря сухому воздуху, безветренной погоде и длинным ночам, в течение которых теплый воздух продолжает подниматься, верхние слои атмосферы прогреваются, а нижние – остывают. Поскольку данное явление неизменно, ото льда свободны не только горы Даурии или Алданского нагорья, но и вершины, расположенные между шестьдесят вторым градусом северной широты и Полярным кругом.

Жак, пораженный эрудицией купца, слов не находил, чтобы выразить ему свое восхищение.

– Да, месье Ловатин, – молвил он наконец, – человек вы удивительный!.. Я все спрашиваю себя, где и когда получили вы столь обширные знания?

«Действительно, сей торговец мехами – незаурядная личность! – снова подумал Жюльен. – Он еще ни разу не затрагивал в разговоре проблем, связанных с торговлей, но вопросы, касающиеся науки, никогда не застают его врасплох. Для русского довольно странно!»

– Боже ж мой, – лукаво улыбнулся Федор, – это все так просто! В вашей школе Тюрго обучают не только банальным законам коммерции, действующим в сферах производства, хранения и обмена продуктов, но и более общим вещам, относящимся к условиям производства, его развитию, эксплуатации недр и так далее. Я же, будучи русским, с особой старательностью изучал предметы, имевшие отношение к моей стране. Это приносило мне и пользу, и моральное удовлетворение.

– Неплохой ответ, правда, Жак? – тихо промолвил Жюльен. – Этот торговец лосиными, оленьими, куньими, беличьими шкурами, как говорится, любого заткнет за пояс своими познаниями.

Подъехав к станции, путники вдоволь напились чаю и, сменив лошадей, двинулись дальше, но ехали они теперь не так быстро, как до сей поры.

Станционный смотритель дал им в проводники конного якута – Шолема, которому вменялось в обязанность скакать перед санями и проверять дорогу. Такая предосторожность обуславливалась тем, что путешественникам предстояло переправиться по льду сначала через реку Амгу, а потом и через Алдан, ширина которого – полторы тысячи метров. С про-

вожатым же опасность попасть на мертвый лед и затем рухнуть в бездну сводилась к минимуму.

Якут был рослым, примерно в метр восемьдесят сантиметров, человеком. Правильный овал, прямой нос, не слишком выступающие скулы и не такие уж узкие глаза делали его лицо красивым, особенно по контрасту с плоскими курносыми физиономиями бурятов и тунгусов. В общем, он являлся достойным представителем сильной, здоровой расы, к которой весьма подходит такое понятие, как «железные люди».

Благодаря опыту и вниманию проводника переправа через обе реки прошла без приключений. Якут провел в седле сутки, не обращая никакого внимания на мороз, пробиравшийся трех европейцев до костей, и, закончив свою миссию, решил сразу же вернуться к себе на станцию, но Жюльен предложил ему сопровождать их и дальше.

– Хорошо, – кратко ответил проводник, – я остаюсь с вами.

Стопка водки, пакет табака да пригоршня мелких монет – и лицо его озарила улыбка. Вежливо поблагодарив, он набил свою трубку и снова взобрался на коня:

– Это хорошо, Шодем доволен.

Ямщики припустили лошадей быстрой рысью. Дорога пролегла вдоль правого притока Алдана – реки Хандыга, стекавшей с Верхоянского хребта и имевшей сравнительно небольшую протяженность – какие-то сто шестьдесят километров, в то время как ширина ее была весьма внушительна.

Шодем сказал, что уже видит снежные вершины гор, хотя те находились на расстоянии более семидесяти километров. Но Жак, как ни всматривался, не мог их различить и предположил, что это мистификация.

– Шодем их видит, – бесстрастно произнес якут.

– Меня не удивляет подобное, – вмешался в забавлявший его спор Жюльен. – Поразительная острота зрения этого народа даже привела в замешательство адмирала Врангеля⁴⁶, отметившего сей феномен в своих путевых заметках. Однажды якут заявил ему, что был свидетелем того, как «большая бледная звезда проглотила несколько маленьких, а потом их выплюнула». Как оказалось, речь шла о затмении спутников Юпитера, которое этот человек различил невооруженным глазом!

– Ладно-ладно, – проворчал Жак. – Надеюсь, что наш проводник будет все же смотреть себе под ноги, а не разглядывать небо!

Совет был – увы! – не лишним. На расстоянии сорока километров от истока Хандыга делает резкую петлю и образует как бы подкову, опоясанную дорогой. И тут проводник, сбившись с пути, то ли выехал нечаянно на лед, поскольку и дорога, и русло реки были скрыты одинаково плотным снежным покровом, то ли понадеялся, что лед достаточно прочен, но только внезапно раздался оглушительный треск, лошади встали на дыбы и громко заржали. Льдина длиной в сотню метров и шириной в пятьдесят неожиданно, словно оторвавшаяся крышка люка, обрушилась вниз, и санный поезд скрылся в проеме от взора стоявшего наблюдателя, если бы таковой оказался вдруг в этот миг на побережье.

⁴⁶ Врангель Фердинанд Петрович (1796/97–1870) – русский мореплаватель, адмирал, почетный член Петербургской Академии наук, один из учредителей Русского Географического общества. В 1820–1824 годах руководил экспедицией, исследовавшей побережье Сибири от реки Индигирки до Колючинской губы. Его именем назван один из островов Северного Ледовитого океана.

Глава 13

Ударившись о придонные торосы, преградившие речным водам путь, гигантская ледовая пластина разломилась на две части, вставшие наклонно: одна – в сторону устья, другая – верховья. Развалившиеся при ударе сани с продовольствием, соскользнув в ближайшую торосовую яму, изувечили коренника. Вторые, с четырьмя ездоками, запрокинувшись назад, застряли в другой торосовой яме, наполненной водой.

Проводник, крепко держась в седле, летел вниз строго по вертикали, и лишь когда подпруги, не выдержав, лопнули, он грохнулся о лежавший между ямами крепкий, как гранит, сухой, не залитый водою лед. Свалившаяся на него лошадь придавила бедняге, несмотря на всю его ловкость, ногу.

Возница саней с продовольствием распростерся с раскроенным черепом возле коренника, который из-за переломов в области таза и задних ног никак не мог встать и только судорожно бил передними копытами по телу своего хозяина. Пристяжные, отброшенные одна вправо, другая влево, попали под льдину и тотчас были раздавлены.

Положение путешественников и их кучера было также весьма драматично. Сани с пассажирами и вещами, навалившись всей своей тяжестью на лошадей, столкнули их по наклонной плоскости ледового обломка в страшную бездну. И только чудо могло теперь спасти от неизбежной, казалось бы, гибели французов и их спутника, которые с головой погрузились в своих тяжелых меховых шубах в студеную воду.

Но вот из пучины вынырнула голова с мокрыми, прилипшими к вискам волосами. Человек, с широко открытыми от испуга глазами, резкими взмахами рук пытался удержаться на поверхности. Это был Федор Ловатин, если и не единственный спасшийся, то уж, во всяком случае, единственный, кто смог бы оказать помощь другим. Ухватившись за выглядывавшую из-под воды дугу, он быстрым движением плеч освободился от верхней одежды и, набрав в легкие воздуха, нырнул. Через несколько мгновений купец вновь появился в бурлящих водах, и уже не один: напрягаясь изо всех сил, он тащил за собой укутанного в шубу Жака, не подававшего никаких признаков жизни.

С энергией, удесятенной опасностью, Федор лихорадочно искал, куда бы положить недвижимое тело, перед тем как снова уйти под воду в поисках еще одного друга. Крик отчаяния вырвался из его уст, когда он понял, что с наклонной поверхности льдины Жак неизбежно свалится в пучину. «Нужно и другого спасти, но успею ли?.. А дуга на что? Вот он – выход из положения!»

Поддеть лопнувшую подпругу Жаку под плечи и подвесить его к дуге было для Федора делом секунды. «Во всяком случае, голова над водой, – подумал он. – Так что не задохнется».

Тяжело дыша, лязгая зубами от холода, смельчак дважды нырнул в ледяную воду, но так и не сумел отвоевать у стихии ее вторую жертву.

Сани, навалившись всей своей тяжестью на лошадей, толкнули их в страшную бездну

– Будь что будет: или я сам там останусь, или спасу его! – пробормотал он с отчаянной решимостью и ушел под воду в третий раз. Такая самоотверженность не могла остаться без вознаграждения: отважному купцу удалось наконец вытащить из самой глубины возка тело Жюльена.

Быстро подплыв к дуге, к которой был подвешен вконец окоченевший, не подававший ни малейших признаков жизни Жак, он попытался удержаться на наклонной плоскости, чтобы, подтащив Жюльена к верхнему краю льдины, полностью извлечь его из воды, ибо дальнейшее пребывание в ней грозило французу неминуемой смертью. Однако все старания

оказались напрасны: нога скользила беспомощно по гладкой, как зеркало, поверхности, и, не упрись он в скрытое водой тело лошади, сам бы слетел вниз.

Теряя силы, но не присутствие духа, Федор, отчаянно цепляясь ногтями за лед, заорал в безумной надежде, что хоть кто-то еще – один из ямщиков или проводник – уцелел:

– Ко мне! На помощь!

– Держись, батюшка, держись, я здесь! – услышал он вдруг в ответ и, подняв голову, увидел над собой второго, чудом спасшегося ямщика: тот стоял, держась за выступ тороса, упершегося своим верхним краем в обломок ледового панциря. Кучер попал при падении в неглубокую, к счастью, яму, и, хотя в ней и была вода, он смог все же, протиснувшись на четвереньках в узкую щель, выбраться наверх.

Мгновенно поняв план Федора, он размотал длинный красный кушак и бросил один конец купцу. Крепкая ткань должна была выдержать тяжесть Жюльена.

– Поднимай! – крикнул Федор мужику. Тот, напрягшись что было мочи, подтащил тело француза к краю тороса.

– Так, теперь второго! – сказал Федор, привязывая к поясу обледеневшего и неподвижного, как бревно, Жака. – Ну, и меня!

Полуобнаженный, с полопавшейся от холода кожей на лице, с синими руками, Федор сразу покрылся твердой ледяной коркой. Но ничто не в силах было сломить его железную волю: не обращая внимания на свое состояние, он быстрым взглядом оценил обстановку.

Сани, приподнятые под углом в тридцать градусов, навалились всей тяжестью на задние ноги коренника, и тот, обезумев от боли, по-прежнему бил передними копытами по телу ямщика, превратившемуся в кровавое месиво.

Проводник, увидев Ловатина, воззвал о помощи. Федор прыгнул со льдины и, упершись ногами в полоз саней, крепко схватил якута под мышки и осторожно вытащил его из-под лошади. Встав на придавленную стопу, спасенный проделал несколько неуверенных шагов, потом с сосредоточенностью хозяина, проверяющего свой инструмент, несколько раз согнул и разогнул ногу в колене и наконец возвестил с улыбкой, что переломов нет.

– Спасибо тебе, хозяин, – ласково произнес якут, – ты спас Шолему жизнь. Шолем отдаст тебе свою.

– И тебе на том спасибо! А теперь за дело, время не ждет. Мои друзья – они наглоотались воды и окоченели от холода – находятся там, наверху, вместе с кучером. Мы должны их спасти. Вот только как?

Он размотал длинный красный кушак и бросил один конец купцу

– Прежде всего, останемся здесь: тут не так холодно, как на берегу.

– Да нам и не выбраться отсюда пока. Но не сидеть же сложа руки? У тебя есть топор?

– Вот он.

– Брось ямщику, пусть вырубит ступени во льду, пока мы будем отогревать двух друзей... Эй, приятель, – крикнул Федор ямщику. – Опусти осторожно к нам на кушаке господ и потом делай то, что скажет проводник... А ты, Шолем, прикончи лошадь, что молотит по телу бедняги-ямщика.

Проводник, достав нож, молниеносным ударом рассек обезумевшему от боли животному грудь и, глубоко засунув в рану руку, крепко сжал сердечную мышцу. Смерть наступила мгновенно.

Федор, раздев Жака, принялся энергично растирать его тело – сначала снегом, потом шерстяным кушаком, смоченным в спирте.

– Хозяин, ты совсем безо всего, – обратился к нему Шолем. – Надень-ка мою доху из оленьей шкуры.

– А ты?

– Ты же знаешь, ложе якута – снег. Якуту неведомо, что такое холод.

Торопливо натягивая на себя поданную ему шубу, Федор заметил с радостью, что лицо Жака немного порозовело.

– Ему, кажется, уже лучше, так что пойду займусь другим. Ты же тем временем постарайся привести Жака в чувство, а затем вытащи из саней меховые полости⁴⁷ и водку, разбей ящик и, если сможешь, разведи из досок костер.

Подойдя к Жюльену, Федор ловко снял с него шубу и раздел бедного парижанина, неподвижного, как каменная статуя, догола. Потом сгреб со льда пригоршню снега и принялся со все возрастающей энергией растирать тело своего друга, ритмично нажимая на грудную клетку, чтобы стимулировать работу легких, как вдруг, спустя три-четыре минуты, послышавшийся сзади зевек заставил его обернуться. Раздался слабый, но такой знакомый голос.

– Где я, черт возьми? – произнес, очнувшись, Жак на хорошем французском, но с неуверенными интонациями только что вернувшегося с того света человека. – Я не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. И вообще, уж не в бане ли я?

Если бы не серьезность положения, Федор, взглянув на пришедшего в себя Жака, громко расхохотался бы. Голова француза торчала из чрева приконченной якутом лошади: Шолем уложил вверенного его попечительству француза в тело животного, чтобы за счет еще сохранившегося под шкурой тепла отогреть обмороженного. Что и говорить, идея прекрасная – впихнуть несчастного в жаркое нутро коренника, обогревавшее куда лучше грелки и надежно защищавшее крепкой шкурой от любого ветра.

Нетрудно представить себе, сколь необычно выглядел недавний служащий парижской префектуры – сие подобие мифологического кентавра, человека и лошади одновременно.

– А Жюльен? Где Жюльен? – закричал встревоженно Жак, когда сознание у него совсем прояснилось. – А Федор? Где он?

– Все в порядке! – отозвался русский. – Не волнуйтесь! Потерпите еще немного. Сейчас Шолем даст вам сухую одежду. А я тем временем позабочусь о господине де Клене.

– Скажите только, есть хоть какая-то надежда, что он будет жить? – с мольбой протянул Жак.

– Несомненно! Он уже понемногу приходит в себя. Белые пятна, усеявшие его грудь, потихоньку исчезают, тело постепенно разогревается.

– Спасибо! От всей души спасибо!

Ямщик размашистым ударом топора вырубал во льду последние ступеньки. Шолем, со своей стороны, тоже не терял времени даром: он разобрал сани, разжег костер, вытащил из возка две меховые полости и бочонок со спиртным, который тотчас и открыл, чтобы можно было растирать тело Жюльена не снегом, а водкой.

– Сейчас моя очередь, хозяин. Дай я позабочусь о твоём друге. Отдохни немного, ты в этом нуждаешься. И вот выпей, – настойчиво сказал якут, протягивая Федору деревянный стаканчик.

Несмотря на всю присущую ему энергию, столь наглядно продемонстрированную им в минуту смертельной опасности, Федор все-таки ужасно устал. Уступив место проводнику, он выпил стакан водки, вытащил Жака из своеобразного обогревательного аппарата, сотворенного Шолемом, вытер его, еще немного растер водкой, завернул покрепче в меховые полости и уложил как ребенка рядом с костром на кусок фетра, вырванного из кибитки.

⁴⁷ Полость – покрывало на ноги в экипаже.

Якут, не останавливаясь ни на минуту, с ловкостью, которая выдавала большой опыт в подобных ситуациях, продолжал у тела Жюльена работу, начатую Федором. Он растирал обмороженного с такой силой, что кожа его пациента вскоре покрылась красными пятнами. Француз громко застонал.

– Спасен! Он спасен! – радостно закричал Федор. – Слышите, месье Арно? А теперь можете заснуть. Это лучшее лекарство, только выпейте сперва чашку кипятка, которую ямщик вам сейчас даст. Когда надо будет, я вас разбужу.

Сумерки, позволявшие поначалу хоть что-то видеть в этой ледовой яме, сменились полной темью, и только костер, отбрасывая неровные тени, освещал группу молчаливых, занятых каждый своим делом людей.

Жюльен понемногу приходил в себя. Он скользнул вокруг мутным взором, потом взгляд его стал более сосредоточенным. Узнав якута, увидев, как Федор набивает снегом самовар, вытасканный из саней, но не обнаружив поблизости своего соотечественника, лежавшего по ту сторону костра, отважный путешественник позвал тревожно:

– Жак!

– Жив он, – отозвался Федор.

– А другие?

– Один ямщик погиб.

– Бедняга!

Федор хотел дать ему те же советы, что и Жаку, но Жюльен уже более твердым голосом обратился к нему:

– Спасибо вам за заботы, друг! Мне лучше, хотя я очень слаб. Самое надежное средство, чтобы не погибнуть от холода, – это находиться в движении. Ведь я чуть было совсем не замерз?

– Не только чуть не замерзли, но и чуть не утонули!

– Ах да, вспоминаю, как обломился мертвый лед и мы полетели вниз. Кто же вытащил меня из воды? И кто спас Жака?

– Ну, скажем, я, – скромно ответил Федор. – В общем, нам здорово повезло.

– Так, значит, это вам мы обязаны жизнью! Я этого не забуду! Дайте руку, друг мой! Теперь мы связаны до гробовой доски!

Федор, проводник и кучер, сидя у костра, пили горячий чай полными стаканами. Возлияние живительного напитка, длившееся примерно с полчаса, взбодрило их, и, если бы не горестные чувства, вызванные страшной смертью ямщика, они бы предались искренней радости, как сделали бы это в данном положении французы, быстро забывающие плохое и легко приспосабливающиеся к любым ситуациям. Но, видя труп, укрытый тулупом, еще не совсем остывший, они не могли, да и не пытались избавиться от владевшей ими печали.

Пока Федор с Шолемом занимались французами, ямщик, уже успевший к тому времени прорубить во льду ступени, выдолбил в оледеневшем дне реки углубление. Затем вместе с проводником перенес туда тело своего несчастного товарища и прикрыл его кусками льда. Обнажив голову, все пятеро – Федор, Жак, Жюльен, якут и кучер – воздали усопшему последние почести. Засыпав могилу доверху битым льдом, ямщик выровнял ее поверхность, прочертил на ней православный крест и осенил себя святым знаменiem:

– Прощай, товарищ! Покойся с миром!

– Мир тебе! – отозвались эхом остальные.

– Ну а дальше что будем делать? – нарушил наступившее вслед за тем тягостное молчание Федор.

– Подождите минутку, – прервал его Жюльен и обратился к ямщику: – У твоего товарища осталась вдова?

– Да, ваше превосходительство.

– А дети?

– Двое.

– Вот возьми тысячу рублей и передай ей от меня... Ну а теперь, дорогой Федор, я отвечу вам на ваш вопрос точно так же, как и при отъезде из Якутска: мы будем делать то, что вы сочтете нужным.

– Но ведь обрушившееся на нас несчастье – результат того, что я столь неудачно выбрал дорогу!

– Вот еще! Беда могла подстергать нас и на другом пути, так что вы повинны в происшедшем лишь в той мере, что и остальные. Но отныне мы будем более осмотрительны и осторожны. Правда, Жак теперь еще сильнее возненавидит воду, хотя катастрофа и произошла на реке, практически лишенной воды.

– Что касается катастрофы, то я уже посвятил ей пару строк в своем блокноте, – заметил тот.

– Продолжай в том же духе... Итак, что же вы решили, Федор?

– По-моему, пусть Шодем с ямщиком доберутся до ближайшей станции. Предъявив смотрителю вашу подорожную, они возьмут у него сани и лошадей. Если же, по несчастью, им не удастся обеспечить нас подобными транспортными средствами, то они смогут в ближайшем же городке купить у якутов две-три оленьих упряжки или собачьи нарты. Мы будем ждать их в своем убежище, предоставленном нам коварной Хандыгой. Температура здесь, как видите, вполне сносная, холод особенно не чувствуется: зимуй себе хоть до паводка! В случае нужды нас прокормил бы лес, раскинувшийся по обоим берегам реки. Главное – не лениться и заглядывать туда почаще. Но, к счастью, продукты у нас не пострадали: и нам хватит, и будет что предложить местным жителям на обмен, поскольку деньги их обычно не интересуют. Что же касается тех саней, на которых мы ехали, то они ушли под воду и к тому же безнадежно разломаны. Так что придется распрощаться и с ними, и со всем, что в них находилось. Но, хотя и потерпевшие, люди мы довольно состоятельные. Кроме разных там столь необходимых в этих условиях мелочей, в нашем распоряжении находится также оружие, любезно пожалованное нам генерал-губернатором, – два карабина с двумя тысячами патронов к ним, два гладкоствольных охотничьих ружья, два револьвера «нью кольт» с боекомплектами, да еще барометры, термометры – ртутный и спиртовой, компас... Все это – в полном порядке, без малейших повреждений.

– Ой, черт возьми, а наши бумаги?! – воскликнул Жюльен.

– Не беспокойтесь. Хотя они и находились в затонувших санях, но, перед тем как тронуться в путь, я уложил сумку с ними в совершенно водонепроницаемый бурдюк из-под кумыса. Пока Шодем с ямщиком будут искать для нас сани, мы постараемся их достать.

– Вы все предусмотрели, друг мой! Я не перестаю удивляться вашей находчивости. Разрешите, однако, сказать несколько слов о ваших вещах и разных, как вы говорите, мелочах, которые вы столь бескорыстно предоставляете в наше распоряжение. Все это стоит немалых денег и является как бы частью вашего состояния.

– Не частью, а всем моим состоянием. И поэтому мне особенно радостно предложить вам все без исключения вышепоименованные и не упомянутые мною предметы.

– Позвольте же нам хотя бы примерно оценить ваше имущество.

– Вы смеетесь? – ответил Федор. – Мы все здесь – потерпевшие. Вы же сами только что сказали, что теперь мы связаны до гробовой доски. И вдруг столь банальные речи о материальных ценностях. Возьмите же, что я могу вам дать. Примите по-братски. Иначе вы глубоко огорчите меня.

– Но вы же разоритесь! И не сможете закупить товары на нижнеколымской ярмарке.

– Вот уж действительно горе! Кое-что у меня еще осталось... К тому же я могу...

– Что именно?

– Сопровождать вас в путешествии по Арктике и добраться с вами аж до самой Бразилии.

– Даже так? Да кто же вы такой на самом деле? – не смог скрыть своего удивления Жюльен.

Человеку от природы бесхитростному, Федору и в голову не могло прийти, что его готовность отправиться с друзьями-французами хоть на край света может показаться подозрительной – и не только им, но и еще кому-либо. Вопрос же Жюльена привел его в замешательство. Французы готовы были держать пари, что теперь-то уж они узнают, кто скрывается под маской этого инкогнито. Но не тут-то было.

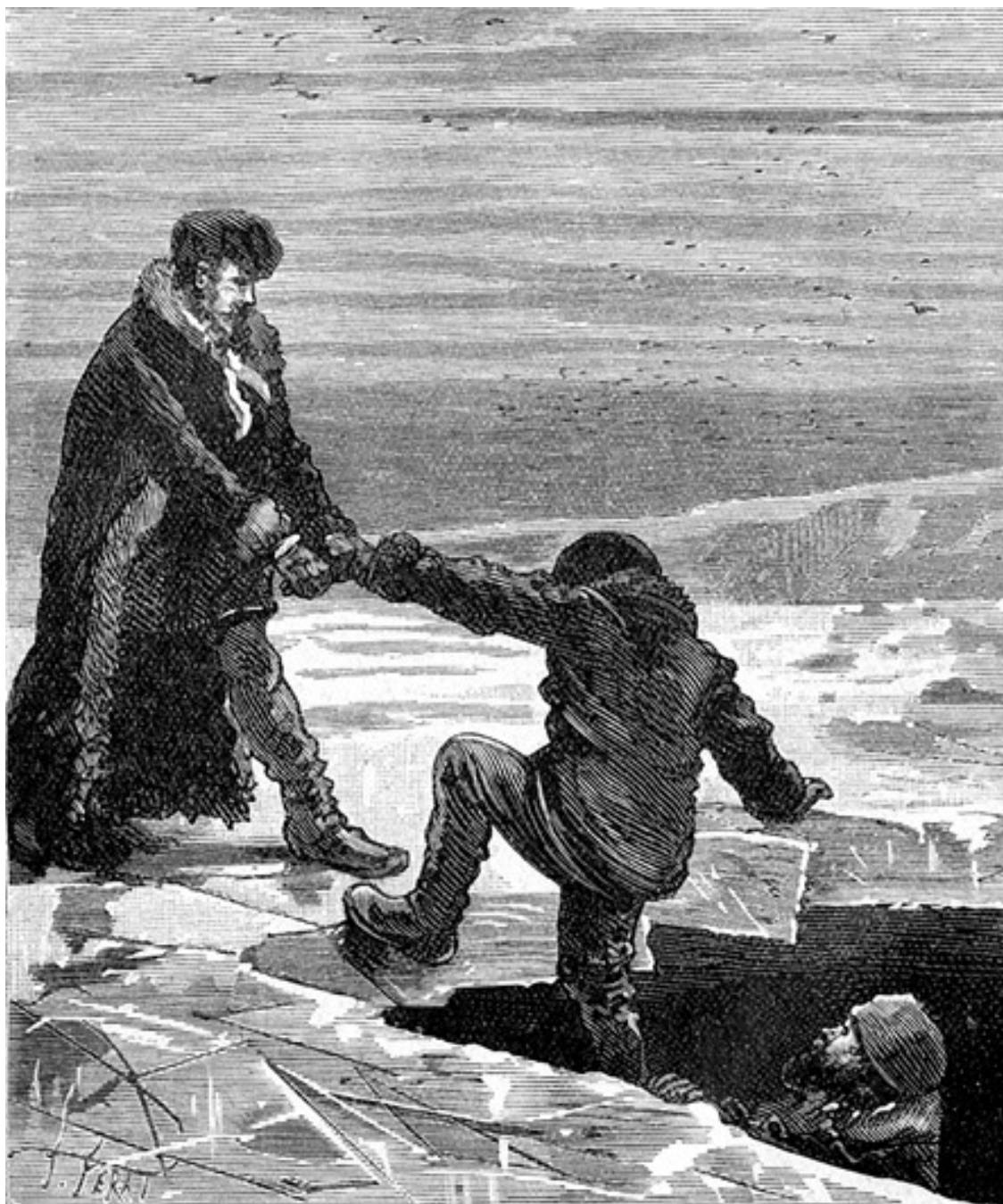
– Да я, как вы знаете, всего лишь простой торговец мехами, – спокойно ответил их друг. – Но поскольку я непредсказуем, как все русские, фантазер, словно француз, и люблю, подобно англичанам и американцам вместе взятым, скитаться по дальним странам, ваш смелый вояж пробудил во мне душу путешественника, и, честное слово, я был бы не против поддаться этому искушению!

Глава 14

С тех пор как проводник с ямщиком отправились на поиски транспортных средств, прошло десять дней и десять бесконечных ночей, и три товарища, заключенные в ледовом убежище, которое едва не стало их могилой, с нетерпением ожидали их возвращения. В голову им приходили самые что ни на есть тревожные мысли, пока наконец они не сделали вывод, что произошло одно из двух: либо Шолем со спутником погибли, либо они просто бросили путешественников на произвол судьбы. Жак с Жюльеном склонялись ко второму предположению, Федор же, хотя и был по натуре оптимистом, более вероятным считал первое.

Действительно, вскоре после ухода проводника с ямщиком погода резко переменилась: на небо набежали черные тучи, разразилась снежная буря. В течение двенадцати часов бушевала такая вьюга, что снег, влекомый свирепствовавшим в долине западным ветром, проник под ледяной панцирь и постепенно образовал там целый сугроб. Другим, чтобы не оказаться засыпанными снегом, пришлось отодвинуться в глубь убежища.

На следующий день, как только буря стихла и вновь установилась спокойная погода, они, пробив проход сквозь плотный снежный пласт, поднялись вверх по вырубленным ямщиком ступеням, набрали дров и вернулись в свою ледовую обитель, укрытую теперь белым пологом не хуже, чем добротнейшие избы местных жителей.

Они поднялись вверх по вырубленным ящичком ступеням

Дни и ночи лениво сменяли друг друга, приводя в отчаяние путешественников, вынужденных бездействовать в условиях сумеречной полярной зимы.

Радовали взгляд лишь богатые запасы провизии: чай, сахар, белый хлеб (естественно, замороженный), различные консервы, которые, впрочем, пока не трогали, заменяя их в целях экономии жарким из конины. Весьма кстати пришелся и здоровенный ящик свечей, так как свет для заключенных под ледовым панцирем значил особенно много.

Сидеть в заточении не очень-то приятно. Федор еще как-то мирился с вынужденным бездельем, но французам было невмоготу: им все казалось, что они никогда не выберутся из ледового плена.

Из предпринятой путешественниками попытки спасти содержимое затонувших саней практически ничего не вышло, если не считать извлеченного из-под воды бурдюка с документами, достать которые необходимо было любой ценой.

Когда возок вместе с находившимся в нем грузом был в конце концов оставлен в покое, Федор, к вящему удивлению своих друзей, приступил к своеобразной сушке их одежды – шерстяных свитеров, фетровых чулок и мехов. Вместо того чтобы, как положено, развесить их у огня, он ушел с ними подальше от костра, выдолбил в снежной стене дупло и засунул туда одежду, пояснив, что часов за двенадцать снег впитает всю влагу и она станет абсолютно сухой. Если же эти вещи поместить у огня, то вода с них будет капать в течение нескольких дней, тем более что держать их придется подальше от пламени, которое легко может их подпалить.

Объяснения Федора полностью подтвердились: на следующий день одежда, предназначенная для северных условий, действительно оказалась сухой и мягкой, словно только что из магазина.

Мелкие хозяйственные заботы – уборка убежища, приготовление еды, вылазки за дровами – не могли уже побороть чувство тоски, перераставшее постепенно в отчаяние.

– Так что же, Федор, – в сотый раз повторял свой вопрос Жак, – стоит ли нам все еще надеяться, что проводник не бросил нас в беде? Вы хорошо знаете якутов, так скажите же, не следовало ли перед расставанием заставить его поклясться своими богами, что он выполнит наше поручение?

– А ямщик? – вступал в разговор Жюльен. – Ему ведь требовалось лишь дойти до станции, на что должно было бы уйти не более суток. Так почему же за столько дней никто не пришел к нам на помощь?

– Пусть вас не удивляет подобная задержка. Вы не имеете ни малейшего представления о станционных смотрителях, раз воображаете, будто они сразу же бросятся на выручку потерпевшим бедствие путешественникам. В их обязанность входит лишь предоставлять лошадей по предъявлении подорожной, что они и делают, хотя и с неохотой. Большого же от этого люда не ждите. Конечно, будь вы важной шишкой из российской администрации, тогда другое дело. Так что если бы лошади у нас не погибли, то мы смогли бы постараться их вытащить, и, в случае успеха, положение наше было бы значительно лучше. Ну а что касается вашего предположения относительно предательства ямщика, то я с ним никак не могу согласиться, тем более что вы дали этому мужику деньги для вдовы его товарища, столь трагически погибшего здесь. К тому же мы ведь даже не знаем, удалось ли ему дойти до станции или нет.

– Ну а как якут? Сможет он спасти нас?

– Бесспорно, я на него рассчитываю. Если только вы не захотите, не дождавшись наших посланцев, сами отправиться на станцию.

– Что вы! Ведь так мы можем разминуться с Шолемом и кучером. К тому же здесь нам лучше, чем наверху. Но куда все-таки подевался наш проводник?

– Он еще придет, я уверен. Просто задержался где-то, поскольку несчастный случай маловероятен: снега для якута что дом родной.

– Я не разделяю вашего оптимизма, – возразил Жюльен.

– И напрасно. Я достаточно хорошо разбираюсь в людях, чтобы не обмануться в них. Я вижу, что он преисполнен к нам чувством глубокой благодарности. Кроме того, якуты весьма бережно относятся к древним поверьям и стараются не нарушать заповедей предков.

– Расскажите же какую-нибудь легенду... – пристал к Федору Жюльен. – Глядишь, и скоротаем часок-другой.

– Вы не заметили, какую церемонию совершил он, отправляясь в путь, в точном соответствии с ритуальными действиями местного шамана?

– Нет, не заметил.

– Он перебрал всех добрых и злых духов и громогласно призвал к себе на помощь божества, повелевающие землей, водой и воздухом. Он говорил: «Старая бабушка река, будь добра к твоему сыну! А ты, бабушка гора, закрой бездны в тех местах, где должна будет ступить нога твоего сына! Вы же, кривоногие карлики с большими руками, уйдите прочь с восьми дорог и попрячьтесь в девяти соляных горах...»

– Прекрасно!.. Такой местный колорит!.. Жак, бери свою записную книжку!

– После этого Шолем обратился к злому духу: «Эй, шайтан, древний камень, не лишай мои ноги силы, не ослепляй мои очи, не смотри на меня косо, и да умолкнет твой злой язык!» Затем, обжарив кусочки конского жира и привязав их конским волосом к прибрежным деревьям, он торжественно обратился к Огропоно.

– К кому?

– К Огропоно – Агриппина по-русски. Это колдунья из Жиганска⁴⁸. Сибиряк Уваровский переложил предание о ней на якутский язык. Она жила в прошлом веке – ее еще знала мать Уваровского. Слыла колдуньей. Тот, кого она полюбила, мог считать себя счастливым, с тем же, кого невзлюбит, приключалось несчастье. Ее словам внимали так, словно ниспосланы они были самим Господом Богом. В старости она поселилась в бедной лачуге, где и жил одна-одинешенька. Отшельницу посещали там страждущие получить у нее благословение, ей приносили дары. И горе тому, кто не выказывал чародейке почтения! Огропоно непременно карала такого строптивого: превращала в черного ворона, обрушивала на него ураган, сбрасывала его ношу в воду или лишала упряма разума. И хотя ее давно уже нет в живых, якуты продолжают оставлять ей подношения на том месте, где стояла когда-то хижина грозной волшебницы. Согласно преданию, Огропоно умерла, когда ей исполнилось сто лет. Она была полной, невысокого роста, с изъеденным оспинами лицом. Глаза ее блестели, словно звезды, а голос звенел, как лед от удара. И наш Шолем обратился к этой самой Агриппине из Жиганска. Он поклялся ей, что обязательно вернется. И уж что-что, а данное ей обещание он никак не сможет нарушить... Но что это?.. Или мне показалось? Вроде бы кто-то кричит...

И действительно, раскатистый, такой знакомый голос, звучавший у входа в снежный туннель, ведущий в ледовую обитель, выкрикивал громко имена путешественников.

– Шолем? Да ты ли это, дружище?! – воскликнул Федор.

– Я, я, хозяин! – услышал он в ответ.

Якут нырнул в лаз и через мгновение, весь в снегу, с сияющим лицом, предстал перед друзьями во весь свой богатырский рост. Крепкие рукопожатия, радостные восклицания – в общем, последовало все то, что всегда происходит при долгожданной встрече. Шолем оправдал веру Федора в него.

Опрокинув, как положено, кружку горячего чая, Шолем запил его водкой и, даже не присев на фетровую подстилку возле костра, предложил друзьям тотчас выступить в путь.

⁴⁸ Жиганск – город на реке Лена в Якутии.

– Да ты ли это, дружище?!

– Удалось достать сани? – спросил его Федор.

– Да.

– Сколько?

– Четверо.

– Оленьи?

– Нет, собачьи... Но хватит тратить время на разговоры. Прошу вас всех, едемте быстрее.

– А что такое?

– Мне страшно.

– Почему?

– Сам не знаю. Послушай только, а там суди как хочешь. Как только я ушел от вас, то первым делом смастерил что-то вроде коротких лыж и направился на них к станции, что к востоку отсюда. Добравшись до нее, я попросил у есаула⁴⁹ лошадей и сани, но он заявил, что у него нет ни того, ни другого. Правда, правда... Тогда я прошел до второй станции, потом до третьей и наконец до четвертой, но все безуспешно. Всего я проделал сто двадцать пять верст, а чего добился? И вот я на пятой станции. Показываю есаулу вашу подорожную... Хотя за последнее время я много раз ездил по этой дороге до самой Колымы, человека того нигде не встречал. Мне сказали, что его прислали туда сравнительно недавно, откуда-то с запада. Он грубо потребовал ваши паспорта. Я ответил, что у меня их нет. «Хорошо, – произнес он, – нет паспортов – нет ни саней, ни лошадей». Когда я попробовал настаивать, он стегнул меня плеткой. Я бросился на него, чтобы задушить, но с полдюжины казаков кинулись на меня и поволокли в острог. Есаул же отправил своих людей разыскивать вас, потому что вы, считает он, наверняка самые что ни на есть варнаки...

– Постойте, – прервал Федора Жюльен, внимательно слушавший, как тот переводил рассказ Шолема с русского на французский. – Неужели новый Еменов? Но я ему больше не дам! Буду до конца сражаться с ним!

– И я тоже! – энергично подхватил Жак. – Конечно, нам нечего бояться этого служаку, но если от великого усердия ему придет вдруг в голову препроводить нас в Якутск для установления личности, то сколько же времени потеряем мы даром! И если только он попытается задержать нас силой, то пусть пеняет на себя! Я без всяких душевных терзаний разряжу ему в голову карабин, подаренный нам генерал-губернатором!

Федор был настолько погружен в свои мысли, что, по-видимому, даже не слышал воинственных речей друзей-французов.

– Ну и как же ты спасся? – спросил он Шолема.

– В остроге я пробыл недолго, – продолжал тот свое повествование. – Когда настала ночь, я проделал в стене дыру и сбежал, пройдя незаметно мимо солдат, уже успевших упиться водкой. Потом я долго искал нарты. Нашел четыре упряжки. Они там, наверху, и при них якуты. Это преданные люди, ты можешь рассчитывать на них, как на меня. А теперь решай, хозяин, что делать будем.

– Ехать надо, и как можно быстрее! – заволновался Жюльен. – Нас четверо здоровых мужчин, работы мы не боимся. Так давайте сейчас же, не мешкая, перенесем вещи на нарты. Делов-то на час или на два – и вперед!

– Но не по тракту, – заметил Жак. – Подальше от торных дорог, почтовых станций, острогов и прочих мест, где назначают друг другу свидания Еменовы со всей Сибири. Наш путь – по прямой, через укрытую снегом и скованную морозом равнину. Строго по компасу! И горе тому, кто попытается нас остановить!

Ощущение грозящей опасности, появившееся после рассказа проводника, взбодрило друзей-французов, в памяти которых еще свежо было воспоминание о происшествии в селе Ишимском. Вместе с Федором и Шолемом, к которым вскоре присоединились и два якута, прибывшие с собачьими нартами, они энергично выносили по ледовым ступеням наверх провизию, одежду и снаряжение, сложенные аккуратно возле костра. Жюльен и Жак, с истинно французским задором, трудились за четверых. Работа была так хорошо организована, что сани загрузили за каких-то полтора часа.

⁴⁹ Есаул – офицерский чин в казачьих войсках в дореволюционной России, соответствовавший чину капитана в пехоте. В примечании к парижскому изданию этого романа Л. Буссенар следующим образом характеризует исполнявшие есаулом функции: «Он... и судья в отдаленных районах, где имеются казачьи станицы, и жандарм, и начальник почтовой станции в Восточной Сибири, причем за выполнение последней обязанности ему платит правительство, поскольку в этой части России дороги принадлежат государству, в то время как в Западной Сибири они находятся в частном владении».

Ну а теперь, пока наши друзья еще не отправились в путь, познакомимся с нартами, которыми пользуются в повседневной жизни кочевники Северной Сибири. Прежде всего это длинные узкие сани с низкой посадкой, очень легкие и вместе с тем исключительно крепкие. В них помещается не более трех человек, включая погонщика. Последний сидит впереди в, казалось бы, весьма неудобной, но в действительности выверенной многовековым опытом позе, чтобы в любой миг, если возникнет такая необходимость, соскочить с нарт. Под сиденьями для ездовых помещается вместительный ящик с едой для людей и впряженных в сани животных: для собак – сушеная рыба, для оленей – ягель и мох. В нарты для трех человек должны быть впряжены, по крайней мере, шесть собак. Хотя сибирские лайки неказисты на вид, приземисты и условия их жизни весьма тяжелы, они проявляют силу и выносливость, непостижимую уму. От шлейки, обхватывающей их грудь, идет к саням длинный кожаный ремень. Кроме того, они связаны в упряжке попарно ремешками от ошейников. По первому сигналу хозяина послушные животные срываются с места и мчат по снегу чуть ли не целый день со скоростью двенадцать километров в час. Вечером они подкрепляются небольшой порцией рыбы, иногда и подпорченной, свертываются рядышком в клубок прямо на снегу, а утром опять вскакивают веселые, готовые снова нестись в заснеженную даль. Местные жители в качестве ездовых животных предпочитают не оленей, а собак: во-первых, потому что их много, и, во-вторых, они гораздо неприхотливее: их можно кормить и мясом зверя, убитого по дороге, и рыбой, выуженной из-под льда, в то время как заготавливать ягель для оленей – дело трудоемкое и пополнять его запасы весьма обременительно.

Шолем с Федором сели в передние нарты. За ними следовали двое саней с провизией и снаряжением, управляемые якутами-каюрами⁵⁰. Жак и Жюльен, завернувшись в меховые шкуры, расположились на последних нартах. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, друзья положили под сиденья готовые к бою восьмизарядные карабины.

Саный поезд, тронувшись с места, сразу же набрал бешеную скорость, непривычную даже для сибирских лаек. Ехали вдаль от тракта, но Шолем, знавший этот край как свои пять пальцев, был совершенно спокоен. Наметив направление, он смело вел нарты вперед через необозримую равнину, зорко вглядываясь в даль и по сторонам, чтобы при малейшей опасности погнать собак еще быстрее.

Добравшись так до Верхоянского хребта, ночь путешественники провели высоко в горах, в типично сибирской «спальне» под снегом, вроде той, с которой познакомили французов воры в одном из острогов. Друзьям не было холодно, ибо предсказания Федора полностью подтверждались. По мере их продвижения на север морозы ослабевали, и Жюльен, взглянув на термометр, сообщил удивившую даже его новость: прибор показывал всего лишь минус семнадцать градусов, а это значило, что здесь было значительно теплее, чем возле Якутска.

На следующий день, подтверждая свою высокую репутацию, собаки преодолели расстояние в сто тридцать километров.

Шолем, заметив пустой чум, предложил вторую ночь провести в нем.

Путешественники находились на землях, на которые распространялась власть придирчивого, свирепого есаула. И каждый из них сознавал серьезность ситуации. Хотя французы и понимали, что правда на их стороне, им было нетрудно догадаться, что встреча с этим чиновником могла иметь для них самые тяжелые последствия. Если бы из-за чрезмерного усердия служака действительно превысил свои полномочия, то Жак и Жюльен, решившие с оружием в руках оказать ему сопротивление, попали бы в категорию правонарушителей. В России это особенно опасно: по всей ее необъятной территории, даже в таких далеких

⁵⁰ Каюр – погонщик собак, впряженных в нарты.

краях, действует хорошо отлаженная административная машина, внимательно следящая за повсеместным неукоснительным соблюдением закона.

Федор утратил хорошее настроение сразу же после того, как санный поезд покинул Хандыгу. Час от часу он становился все мрачнее. Французам показалось, что друг их готов им в чем-то признаться, но, то ли робея, то ли время считая неподходящим, он продолжал хранить явно тяготившее его молчание.

Хотя ночь прошла без приключений, Жюльен и Жак, мучимые дурными предчувствиями, спали плохо. Перед тем как снова отправиться в дорогу, друзья решили посоветоваться. Первым взял слово Федор.

– Сейчас мы в восьмистах километрах от Якутска, – нервно начал он. – До Восточного мыса – две тысячи триста километров. – Купец, было ясно, совершенно позабыл о своих делах на нижнеколымской ярмарке. – Поскольку мы хотели бы любой ценой избежать нежелательной встречи с есаулом, – а я заранее могу предвидеть, что столкновение с ним кончится для нас весьма плохо, – необходимо немедленно свернуть на восток.

– Сказано – сделано! – отозвался Жюльен.

– Не совсем так. К несчастью, на нашем пути через этот грозящий нам бедою край, где казачьи посты – чуть ли не на каждом шагу, лежит еще и город.

– Я знаю только один способ обойти то или иное опасное место, – вмешался Жюльен, – а именно: двигаться прямо на него и, лишь когда оно будет совсем близко, резко свернуть в сторону. Так делают моряки, обходя рифы.

– Это известно, но как проскользнуть сквозь невидимые сети, которые, чувствую я, все плотнее стягиваются вокруг нас? В общем, друзья, пришло время поговорить откровенно. Для вас оставаться со мной дольше – это компрометировать себя. Мы должны расстаться. Давайте разделим провизию. Вы возьмете себе две трети и в сопровождении Шолема направитесь прямо к Берингову проливу. Ну а я пойду навстречу своей судьбе.

Французы не верили своим ушам.

– Что такое? – решительно заявил Жюльен. – Вы с ума сошли, Федор! Мы вас уважаем, любим всем сердцем и не собираемся нарушать нашу договоренность.

– Я полностью согласен с моим другом, – поддержал приятеля Жак. – Продолжай же, Жюльен, скажи ему все, что чувствуешь.

– Послушайте меня, Федор, мы из той породы людей, для которых слова благодарности – не пустой звук. Мы предложили вам свою дружбу без каких бы то ни было условий и будем вместе с вами, кем бы вы ни оказались, и в радости и в горе. Не хотите – не выдавайте своей тайны, но только оставайтесь с нами!

– Господа, – медленно произнес русский юноша, энергично пожимая руки друзей, – если бы вас, ни в чем не повинных, объявили в вашей стране преступниками... Нет, скорее так, если бы кого-то из вас только за то, что вы родственник, приемный сын ссыльного, отправили на каторгу вместе с преступниками... и если бы ценой огромных опасностей вы вновь обрели свободу и уже близок был момент, когда ваши палачи оказались бы не властны больше над вашей судьбой, а какой-то негодай, лишенный человеческих чувств, объявил бы вам во исполнение подлого приказа: «Я пришел арестовать вас», – то как бы вы поступили?

– Клянусь честью француза и дворянина, я пустил бы ему пулю в лоб, – твердо ответил Жюльен.

– Хозяин, казаки! – закричал Шолем. И указал на пятерых всадников, которые, горяча коней шпорами, неслись во весь опор. Затем, разглядев скакавшего впереди служилого, добавил: – Есаул!

– Друзья, – быстро заговорил Жюльен, – предоставьте это мне. Я наберусь отваги и переговорю с этим человеком. Ну а вы будьте готовы ко всему. Положите поближе карабины, но так, чтобы враг не догадался, что вы начеку.

Федор уселся на нарты, и Жюльен услышал, как он взвел под шубой курок револьвера.
«Черт возьми, – промолвил француз про себя, – лучше бы этому есаулу оставаться в своем остроге!»

Глава 15

Капитан Еменов не один пострадал за учиненное им в селе Ишимском насилие в отношении двух французов: исправник, начальник томской полиции, по чьей, собственно, инициативе и произошло нарушение закона, также был сурово наказан генерал-губернатором. Вскоре после того, как друзья-парижане двинулись с полковником Пржевальским в путь, его лишили прежнего воинского звания и отправили есаулом в Восточную Сибирь. Учитывая долгую службу оступившегося чиновника, губернатор уберег его от тюрьмы, но не больше. И тот отправился в далекий край, не зная точно, когда вернется из него и вернется ли вообще. Продолжительность такой ссылки, практикуемой сейчас значительно реже, чем при императоре Николае, зависит от дисциплинированности сосланного, от его усердия и услуг, которые он по воле случая может оказать государству. Так что впавшие в немилость из всех сил стараются вернуть доверие к себе и вместе с ним – прежнюю должность.

Судьбе было угодно, чтобы томского исправника назначили есаулом в острог, затерянный на просторах Якутии, неподалеку от истоков реки Индигирки. Отправившись в ссылку после того, как французов освободили, он обогнал их в Иркутске, где они задержались ненадолго, чтобы познакомиться со столицей Восточной Сибири. Поскольку останавливаться по дороге ему было запрещено, он, опережая французов и Федора Ловатина, за рекордно короткое время добрался до острога, где ему предстояло отныне служить.

Можно догадаться, что подобное наказание, внезапно обрушившееся на человека, вчера еще наделенного большой властью, и опустившее его на самую нижнюю ступень административно-иерархической лестницы, не способствовало благодущию есаула. Будучи натурой деятельной и привыкнув в любую погоду скакать без усталости по горам и долам, он сразу же по прибытии на место стал искать с упорством полицейского, потерявшего след, куда бы направить свою энергию, чтобы хоть как-то смягчить терзавшие его душевные муки.

Появление Шолема внесло некоторое разнообразие в его довольно-таки безрадостную жизнь и подсказало ему мысль о том, что неплохо было бы покуражиться над французами, которых он считал причиной всех своих бед. Инструкции обязывали его обеспечивать путешествующих лошадьми, но они же предписывали ему и испрашивать паспорта. Поскольку чужеземцы попали в беду, он решил задержать их проводника, чтобы заставить недругов своих добираться до станции пешком, по зимним арктическим просторам. Но дикарь-якут, вместо того чтобы покорно сидеть в заточении, сорвал намерение есаула обрушить на проклятых иностранцев справедливое, по его мнению, возмездие: он бежал, взломав стену. Впрочем, значительную долю ответственности за этот весьма серьезный и сурово наказуемый проступок можно было возложить на хозяев проводника, что при сложившихся обстоятельствах играло на руку служилому. Несмотря на ослеплявшую его безумную ненависть, есаул все же понимал, что осуществить месть не так-то просто, и надеялся в душе, что преступники – а ему нравилось заранее называть их так – усилят свою вину, оказав хотя бы подобие сопротивления властям. Поскольку в таком случае он оказывался бы в выигрыше, то даже готов был при малейшей возможности спровоцировать своих противников на подобное противоправное действие.

Приказав солдатам охранять дороги, есаул во главе конного отряда принялся прочесывать местность и обнаружил вскоре санный поезд, так и не успевший двинуться в путь.

– Стой! – крикнул он зычно. – Именем закона, стой!

– Мы и так стоим, – шутливо бросил ему Жюльен. – Чтобы выполнить приказ, нам надо сначала стронуться с места.

Есаул закусил губу от злости:

– Кто вы?

- Люди, которые спешат.
- Отвечайте, раз вас спрашивают!
- А я и отвечаю. Так что, если хотите, еще задавайте вопросы.
- Куда вы следуете?

– Это общеизвестно: из Парижа в Бразилию через Якутию.
Есаул, вопреки ожиданиям Жюльена, даже бровью не повел:

- А документы у вас есть?

– И даже много: письма их превосходительств генерал-губернаторов двух губерний, письмо от английского министра, письмо от нашего посла, паспорта с необходимыми визами, марками, печатями и так далее...

- Предъявите!

- Пожалуйста.

После падения в Хандыгу Жюльен разложил все необходимые бумаги по карманам и теперь, засунув руку под шубу, моментально извлек наружу паспорта и протянул их есаулу.

Тому пока что не в чем было упрекнуть своего собеседника, разве что в насмешливом тоне, вполне позволительном, однако, в такой ситуации лицу, у которого нет абсолютно никаких оснований для беспокойства.

– Знаете, господин есаул, – обратился Жюльен к служилому, внимательно проглядывавшему документы, – позволю вам заметить, что стоит страшный мороз, и мне как-то неуютно стоять на снегу на таком холоде. И я прошу вас побыстрее завершить эту проверку в чистом поле, чтобы я смог наконец усестись в нарты и укрыться в меха.

– Не волнуйтесь, я непременно завершу «эту проверку в чистом поле», как изволили вы весьма удачно заметить, – тоже с издевкой ответил есаул, – но только после того, как удостоверюсь, что бумаги действительно в порядке. Поскольку же я не очень силен во французском, вам придется немножко обождать. К тому же все вы так укутаны, что мне поневоле приходится просить вас оказать мне любезность сдвинуть шапки и башлыки, ибо в противном случае мне никак не разглядеть ваших лиц.

Жюльен нахмурил брови, потом, подумав немного, громко захохотал.

- Смеетесь?! Учтите, хоть вы и француз, я сумею добиться от вас послушания!

- Попробуйте!

- За мною – закон! При необходимости могу применить и силу!

- Тоже мне – сила! Каких-то четыре косматых жандарма!

- Но за нами – вся Россия, не забывайте этого!

- Ба, Россия так далеко!

– И все-таки примите к сведению, пусть я и не в высоком чине, но представляю здесь нашего императора.

– Думаете, это так уж лестно для Его Величества? Будь он на вашем месте, то не стал бы развлекаться, заставляя меня дрожать от холода с риском обморозиться или схватить менингит.

- Хватит! Надеюсь, вы кончили?

Видя, что француза не пронять грозными речами, есаул, пробормотав что-то невразумительное, взял паспорт Федора Ловатина. Уж русский-то, да еще простой купец, не посмеет разговаривать в таком издевательском тоне! И служилый вознамерился отыгаться на нем за насмешки дерзкого француза. Подавшись всем корпусом вперед, он уставился на Федора.

- Ну что, есаул? – спросил русский. – Мою-то личность вы можете удостоверить?

Напрягшись при звуке этого голоса, офицер пригнулся к гриве лошади, чтобы лучше рассмотреть говорившего. Глаза их встретились, и они одновременно издали возглас изумления, приведя в недоумение и Жака и Жюльена.

- Алексей Богданов!

– Исправник из Томска!

– Нигилист! Каторжник, сбежавший из тюрьмы! Варнак! Ну, попался теперь, мошенник! И не ты один, но и твои сообщники – эта пара разбойников с большой дороги! – Есаул, ликуя, повернулся к четверке казаков, недвижимых, как статуи: – Взять всю троицу! В случае сопротивления стрелять!

Казаки уже готовы были выполнить приказ, но тут Федор поднял руку, давая понять, что хочет что-то сказать.

– Выслушайте меня, есаул! Вы не ошиблись, я действительно Алексей Богданов, сбежавший из томской тюрьмы, так что мы с вами давно знакомы. Но эти господа тут ни при чем. Они не знают ни моего имени, ни моего прошлого. Просто пригласили меня сопровождать их, полагая, что я – купец Федор Ловатин. Иначе говоря, они не являются моими сообщниками и посему не могут быть привлечены к ответственности за проступок, которого не совершали.

– Это все? – с холодным спокойствием спросил есаул.

– Еще пару слов! Вынесенный мне приговор несправедлив. Я не участвовал ни в каком заговоре и не принадлежал к какому бы то ни было тайному обществу. Подлинная причина моего осуждения совсем иная. Я был усыновлен своим дядей, известным ученым, человеком незаурядного ума. И только затем, чтобы доставить ему новые муки, меня отправили на каторгу. Я имею в виду полковника Михайлова. А теперь, когда я снова на воле, попробуйте отнять ее у меня, и вы увидите, достоин ли я свободы!

Услышав имя полковника Михайлова, Жак и Жюльен подскочили к нартам и в следующий же миг встали по обе стороны от Алексея с карабинами в руках, нацеленными на перепуганных казаков. Шодем тоже направил ствол своего охотничьего ружья на несчастных солдат, готовых хоть сейчас ретироваться.

Но есаулу нельзя было отказать в храбрости. Он молниеносно выхватил из седельной кобуры револьвер, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Алексей, не дожидаясь, когда тот нажмет на курок, не вытащил вовремя из-под шубы такое же оружие и не разрядил его в голову лошади. Бедное животное, смертельно раненное, свалилось на спину и, придавив всадника, забилося на снегу.

Алексей подбежал к поверженному противнику, тщетно пытавшемуся выбраться из-под коня, схватил его железной хваткой за горло и, приставив дуло к виску, прохрипел:

– Сдавайтесь!

– Нет!

– Говорю вам: сдавайтесь! Не то я убью вас!

– Убивай! Вчера – ты просто каторжник, сегодня – убийца!

– Я защищаю то, что дороже жизни!.. Душа и совесть мои будут спокойны! Но я не могу бить лежачего. И поэтому просто обезоружу вас.

С этими словами Алексей забрал у есаула оружие. Солдаты, с ужасом смотревшие на происходящее, спешили под дулами карабинов и охотничьего ружья и без звука сдали винтовки, после чего Богданов приказал Шодему крепко связать всех пятерых и с помощью каюров отвести в чум.

Алексей схватил его железной хваткой за горло, приставив дуло к виску

Жюльен и Жак, потрясенные быстротой, с какой произошло разоружение казаков, положили на нарты карабины и затем подошли к молодому человеку, чтобы пожать ему руку.

— Поздравляем, Федор! — сказал Жюльен. — Или, вернее, Алексей, коль скоро уж ваше инкогнито раскрыто волею судьбы! Федор Ловатин спас нас от верной смерти, и мы этого никогда не забудем. Алексей же Богданов может рассчитывать на нашу благодарность вдвойне: если мы сумеем хоть чем-то помочь вам, то тем самым как бы возвратим часть нашего долга и полковнику Михайлову.

— Друзья мои! Дорогие вы мои! Теперь вам понятна причина моей скрытности: я не хотел делать вас своими сообщниками, — произнес взволнованно русский, тут же заключенный французами в объятия.

– Ну теперь-то уж все разрешилось само собой, не так ли? – заметил Жюльен. – Не было бы счастья, да несчастье помогло!

– Ну и что вы думаете обо всем этом?

– Только то, что есаул получил поделом. Ну и казаков вы славненько приструнили, – ответил Жак.

– И впрямь, – подхватил Жюльен, – у вас твердая рука, вы отлично владеете оружием.

– Я не о том, – проговорил Алексей, искренне удивленный тем радостным спокойствием, которое буквально источали его друзья, словно только что имевшая место схватка с представителем власти не была чревата для них самыми серьезными последствиями. – Я хотел спросить, как, по вашему мнению, следует поступить с нашими пленными?

– Оставить в чуме! – решительно заявил Жюльен. – На их поиски отправятся не сразу и, поскольку день сейчас очень короток, найдут их, возможно, не так быстро, мы же за это время будем уже далеко отсюда.

– А как быть с лошадьми? – поинтересовался Жак.

– Наши якуты забьют их и разрубят на куски. Часть конины погрузим на нарты – на корм собакам, а что не сможем забрать с собой, зароем в снег. В пути же будем останавливаться только затем, чтобы переспать немного.

– Bravo, друг мой! – воскликнул Жюльен. – Вы не теряетесь в любой ситуации! Уж и не знаю, чему больше удивляться – отваге ли вашей или находчивости!

– Так я уж лет пятнадцать кочую по белу свету. А в таких странствиях, как говорят наши матросы, голь на выдумки хитра.

Быстро, не более чем за час, управившись с лошадьми, якуты завернули лучшие куски в шкуры, и путешественники, даже не взглянув на чум с пятью пленниками, за которых, впрочем, не стоило особенно опасаться, двинулись навстречу неизвестному.

Мчаться надо было окольной дорогой, и к тому же как можно быстрее, чтобы к тому времени, когда разъяренный есаул сумеет организовать погоню за ними, друзья оказались для него уже вне пределов досягаемости.

До Берингова пролива оставалось приблизительно шестьсот лье. Если сытно кормить собак и выжимать из них все, что они могут дать, на то, чтобы добраться до него, все равно потребуется не менее шестнадцати – семнадцати дней. Придерживаясь торной дороги и нигде не задерживаясь в пути, это расстояние можно преодолеть и за восемь дней. Но путешественникам поневоле приходилось давать передышку собакам, которые только одни и могли их спасти в случае встречи с преследователями.

Шолем, сидя на первых нартах, направлял их строго на восток – по схваченной морозом равнине, сквозь полярную ночь, отступавшую под слабым натиском дня лишь на то короткое – от восхода солнца и до заката – время, когда над линией горизонта приподнималось слегка тусклое, словно обмороженное, светило. Санный поезд двигался вдоль отрогов Верхоянского хребта, протянувшегося с запада на восток, чуть севернее шестьдесят первой параллели, на шестьсот километров и поворачивающего затем, у сто пятьдесят четвертого меридиана, на северо-восток, чтобы углубиться в территорию, населенную чукчами.

Никто не говорил о только что случившемся. И это понятно: Алексей подсел в головные нарты, к Шолему, французы же, завернувшись с головой в шубы, лишь изредка перебрасывались отдельными репликами, пребывая в том сонливом состоянии, которое вызывает у путников скольжение саней по снегу.

На ночлег устраивались по-сибирски, прямо в снегу, если только случайно не попался покинутый чум или другое какое-либо заброшенное пристанище местных жителей.

Так как собак кормили хорошо, они пребывали в отличном состоянии, несмотря на скорость, которую им приходилось развивать, и огромные расстояния, каждодневно преодолеваемые ими. Трудно было не восхищаться удивительным поведением этих отважных

животных с вытянутой мордочкой и стоящими ушками: достаточно одного слова, чтобы они сорвались с места веселой стаей, повернули направо или налево, а затем внезапно остановились, словно дрессированные собачки в цирке.

Порою монотонность движения нарушалась тем или иным непредвиденным случаем. Например, внезапно перебегали дорогу то песец, то олень, и впряженные в нарты лайки, вспомнив о том, что они не только ездовые, но и охотничьи собаки, поднимали, принохиваясь к следам, такой лай, будто гнали зверя.

Хотя на окрики каюра они не обращают никакого внимания, во главе упряжки, к счастью, всегда находится самая сильная и хорошо выдрессированная собака, выполняющая ту же функцию, что вожак в табуне аргентинских лошадей или первый мул в обозе. Этот пес, понимая, что на него, поскольку он впереди, возложена ответственность за всю упряжку, прилагает в подобных обстоятельствах невероятные усилия, чтобы удержать своих сородичей на дороге. Когда же он чувствует, что это ему не удастся, что они и его тянут за собой, то поворачивает голову в противоположную сторону и начинает лаять так, словно увидел еще одного зверя, гораздо больше достойного внимания. И собаки, бросив след, подчиняются самой мудрой из них.

Чтобы не перегружать нарты, что значительно замедлило бы продвижение путешественников к Берингову проливу, Алексей, после того как на них уложили конину, пожертвовал практически всеми товарами, приготовленными им для обмена: оставив себе лишь самую малость – для переговоров с чукчами, остальное он отдал якутам, которые тотчас спрятали подаренные вещи в снегу в расчете захватить их на обратном пути.

В целом, если не считать сильного мороза, к которому, впрочем, и Жак и Жюльен почти привыкли, все шло отлично и расстояние до конечной цели их путешествия по Азии быстро сокращалось. Друзья давно уже пересекли Колыму, ее приток Коркодон и реку Ловдан, впадавшую в Коркодон в точке пересечения шестьдесят четвертой северной параллели и сто пятидесятого, если считать от Парижа, меридиана, и наконец приблизились к истоку Коркодона, в ста двадцати километрах от Гижигинской бухты Охотского моря. Таким образом, без всяких злоключений и даже просто происшествий, они преодолели за пять суток восемьсот километров, делая соответственно по сорок лье в день. И все-таки от земли, где они могли бы вздохнуть свободно, их отделяли еще четыреста лье, или тысяча шестьсот километров.

Глава 16

Беглецы двигались узкой долиной Коркодона, огромной ледяной глыбой покоившегося в своем русле. Желая знать, какое расстояние они преодолели, скажем, за два последних дня, путешественники обращались к Шолему, свободно ориентировавшемуся в таких вопросах подобно морским волкам, которые и без лага, просто на глазок, определяют довольно точно, с какой скоростью идет их судно.

И вообще, без проводника-якута они были бы как без рук и не смогли бы продолжить свое странствие в исключительно сложных условиях, созданных не только природой, но и неутомимым есаулом. Этот арктический Мэтр Жак⁵¹, выполнявший обязанности и возницы, и повара, и мажордома, был человеком незаурядным. Руководствуясь своим природным чутьем, он, ни разу не сбившись с пути, вел нарты строго на восток, к неописуемому удивлению Жюльена, время от времени проверявшего направление по компасу, а потом отмечавшего пройденный путь на карте Сибири, так кстати приобретенной Алексеем. Требовалось ли набрать дров, заварить чай, открыть банку консервов или поджарить на вертеле кусок мяса, не говоря уже о том, чтобы вырыть пещеру в снегу или соорудить из палок и оленьих шкур чум, — Шолем ни в чем не знал себе равных. Пренебрегая холодом, под действием коего металлические предметы, словно раскаленным железом, обжигали кожу, он ловко справлялся с любой работой, лишь изредка дыша на пальцы, когда мороз уж слишком начинал кусаться. Приглашая спутников перекусить, он неизменно произносил торжественным тоном по-французски: «Манже»⁵², — прекрасно усвоив смысл этого слова, и, не умея ни читать, ни писать, быстро разобрался в значениях разных линий на карте, отличал реку от горного хребта и безошибочно показывал, в каком направлении она течет⁵³.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Якуты по уровню интеллектуального развития занимают первое место среди сибирских народов, значительно опережая в этом отношении тунгусов, самоедов и бурятов. Легко адаптируясь к различным условиям, они быстро находят общий язык и с природой, и с людьми, их окружающими.

Родина якутов — Прибайкалье. Но два-три века назад буряты вытеснили их, и они были вынуждены отступить на север, что заставило их, принаравливаясь к новому краю, в корне изменить свой образ жизни.

Неутомимо трудясь в течение короткого арктического лета, зимой якут как бы впадает в спячку, словно зверь в берлоге: крайняя лень без всякого перехода сменяет деловую активность. Одни из них проживают в селах и городах, другие — кочуют. Они умелые скотоводы, охотники и ремесленники. Якут без всяких приспособлений может изготовить не только обычные поделки, но и украшения из золота, в одиночку добывает железо и производит инструменты, соперничающие с предлагаемыми русскими купцами. Практически все ремесленники в Якутске — столяры, плотники, маляры, кузнецы — из якутов. Ими выпускаются, в частности, такие изделия, как самовары и даже ружья. Немало среди них и купцов: недаром за присущий им талант торговать якутов зовут нередко сибирскими евреями. Обладая высоким даром подражания, якуты ничего не перенимают слепо от других, а непременно

⁵¹ Мэтр Жак — человек, пользующийся полным доверием своего друга или хозяина и самоотверженно служащий их интересам.

⁵² Manger (*фр.*) — кушать.

⁵³ В примечании к парижскому изданию данного романа Л. Буссенар, констатируя, что это не единичный случай, ссылается на шведского ученого Норденшельда (смотрите примечание 147), который в своих воспоминаниях о совершенном им путешествии на «Веге» рассказывает о чукче Василии Менка, отлично пользовавшемся картой, хотя и был совершенно неграмотным.

привносят в усваиваемое ими новое что-то и свое. Живя рядом с самоедами или тунгусами, они начинают следовать их обычаям и быстро становятся своими для местных жителей.

В условиях сурового сибирского климата якутам далеко не везде удастся возделывать землю. Зато в скотоводстве они достигли того, за что русские и не брались: не ленись ездить за сеном за сотни километров от дома, приучили лошадей и коров жить за Полярным кругом.

Выносливые, легко переносящие любой мороз, из-за чего и прозвали их «железными людьми», истые трезвенники, неприхотливые в еде (самое любимое – *nes plus ultra*⁵⁴ – блюдо якутов-кочевников – заправленная жиром уха, в которую, чтобы еды получилось больше, они кладут мелко наструганную кору лиственницы), обладающие поразительной памятью на места, фиксирующей каждый холмик, куст, лужу или камень, встреченные ими в пути, якуты, чьи условия жизни, казалось бы, легко могли превратить их в самый примитивный народ, в ряде случаев ни в чем не уступают европейцам, кичащимся своей цивилизованностью.

Вышеприведенные сведения о якутах – не что иное, как краткие данные, почерпнутые в значительной мере из этнографического экскурса, совершенного Алексеем для друзей. Выслушав эту лекцию, французы, давно уже переставшие удивляться эрудиции своего русского товарища, преисполнились уверенности, что последняя часть пути пройдет благополучно, ибо такому проводнику, как Шолем, можно смело доверять.

Переправившись через Коркодон и оставив слева реку Омолон с притоками, проводник, придерживаясь северо-восточного направления, повел санный поезд вдоль горного хребта.

Шестьдесят четвертая параллель осталась позади, и наших друзей, находившихся у сто пятьдесят восьмого градуса восточной долготы (если вести счет от Парижского меридиана), в огромной низине, куда не ступала нога ни старателей, ни путешественников, отделяли от Полярного круга уже два с половиной градуса.

Этот край издавна привлекал исследователей. Как известно, в 1785—1794 годах Биллингс⁵⁵ прошел вдоль северного побережья Восточной Сибири от Нижнеколымска до залива, расположенного в полутора градусах от Восточного мыса. В 1822 году Матюшкин⁵⁶, следуя вдоль побережья от устья Колымы до Чаунской губы, достиг реки Анюй и среднего течения реки Чаун. В 1865—1866 годах Кеннан⁵⁷, совершив переход от Якутска до Охотска, добрался по берегу моря до Гижигинской бухты, затем направился на север и, свернув на восток, дошел до Анадырского залива. Наконец, в 1869—1870 годах Мюллер и Щекановский, проплыв по реке Яна до Верхоянска, пересекли Индигирку чуть южнее Полярного круга, вышли у Среднеколымска к Колыме, спустились по ней до самого устья и, резко повернув на восток, оказались у Анадырского залива, недалеко от того места, где закончил свой маршрут Кеннан.

По мере продвижения наших путешественников к Берингову проливу растительность постепенно менялась. После шестидесятого градуса северной широты деревья, упорно противостоя холодам, произрастали с превеликим трудом. Здесь уже не встречались, как южнее, лесные великаны с толщиной ствола в один метр. К северу от шестьдесят первого градуса стволы имели в диаметре не более тридцати сантиметров, а сами деревья выглядели чах-

⁵⁴ Здесь: самый лучший (*лат.*).

⁵⁵ Биллингс Иосиф Иосифович (?—1806) – офицер русского флота, родом из Англии. В 1785–1794 годах руководил экспедицией, исследовавшей берега Северо-Восточной Сибири. Его именем названы мыс и населенный пункт на берегу Восточно-Сибирского моря.

⁵⁶ Матюшкин Федор Федорович (1799—1872) – русский мореплаватель, адмирал, лицейский друг А.С. Пушкина, участник кругосветных экспедиций.

⁵⁷ Кеннан Джордж (1845—1924) – американский журналист и путешественник, возглавлял русско-американскую экспедицию вдоль берегов Охотского моря, автор книг «Кочевая жизнь в Сибири» (1870) и «Сибирь и ссылка» (1891).

лыми и явно угнетенными арктическими морозами. Наконец, из древесных пород остались только лиственницы – корявые, с жидкой кроной. По всему было видно, что они не получали из почвы достаточного питания.

Однажды в простершейся в бескрайнюю даль необъятной пустыне путешественники увидели внезапно миниатюрный лес. Тоненькие, не толще запястья, деревья высотой метра три увенчивались заснеженными кронами.

Алексей попридержал свои нарты и, дождавшись Жака и Жюльена, поехал с ними рядом.

– Вот вам каприз природы, – обратился он к Жюльену, изумленному столь странной растительностью.

– Можно подумать, что это саженцы, – заметил Жак, не менее удивленный.

– Однако, хотя они и кажутся молодыми деревьями, на ветвях у них мох, как у ветеранов лесного царства.

– Ой, да это же лиственницы! – воскликнул Жюльен.

– Но карликовой породы, – развил его мысль Жак.

– Нет, друзья мои, – произнес Алексей, – это не карликовые, а обычные деревья, только худосочные и хилые, неизлечимо больные, так как они с рождения лишены плодородной почвы и тепла.

– Обычные деревья... Никак не верится! – сказал Жюльен.

– Этим несчастным созданием уже два-три века. В ста лье южнее их сородичи гордо вздымают свои кроны на сорокаметровую высь, они же, погребенные на девять месяцев в году под снегом, дрожат от холода на замороженной почве тундры, и тщетно их корни скребутся в землю, чтобы найти в ней хоть какое-то пропитание.

– Я не ослышался? Этим хилым деревьям действительно двести – триста лет? – спросил Жак.

– А может быть, и больше. Посмотрите, ствол у них полностью сформирован, но настоящих ветвей практически нет, одни лишь колючие веточки с немногочисленными, уродливой конфигурации почками. Такое впечатление, будто вот уже лет двадцать, как погиб весь этот лесок, но распускающиеся каждую весну почки напоминают нам о том, что растения еще живы. Впрочем, в двадцати пяти лье к северу отсюда мы увидим деревья, по сравнению с которыми эти покажутся просто гигантами. Высотой не более полутора метров, хотя по возрасту такие же, они уж совсем, казалось бы, не имеют ничего общего с деревьями: ствол – словно корешок, ветки – как у засохшего кустарника. И все-таки, пробуждающиеся весной от зимней спячки, эти горемычные представители флоры доказывают, что какое-то питание они все-таки получают из почвенного покрова Богом проклятой тундры.

– Вы второй раз произносите слово «тундра». Объясните, пожалуйста, что оно означает.

– Охотно. Впрочем, я сам удивлен, что мы уже находимся на этой мертвой земле, лежащей, по моим представлениям, значительно севернее. Если бы я не доверял всецело Шолему, то подумал бы, что он сбился с пути. Вам, наверное, известно, что вдоль побережья Северного Ледовитого океана тянется полоса совершенно неплодородной земли, где только трава, мох и лишайник, деревья же не растут. Картографы называют эту область безлесной. На юге она кончается там, где появляются первые рахитичные лиственницы. Однако граница между тундрой и лесной зоной протекает не строго с запада на восток, как можно было бы предположить, а имеет очень причудливые очертания. Так, например, бассейн реки Обь она пересекает по Полярному кругу, то есть примерно по шестьдесят шестому градусу северной широты, долину Енисея – уже по семидесятому градусу, затем поднимается еще на триста километров к северу, чуть ли не до полуострова Таймыр, после чего, несколько восточнее, вновь спускается к Полярному кругу и обходит с юга мыс Беринга.

– Ну и что представляет она из себя, эта тундра?

– Злосчастный край у Северного Ледовитого океана, непригодный для произрастания даже столь неприхотливых лиственниц. Тундра своими бескрайними просторами напоминает степь, но если последняя страдает от недостатка влаги, то тундра – от морозов. И едва ли мы ошибемся, если назовем ее ледяной пустыней, пожалуй, более зловещей, чем сам Северный Ледовитый океан. Здесь, в зоне вечной мерзлоты, где солнце прогревает лишь тонкий, поверхностный слой земли, сразу же превращающийся в топкую, непролазную грязь, из растений практически встречается только ягель, или олений мох. Тундра – это покрытые льдом бескрайние пространства зимой и гигантское болото летом, – в общем, бесплодная, неприветливая земля. Даже не привыкшие к комфорту местные жители побаиваются ее. Но, повторяю, мне казалось, что она должна была бы все же находиться несколько севернее от нас.

– Милый Алексей, я с огромным удовольствием прослушал сей краткий курс практической географии, – произнес восторженно Жюльен. – Вы – кладезь знаний!

– Рано меня хвалить. Ведь неизвестно еще, смогу ли я раздобыть дров, чтобы приготовить пищу и не замерзнуть ночью. К тому же и корма для собак – всего на два раза. Причем последнее – куда серьезнее. Мы-то в крайнем случае обойдемся и без костра, самовар же вскипятим на спирту: его у нас пока достаточно. Но вот собаки... Оленей здесь легче прокормить: расчистил снег, и вот он – ягель! – но подстрелить какую-нибудь дичь для собак тут совершенно негде. Ну а стоит нам только потерять своих верных помощников, и единственное, что нам останется, – это добираться пешком до первого стойбища чукчей или юкагиров⁵⁸, что, прямо скажем, маловероятно. К тому же есаул, наверное, уже пустил за нами погоню. Замерзнуть в пути или попасть к преследователям в руки – обе эти возможности не из приятных.

– Ничего, понадеемся на счастливый случай – и вперед! – воскликнул преисполненный оптимизма Жюльен.

Хорошее настроение и уверенность в своих силах, не покидавшие отважного француза, имеют в этих суровых краях не меньшее значение, чем физическая подготовка или снаряжение: известны случаи, когда депрессия оказывала на человека значительно более губительное воздействие, чем материальные лишения.

Друзья были твердо убеждены, что их путешествие по Азии закончится благополучно. И действительно, создавалось впечатление, будто сама судьба благоприятствует им.

Сани резво бежали мимо деревьев, становившихся все более хилыми и отстоявших друг от друга на все большем расстоянии по мере продвижения беглецов к Беринговому проливу, как вдруг Шодем затормозил, да так резко, что Алексей едва удержался в нартах.

⁵⁸ Юкагиры – народ, проживающий в Якутии и Магаданской области.

Сани резво бежали мимо деревьев, становившихся все более хилыми

– Что такое? – спросил молодой человек.

Проводник, нахмутив брови, всматривался широко открытыми глазами в заснеженное пространство, расцвеченное слегка неровными красноватыми бликами от арктического солнца.

– Хозяин... волки!

Жак и Жюльен подогнали свои нарты к головным.

– Волки, – сообщил им Алексей, – но я их не вижу.

– Я слышу их, – пояснил Шолем.

– И что они поделывают?

– Гонят оленя или лося.

Алексей перевел друзьям, что сказал Шолем, и заключил:

– Неплохо было бы отбить у волков их добычу.

– Смотри, хозяин, они вон там... – снова заговорил проводник.

Появившиеся на горизонте темные пятна стремительно перемещались вслед за черной точкой. Поистине только человек, обладающий зрением и слухом якута, мог бы расчлнить это непонятное скопище каких-то теней на преследователей и преследуемого и еще услышать при этом дикое рычание голодных зверей.

Путешественники с проводником схватили ружья. Растянувшийся на сто метров санный поезд превратился в засаду, на которую неминуемо должны были выйти хищники с дичью.

Черная точка быстро увеличивалась в размерах, пока наконец не приняла облик гигантского лося с ветвистыми рогами. Метрах в шестидесяти от него по направлению к карликовым лиственницам, возле которых застыли в боевой готовности стрелки, неслась сотня сибирских волков.

Собаки, чуя волков и слыша их резкое, горловое потягивание, дрожа от страха, взъерошив шерсть и опустив хвосты, молча жались к нартам.

Не подозревая о новой опасности, сохатый, спасаясь от преследователей, быстро нагнавших его с злобным рычанием, мчался прямо на нарты, где находились Жак и Жюльен.

Когда от них до лося осталось сто метров, Жюльен приложил ружье к плечу. Как только животное приблизилось к саням метров на сорок, он, придерживая оружие левой рукой, упрямой в меховую варежку, стряхнул быстрым движением точно такую же рукавицу с правой руки и нажал на спусковой крючок. Пуля с сухим треском вонзилась в голову сохатого точно между глаз, и он, наклонив рога, рухнул с пробитым черепом шагах в двадцати от стрелка.

– Браво! – закричал Жак, восхищенный метким выстрелом. – Триста килограммов мяса не повредят нашим собачкам!

Жюльен, не обращая внимания на восторженные вопли друга, отчаянно тряс правой рукой, дышал на пальцы и громко ругался.

– Что случилось? – спросил Жак.

– Да кожа моя осталась на курке! Ведь металл на морозе жжет, как раскаленное железо.

– Ожог от мороза? Не правда ли, весьма любопытно!

– Черт тебя побери, тебе бы так! Да и я хорош! Забыть про волков, которые вот-вот отберут пищу у наших собак!

Быстрым движением он стряхнул рукавицу с правой руки и нажал на спусковой крючок

– Теперь моя очередь стрелять!

– Только поосторожней, чтобы не оставить кожу на спусковом крючке. Как это ни глупо, но я упустил из виду, что металл, касаясь органических тканей на сильном морозе, моментально забирает у них тепло и одновременно как бы обжигает их.

– И что же мне делать?

– Обмотать руку тряпкой или концом башлыка, да побыстрее: у волков отличный аппетит!

– Они совсем не похожи на добродушных своих сородичей из Западной Сибири. Одни челюсти чего стоят!

Хищники, скорее удивленные, чем напуганные выстрелом, расселись в снегу полукругом в двадцати пяти – тридцати метрах от еще бывшего в предсмертной агонии лося и, задрав вверх морды, зловеще завывали. Затем, подбадриваемые бездействием людей и подгоняемые запахом крови, внезапно умолкли, и самые смелые или самые голодные из них,

поджав хвосты и пружиня на задних лапах, двинулись осторожно вперед, готовые в случае опасности отскочить назад.

Жак по совету Жюльена обмотал руку куском ткани, оторванной от башлыка. Жюльен, преодолевая боль, проделал то же самое и, как и его друг, прицелился в грозную свору.

Раздались два выстрела, и два волка рухнули, обагвив кровью снег. Затем еще два выстрела и еще два волка упали. А потом еще и еще...

Убитых хищников становилось все больше, но остававшиеся в живых и не думали отступать.

Алексей и проводник, зная, сколь упрямы эти четвероногие, с волнением наблюдали за французами, не будучи вполне уверены в благополучном исходе жестокой схватки с голодной стаей. Но кинуться на подмогу к Жюльену и Жаку они не могли: насмерть перепуганные собаки отказывались сдвинуться с места, пойти же туда без нарт было довольно рискованно – и сани с собаками лишались защиты, и они сами легко могли стать добычей волков.

Автоматические карабины, подаренные губернатором Иркутска, прекрасно делали свое дело. Жюльен и Жак, опьяненные запахом пороха, стреляли не останавливаясь. Ружья дымились. Полегла уже половина стаи, не менее сорока волков⁵⁹.

Уцелевшие звери, встревоженные ураганным огнем, начали пятиться назад, однако совсем оставить лакомую добычу никак не решались.

Стрелки уже в четвертый раз вставляли в карабины обойму. Волки, воспользовавшись передышкой, набросились, скрежеща челюстями... Вы думаете, на лося? О нем они уже и думать забыли! Опровергая пословицу «Ворон ворону глаз не выклюнет», хищники принялись терзать с ожесточением мертвых и раненых сородичей своих, рвали их зубами и, не обращая внимания на людей, которые с удивлением взирали на мерзостную картину, жадно заглатывали огромные куски. Через несколько минут голод был утолен. Покидая место кровавого пиршества, звери, заботясь о дне завтрашнем, упорно, словно муравьи, волочили за собой наполовину обглоданные туши.

Путешественники снова были спасены!

Лось оказался на сто килограммов тяжелее, чем думал Жак. Когда сняли шкуру и освободили мясо от костей, то выяснилось, что еды для сорока собак, если каждой давать по полтора килограмма в день, хватит на пять суток.

⁵⁹ В примечании к парижскому изданию данного романа Л. Буссенар, говоря о том, что столь быстрая стрельба – вещь вполне реальная, коль скоро речь идет об автоматическом оружии, ссылается на свой собственный опыт: в январе 1883 года, будучи в Марокко, он за две минуты уложил из карабина семь кабанов.

Глава 17

Расположенный в устье реки Колымы, Нижнеколымск – административный центр самого крупного в губернии уезда если и не по числу жителей, то, во всяком случае, по занимаемой им территории, является русским аванпостом на северо-востоке Сибири. Несмотря на свое значение, возросшее с организацией здесь поселения ссыльных, он представляет из себя всего-навсего убогий населенный пункт с чумами и ветхими домами, в которых теснятся полторы тысячи ссыльнокаторжных и триста или четыреста казаков, служащих в вооруженных силах России. Из этого злосчастного арктического города, столь же отличающегося от Якутска, как Якутск от Петербурга, и девять месяцев в году погребенного под снегом, отправляются во все концы, вплоть до Берингова пролива и Анадырской бухты, казаки, которым предписано собирать налоги с чукчей, юкагиров и коряков. Как ни бедны эти несчастные, которым жестокая природа с такой скарედностью отпускает средства к существованию, они обязаны ежегодно платить «белому царю, сыну солнца», подушную подать в размере восьми-девяти франков в год, чаще всего шкурками. Цифра как будто бы скромная, но она достаточно велика для тех, кто кормится только мороженой рыбой и олениной и по-настоящему голодает, когда весной уходит рыба, а осенью – стада диких оленей. И неудивительно, что они всячески стараются увернуться от выплаты тяжелого для них налога, и, для того чтобы взыскать его, казакам приходится немало потрудиться. И хотя закон и порядок одерживают в конце концов верх, но какой ценой! Павшие лошади, замерзшие в пути люди. Намного ли сумма подати превосходит расходы на сбор налогов? Однако об этом никто не думает: важен сам принцип.

И кто бы мог поверить, что в злосчастном, заброшенном краю, где стонут от отчаяния влачащие жалкое существование ссыльные или каторжане, в течение нескольких дней в году царит праздничное ликование? А между тем это именно так.

В первую неделю февраля в остроге Островном, что в двухстах пятидесяти километрах от Нижнеколымска, на одном из островов реки Анюй, открывается пользующаяся доброй славой богатая ярмарка, на которую съезжаются русские купцы и чукчи со всей Восточной Сибири и даже с Аляски, лежащей по ту сторону Берингова пролива и еще сравнительно недавно входившей в состав Русской Америки.

Само Островное, где проходит ярмарка, известная как Нижнеколымская, – небольшое селение. На одной из окраин его высится разрушенная часовня. Два-три десятка чумов теснятся вокруг острога – нескольких административных строений, обнесенных забором с одними воротами и смотровой башней над ними. Здесь живет исправник, в обязанности коего входит неукоснительное поддержание порядка, борьба с любыми правонарушениями и защита интересов купцов из Якутска в их торговле с кочевыми племенами. Кочевники покорно выполняют любые решения этой важной по местным масштабам персоны, хотя в распоряжении исправника – всего лишь тридцать казаков, вызываемых им по случаю ярмарки из Нижнеколымска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.